

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 17 • № 1 • 2025 • ЯНВАРЬ–МАРТ

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кошкин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартенев В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Зягельская И.Д. — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Технический редактор

Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 17 • No. 1 • WINTER • 2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Head of the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

Technical Editor

Bogdan A. Avdeev

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)

Периодичность —
четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов,
факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 25.04.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16.

Уч.-изд. л. 13,6. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 13108. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original research papers, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СО Д Е Р Ж А Н И Е

НА ЗАРЕ РАХ AMERICANA

От редакции	9
М и н к о в а К.В. Проблема ратификации Устава Международной торговой организации во внутривитическом дискурсе США 1948–1950 гг.	14
Л е к а р е н к о О.Г. Подходы США к экономическому развитию За- падной Европы в 1940–1950-е годы	54
М а г а д е е в И.Э. Контуры послевоенной системы безопасности в Европе во французских стратегических и дипломатических оценках (1943–1949)	89
Н е с т е р о в Д.А. Будущее колониальной системы в оценках экс- пертов Совета по международным отношениям во время Второй мировой войны	141
С и д о р о в А.А. «Тихоокеанская пактомания»: у истоков Сан- Францисской системы	162
С а д а к о в Д.А. Фактор США в эволюции региональной биполяр- ной системы на Корейском полуострове в 1940–1970-е годы	203
В е р ш и н и н А.А. Внешняя политика на сломе эпох. <i>Размышления на полях книги О.Р. Айрапетова «История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы»</i>	238

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

C O N T E N T S

AT THE DAWN OF PAX AMERICANA

Editorial Note	9
M i n k o v a K.V. Ratification of the ITO Charter in the U.S. Domestic Political Discourse, 1948–1950	14
L e k a r e n k o O.G. U.S. Approaches to Economic Development of Western Europe in the 1940s–1950s	54
M a g a d e e v I.E. Contours of the Post-War Security System in Europe in French Strategic and Diplomatic Assessments (1943–1949)	89
N e s t e r o v D.A. The Future of the Colonial System as Assessed by Experts of the Council on Foreign Relations during the Second World War	141
S i d o r o v A.A. The Pacific Pactomania: At the Origins of the San Francisco System	162
S a d a k o v D.A. The U.S. Factor in the Evolution of the Regional Bipolar System on the Korean Peninsula in the 1940s–1970s	203
V e r s h i n i n A.A. Foreign Policy at the Turn of the Epochs. <i>Book review</i> <i>of ‘History of the Soviet foreign policy in 1918–1941’ by O.R. Airapetov</i>	238

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается новый тематический выпуск нашего журнала. Подготовка каждого такого номера сама является интересным научным экспериментом. Путь от первоначального замысла до итогового результата наполнен интенсивным научным поиском авторов, их заочным диалогом с рецензентами, долгой и кропотливой работой редакции. Получившийся в итоге выпуск нередко не совпадает с его изначальной задумкой. Это обстоятельство дает богатую пищу для размышлений как о внутренних особенностях организации исследовательского процесса в общественных науках, в частности в исторической науке и в политологии, так и о его неразрывной связи с общим социально-политическим контекстом, в который погружены ученые и который исподволь влияет на их деятельность, ставя перед ними определенные задачи, задавая специфические вопросы и подсказывая общее направление поиска. Не стал исключением и этот выпуск.

Первоначально речь шла о том, чтобы осветить на страницах журнала широкий комплекс вопросов, связанных с перипетиями становления Ялтинско-Потсдамского порядка, взглядами его архитекторов на проблемы послевоенного переустройства международных отношений.

Такая фабула была предложена ряду ведущих российских историков и экспертов-международников, занимающихся изучением проблем становления Ялтинско-Потсдамского порядка и представляющих ключевые отечественные центры международно-политических исследований. Результатом дальнейшего творчества этих ученых стала серия статей, в центре внимания которых оказалась политика одной из двух сверхдержав — Соединенных Штатов Америки.

Это обстоятельство в том числе отражает и тот факт, что в современных условиях именно США в лице новой администрации Д. Трампа выступают главной угрозой для самых базовых оснований и принципов этого порядка, доживших, пусть и в измененном виде, до наших дней. Для понимания причин и логики этой трансфор-

мации глобальной роли США обращение к периоду становления Ялтинско-Потсдамского порядка может быть особенно полезным.

В этом отношении обращает на себя внимание, что статьи, представленные в данном выпуске, затрагивают именно те вопросы, которые и в настоящий момент являются одними из ключевых проблемных узлов и вызовов для внешней политики США.

Так, значительный интерес в современных условиях приобретает открывающая этот выпуск статья К.В. Минковой (Санкт-Петербургский государственный университет), в центре внимания которой оказались напряженные дискуссии, развернувшиеся в американских политических и бизнес-элитах по вопросу ратификации Устава Международной торговой организации. Она должна была стать главным инструментом либерализации международной торговли и как следствие — одним из механизмов стабилизации послевоенного мирового порядка в целом. Однако, как показано в данной статье, несмотря на усилия администрации Г. Трумэна, принятая в итоге версия Устава не нашла поддержки у значительной части американских деловых кругов как не отвечавшая их интересам. По мнению К.В. Минковой, провал проекта создания МТО придал дополнительный импульс росту напряженности в международных отношениях, трансформировавшихся в состояние холодной войны.

В статье О.Г. Лекаренко (Томский государственный университет) предпринята попытка проанализировать эволюцию американских подходов к экономическому развитию Западной Европы в 1940–1950-е годы, вписав ее в более широкий контекст планов США по построению мирового либерального экономического порядка. Автор подчеркивает, что Вашингтон целенаправленно использовал масштабную экономическую помощь, в частности, в рамках плана Маршалла, чтобы стимулировать интеграционные процессы в Европе, рассчитывая тем самым создать в регионе крупный рынок для экспорта американских товаров. Важную роль, разумеется, в действиях Вашингтона, играли при этом и политико-идеологические соображения, связанные со стремлением не допустить к власти в Италии и Франции компартии, которые в то время в этих странах были весьма значимой силой.

По замыслу Вашингтона, вслед за либерализацией торговых отношений между западноевропейскими странами должна была произойти либерализация их торговли с внешними партнерами. Однако внешнеэкономическая политика Европейских сообществ

стала развиваться на протекционистской основе, что поставило перед США новый вызов.

В выстраивании диалога с Западной Европой у Вашингтона с самого начала становления Ялтинско-Потсдамского порядка имелся важный козырь — острая зависимость европейских стран от американской военной мощи. За прошедшие десятилетия эта ситуация не претерпела существенных изменений, лишь еще прочнее институционализировавшись в рамках структур НАТО. Однако тогда, в первые послевоенные годы, западноевропейские государства с трудом свыкались с новой для себя ролью младших партнеров. В этом отношении показателен пример Франции. Непростой процесс адаптации французского внешнеполитического и военного планирования к новым условиям подробно освещен в статье И.Э. Магадеева (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ). Автор приходит к выводу, что французское руководство в рассматриваемый период, хотя и отличалось определенной инерцией мышления, выражавшейся в стремлении опираться на традиционные принципы и установки, продемонстрировало способность достаточно быстро перестраивать свои планы, если они не вписывались в логику нарастающей холодной войны. При этом ряд базовых компонентов внешнеполитической идентичности страны, прежде всего императив возвращения «величия Франции», оставались константами политики Парижа.

Ялтинско-Потсдамский порядок никогда не носил сугубо европоцентричного характера. С самого начала его становления одним из его краеугольных камней и одновременно одним из ключевых направлений реализации внешнеполитических интересов США стало оформление особой подсистемы международных отношений в Восточной Азии. Показательно, что сейчас именно Азиатско-Тихоокеанский регион, где на первый план выдвигается всё более масштабное и жесткое американо-китайское соперничество, оказался в центре внимания новой администрации Д. Трампа. С точки зрения понимания специфики современных подходов США к выстраиванию отношений со странами региона обращение к истории генезиса Ялтинско-Потсдамского порядка также представляется небезынтесным.

Данный регион приковывал к себе повышенное внимание американских политиков и стратегов уже в самом разгаре Второй мировой

войны. Как показано в исследовании Д.А. Нестерова (Самарский государственный социально-педагогический университет), особую активность в этом направлении проявляли эксперты, аффилированные с Советом по международным отношениям. Они отмечали неизбежность ослабления европейских колониальных империй после завершения войны и ставили вопрос о целесообразности активизации политики США в регионе, в том числе с учетом возможного усиления угрозы со стороны СССР. При этом, как отмечает Д.А. Нестеров, американские эксперты проявляли в последнем вопросе определенную осторожность, указывая, что проникновение американского капитала в бывшие европейские колонии может быть сопряжено с экономическими рисками, которые превысят возможные дивиденды.

Эта осторожность была присуща и американским подходам к выстраиванию военно-политического взаимодействия со странами Восточной Азии. Как подчеркивает в своей статье А.А. Сидоров (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова), система союзнических отношений, которую в первые послевоенные годы стали создавать в Азиатско-Тихоокеанском регионе США, изначально отличалась ярко выраженной спецификой. Ее ядром стала серия соглашений с рядом региональных игроков, которые можно условно разделить на «гарантийные» и «перестраховочные». Для описания получившейся структуры союзнических отношений стали использовать образ «колеса с втулкой и спицами». Такой подход, хотя и в несколько измененном виде, по многим признакам остается ключевым компонентом политики безопасности США в данном регионе и по сей день.

На сложность и неоднозначность политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе указывает в своем исследовании и Д.А. Садаков (Вятский государственный университет). Проанализировав перипетии становления и развития региональной подсистемы международных отношений на Корейском полуострове, он заключил, что политика США была одним из важнейших, но далеко не единственным фактором в данном процессе и постоянно корректировалась с учетом действий иных акторов, особенно СССР и КНР.

Серьезного внимания заслуживает развернутая рецензия А.А. Вершинина (МГУ имени М.В. Ломоносова), в центре внимания которой оказалась новая фундаментальная работа видного отечественного историка О.Р. Айрапетова «История внешней политики

Советского государства в 1918–1941 годы». Отличительной чертой рассматриваемой работы является глубокая контекстуализация реконструируемых явлений и событий, как следствие, предметом исследования выступает не столько внешняя политика СССР, реализуемая Наркоматом иностранных дел, сколько его «большая стратегия», в рамках которой дипломатия играет роль лишь одного из инструментов наряду с экономическим строительством, военным планированием и разведывательной работой. Именно она в значительной мере определила подходы к Ялтинско-Потсдамской системе руководства Советского Союза, который сыграл решающую роль в Победе антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. Впрочем, феномен «большой стратегии» заслуживает отдельного рассмотрения, в том числе на основе дополнительного привлечения и осмысления архивных материалов.

Надеемся, что представленный выпуск будет встречен с интересом отечественными исследователями и будет стимулировать дискуссию, связанную с многоплановой историей формирования Ялтинско-Потсдамского порядка и его судьбой в современных условиях. Мы же со своей стороны будем всегда рады предоставить на страницах нашего журнала площадку для профессионального обмена мнениями и апробации новых научных открытий!

НА ЗАРЕ PAX AMERICANA

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-14-53

Научная статья / Research paper

К.В. Минкова*

ПРОБЛЕМА РАТИФИКАЦИИ УСТАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США 1948–1950 гг.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9*

После Второй мировой войны Соединенные Штаты приняли активное участие в формировании тех базовых принципов международного торгового режима, которые в значительной мере определяют его облик и в настоящий момент. При этом сегодня именно США в лице Д. Трампа выступают едва ли не главной угрозой этим принципам, стремясь с помощью протекционистских мер и пересмотра торговых соглашений добиться для себя односторонних преимуществ. Для лучшего понимания этой трансформации американских внешнеэкономических приоритетов представляется целесообразным присмотреться к внутриполитическим дискуссиям, развернувшимся в США в конце 1940-х годов по вопросу о ратификации Устава Международной торговой организации (МТО), которая должна была стать главным инструментом либерализации международной торговли. В первой части статьи подробно рассмотрены перипетии переговоров вокруг различных проектов Устава. Автор заключает, что итоговую его версию, которая была согласована в Гаване в 1948 г., нельзя считать безоговорочной победой Вашингтона: американской делегации не удалось полностью отстоять те исходные принципы либерализации торговли, которые она продвигала, документ содержал большое количество лазеек и оговорок, размывавших его базовые принципы. Это обстоятельство прекрасно осознавали сторонники идеи создания МТО среди американских политических и бизнес-элит, которые, как показано во втором и третьем разделах статьи соответственно, прилагали значительные усилия, чтобы

* *Минкова Кристина Владимировна* — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: k.minkova@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-5833-6808).

добиться ратификации ее Устава. С этой целью, в частности, был образован Комитет в поддержку МТО, в который вошли десятки крупных американских бизнесменов. Все эти усилия, однако, не смогли сломить сопротивление противников ратификации Устава, в число которых входили как убежденные протекционисты, так и сторонники либерализации международной торговли, которым не нравился принятый в Гаване вариант документа. В этих условиях поддержка Устава, в том числе администрацией Г. Трумэна, стала таять на глазах. Автор заключает, что неспособность Соединенных Штатов «продать» свой проект Устава МТО имела негативные политические и репутационные последствия, которые, однако, в значительной мере компенсировались успешным подписанием ГАТТ. В то же время самым серьезным следствием провала проекта создания МТО стало усугубление международной напряженности, которую могла бы смягчить организация, регулирующая мировую торговлю.

Ключевые слова: Международная торговая организация, Соединенные Штаты Америки, свободная торговля, протекционизм, Бреттон-Вудская система, Гаванская хартия, ГАТТ, глобальное экономическое управление, Г. Трумэн, У. Клейтон, У. Бэтт, Д. Ачесон, К. Уилкокс

Для цитирования: Минкова К.В. Проблема ратификации Устава Международной торговой организации во внутривнутриполитическом дискурсе США 1948–1950 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 14–53. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-14-53.

Kristina V. Minkova

RATIFICATION OF THE ITO CHARTER IN THE U.S. DOMESTIC POLITICAL DISCOURSE, 1948–1950

*Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, Russia, 199034*

After World War II, the United States contributed largely to the formulation of the basic principles of the international trade regime, which determine its overall shape up to the present day. At the same time, it is the United States, represented by Donald Trump, that perhaps poses the main threat to these principles, seeking to gain unilateral advantages through protectionist measures and the revision of trade agreements. In order to provide a better understanding of this transformation of the U.S. foreign economic priorities, this paper examines the domestic political debates that unfolded in the United States back in the late

1940s on the ratification of the Charter of the International Trade Organization (ITO), which was supposed to become the main tool of international trade liberalization. The first section of the article examines the history of negotiations on various drafts of the Charter. The author concludes that the final version of the ITO Charter, agreed upon in Havana in 1948, cannot be considered a U.S. landslide victory — the American delegation failed to defend the basic principles of trade liberalization that it advocated, with the document containing a large number of loopholes and reservations eroding its initial concept. This fact was well understood by ITO supporters among the American political and business elites, who, as shown in the second and third sections of the article, respectively, made significant efforts to secure the ratification of the Charter. To this end, a special Committee for International Trade Organization, which included dozens of major American businessmen, was formed. All these efforts, however, could not overcome the resistance of the opposition to the ratification of the Charter, which included both staunch protectionists and those advocates of international trade liberalization, who did not welcome the version of the Charter adopted in Havana. Under these conditions, the support for the Charter, including from the Truman administration, began to fade away. The author concludes that the U.S. inability to ‘push through’ its draft Charter had negative political and reputational consequences, which, however, were largely offset by the successful signing of the GATT. At the same time, the most serious consequence of the ITO failure was the aggravation of international tensions, which could have otherwise been mitigated by an organization regulating world trade.

Keywords: International Trade Organization, United States, free trade, protectionism, Bretton Woods System, Havana Charter, GATT, global economic governance, H. Truman, W. Clayton, W. Batt, D. Acheson, C. Wilcox

About the author: *Kristina V. Minkova* — Doctor of Sciences (History), Professor at the American Studies Department, Saint Petersburg State University (e-mail: k.minkova@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-5833-6808).

For citation: Minkova K.V. 2025. Ratification of the ITO Charter in the U.S. domestic political discourse, 1948–1950. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 14–53. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-14-53. (In Russ.)

С приходом к власти в США Д. Трампа вопросы международной торговли вновь заняли ключевое место во внешнеполитической повестке американской администрации, которая пытается укрепить позиции страны в глобальной экономической конкуренции с помощью протекционистских мер и пересмотра торговых соглашений.

Между тем в свое время, на излете Второй мировой войны, именно США сыграли ведущую роль в процессе либерализации международной торговли, перипетии которого будут рассмотрены в данной статье. Актуальность выбранной темы определяется важностью изучения позиций американских сторонников и противников перехода к свободной торговле, поскольку их аргументы с течением времени не подверглись значительной трансформации, а сегодняшняя международная обстановка, вызванная крахом действовавшей ранее системы международных отношений, по ряду характеристик весьма схожа с ситуацией 1940-х годов.

Различные правительственные учреждения США углубленно занимались проектами создания послевоенных валютно-финансовой и торговой систем уже с начала 1943 г. Если о первой, заложенной Бреттон-Вудскими соглашениями 1944 г.¹, в отечественной и западной историографии известно достаточно много, то проект Международной торговой организации (МТО), занимавший умы американской деловой и политической элиты с 1945 по 1950 г., не получил достаточного научного освещения.

В советской историографии МТО были посвящены всего две статьи в журнале «Внешняя торговля» за 1948 г. Обе изложены в достаточно нейтральном ключе и носят в основном информационный характер². В последние годы появился ряд работ автора настоящей статьи, в которых исследуются как сам проект создания МТО и роль США в его разработке, так и отношение к нему советского руководства [Минкова, 2006а, 2006б, 2006с, 2016а, 2016б, 2017, 2018, 2021; Minkova, 2017]. Отметим также, что в работах отечественных авторов, посвященных международной торговле, упоминаний о МТО не содержится вовсе либо они оказываются весьма скудными [см., например: Данильцев и др., 2005: 20; Портанский, 2010: 35–36].

Практически не исследован феномен МТО и в западной историографии. Едва ли не все статьи и несколько монографий, посвященные

¹ United Nations Monetary and Financial Conference, Bretton Woods, New Hampshire, July 1 to July 22, 1944: Final Act and related documents. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1944. Available at: https://fraser.stlouisfed.org/files/docs/historical/eccles/036_17_0004.pdf (accessed: 25.03.2025).

² Фрей Л. Международная торговая организация // Внешняя торговля. 1948. № 2. С. 17–25; Его же. Международная торговая организация // Там же. № 3. С. 22–28; [Чечулин] Н.В. Об итогах Гаванской конференции // Там же. 1948. № 6. С. 21–25. За этими инициалами (Н.В.), очевидно, скрывается Н.Ф. Чечулин, заместитель Председателя Правления Госбанка СССР с 1940 г.

этому вопросу, были изданы в период 1947–1951 гг. Большинство этих работ следует скорее рассматривать как источники, поскольку их авторы были активно вовлечены в описываемые ими процессы. Среди таких исследований надо особо выделить монографии «Хартия мировой торговли» главы американской делегации на переговорах по выработке Устава МТО К. Уилкокса³ и «Конец МТО» экономиста Совета по международным отношениям США У. Диболда⁴, а также статьи К. Кнорр «Функции Международной торговой организации: возможности и ограничения»⁵, Дж. Вайнера «Конфликты принципов в выработке Торговой хартии»⁶, Дж. Мида «Бреттон-Вудс, Гавана и платежный баланс Великобритании»⁷, А. Гершенкрона «Россия и Международная торговая организация»⁸. По вполне понятным причинам данные работы носили преимущественно описательный характер, зачастую были достаточно субъективными, а аналитическая часть в основном ограничивалась прогнозами. Таким образом, говорить о какой-либо методологии или особых подходах применительно к этим трудам не приходится.

Из перечисленных специальных работ лишь одна была написана после того, как США отказались от создания МТО в конце 1950 г. Однако ни она, ни другие, более общие труды, увидевшие свет после 1950 г. и посвященные Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ) [Gardner, 1969; Dam, 1970; Graz, 1999; Brown, 2003; и др.], не дают исчерпывающих ответов на те вопросы, которые мы постараемся осветить в настоящей статье: какие меры принимала администрация Г. Трумэна для того, чтобы «продать» проект МТО американским элитам и американскому обществу в целом; насколько популярна была в США идея создания МТО; кем были ее сторонники и противники; чем они руководствовались, высказываясь за или против создания этой организации; наконец, почему США, затратившие

³ Wilcox C. A charter for world trade. New York: The Macmillan Company, 1949.

⁴ Diebold W. The end of the ITO. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1952.

⁵ Knorr K.E. The functions of an International Trade Organization: Possibilities and limitations // The American Economic Review. 1947. Vol. 37. No. 2. P. 542–553.

⁶ Viner J. Conflicts of principle in drafting a trade charter // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. No. 4. P. 612–628.

⁷ Meade J.E. Bretton Woods, Havana and the United Kingdom balance of payments // Lloyds Bank Review. 1948. No. 7. P. 1–18.

⁸ Gerschenkron A. Russia and the International Trade Organization // The American Economic Review. 1947. Vol. 37. No. 2. P. 624–642.

столько сил на выработку Устава МТО и его продвижение, сами от него отказались?

На пути к подписанию Устава МТО

Необходимость создания глобальной системы международной торговли западные страны признавали задолго до окончания Второй мировой войны. В мае 1927 г. в Женеве состоялась Всемирная экономическая конференция, проходившая под эгидой Лиги Наций. Ее участники выступали за предотвращение роста таможенных пошлин и ограничение применения нетарифных барьеров. Не будучи членом организации, Соединенные Штаты Америки в конференции не участвовали, однако идея либерализации международной торговли получила некоторую поддержку со стороны американского Исполнительного комитета Международной торговой палаты, который посчитал, что свободная торговля «неизбежно принесет большую пользу европейским народам»⁹. При этом ни президент-республиканец К. Кулидж, ни республиканский Конгресс не проявили никакого интереса к указанным предложениям.

В 1933 г. с теми же целями и также по инициативе европейских стран в Лондоне была организована вторая международная экономическая конференция. На этот раз для достижения наибольшей эффективности к участию в ней были привлечены Соединенные Штаты, однако недавно избранный президент Ф.Д. Рузвельт, поглощенный борьбой с последствиями Великой депрессии, не был готов быстро отказаться от традиционной для США протекционистской политики, и во многом из-за этого конференция вновь не принесла никаких практических результатов [Минкова, 2021: 172–173].

Тем не менее в американских деловых и правительственных кругах нарастала уверенность в том, что внешняя торговая политика может быть наиболее эффективной только в условиях либерализации международной торговли. Таких взглядов придерживались в основном сторонники и члены Демократической партии; поддержка этих идей среди более консервативных республиканцев была значительно ниже. В 1937 г. специальный помощник госсекретаря К. Хэлла Л. Пасвольский направил заместителю госсекретаря С. Уэллсу секретный меморандум, содержащий рекомендации по либерализации

⁹Final report of the Trade Barriers Committee. Brochure No. 45. Paris: International Chamber of Commerce, 1927. P. 32.

международной торговли и установлению нового международного экономического режима [цит. по: Масликова, 2021: 165].

Началу полноценной реализации предложенных Пасвольским мер помешала Вторая мировая война, однако создание свода правил международной торговли и ее либерализация оставались одним из ключевых приоритетов внешней политики США в годы войны, поскольку рост их политического и экономического могущества в мире требовалось закрепить институционально — путем создания соответствующих международных организаций и обеспечения в них лидерства Соединенных Штатов. Так, ключевые документы начала 1940-х гг. — и Атлантическая хартия¹⁰, и соглашения о взаимопомощи с союзниками¹¹ — содержали положения о необходимости создания международного валютно-финансового института, международного банка и международной организации для регулирования торговли.

Более активная разработка и консультации по выработке основных принципов функционирования этих институтов начались в 1943 г., однако на первых порах — в связи с тяжелым экономическим положением союзников США — приоритет отдавался структурам валютно-финансовой системы. После успешного подписания Бреттон-Вудских соглашений о создании Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития (МБРР)¹² настала очередь МТО.

В ноябре 1945 г. Госдепартамент США представил Конгрессу доклад под названием «Расширение мировой торговли и занятости», в котором была подчеркнута необходимость создания международной организации для регулирования торговли¹³.

Менее чем через месяц Соединенные Штаты направили своим союзникам по антигитлеровской коалиции «Положения для рас-

¹⁰ Атлантическая хартия, 14 августа 1941 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 1. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. / Ред.-сост. С. Майоров. М.: Политиздат, 1944. С. 147–148.

¹¹ См., например: Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, 11 июня 1942 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1941–1943. М.: Политиздат, 1984. С. 198–202.

¹² United Nations Monetary and Financial Conference...

¹³ Proposals for expansion of world trade and employment. Department of State publication 2411, November 1945. P. 1–7 // Fraser. Available at: https://fraser.stlouisfed.org/files/docs/historical/eccles/036_04_0003.pdf (accessed: 25.03.2025).

смотрения на международной конференции по вопросам торговли и занятости». В этом документе предусматривалось создание МТО, предлагались ее структура, возможные способы регулирования международной торговли, проведение серий переговоров о снижении таможенных пошлин, отмена различных нетарифных барьеров и проч.¹⁴ Правительство Великобритании, связанное с Вашингтоном узами свежеподписанного финансового соглашения¹⁵, одобрило этот документ как основу для дальнейших переговоров, хотя, по сути, высказанные в нем предложения были Лондону мало выгодны¹⁶. Экземпляры «Положений» были разосланы во все страны мира, а 15 государствам (Великобритании, Китаю, СССР, Франции — как основным союзникам по антигитлеровской коалиции; Австралии, Индии, Канаде, Новой Зеландии и Южной Африке — как частям Британской империи; Бельгии, Люксембургу, Нидерландам и Чехословакии — как наиболее развитым дружественным государствам Европы; а также Бразилии и Кубе — как крупнейшим американским союзникам США) было предложено принять участие в непосредственных переговорах, итогом которых должно было стать снижение тарифов и других торговых барьеров. Четырнадцать стран из пятнадцати приняли приглашение США, СССР оставил его без ответа¹⁷.

На первой сессии Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) ООН в феврале 1946 г. была принята резолюция о созыве Международной конференции по торговле и занятости в целях «расширения производства, международной торговли и потребления товаров» [McGovern, 1995: 4]. По инициативе США эта резолюция предусматривала также создание Комитета по подготовке Устава (Preparatory Committee, КПУ) из представителей уже 19 стран (к переговорам присоединялись Ливан, Норвегия и Чили, а СССР

¹⁴ Положения для рассмотрения на международной конференции по вопросам торговли и занятости. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 45. Д. 700. Л. 22–57.

¹⁵ Financial agreement between the governments of the United States and the United Kingdom dated 6th December, 1945 together with a joint statement regarding settlement for lendlease, reciprocal aid, surplus war property and claims. London: His Majesty Stationary Office, 1945.

¹⁶ По условиям соглашения Великобритания получила от США кредит в размере 3,75 млрд долл., однако взамен была вынуждена отказаться от системы имперских преференций. См. подробнее: [Минкова, 2018].

¹⁷ О причинах такого решения Советского Союза см. подробнее: [Минкова, 2021: 177–191].

пока еще оставался в списке потенциальных участников)¹⁸. Комитету поручалась разработка программы конференции, включая проект конвенции о создании МТО, которая должна была стать частью Бреттон-Вудской системы и одним из институтов ООН [Kock, 1969: 52].

Несмотря на то что разработкой Устава должен был заниматься КПУ, 20 сентября 1946 г. его члены получили от США уже готовый документ под названием «Проект Устава Международной торговой организации...» («Suggested Charter for an International Trade Organization...»)¹⁹, который, по словам директора Бюро по внешнеторговой политике Госдепартамента К. Уилкокса, следовало «продать другим странам». Одна из проблем заключалась в том, что среди членов КПУ пять крупных государств были участниками стерлингового блока и входили в систему имперских преференций. Соответственно предложения США о масштабной либерализации международной торговли путем постепенного снижения тарифов и отмены различных нетарифных ограничений ломали привычный для них паттерн, при этом не гарантируя более выгодных условий, по крайней мере непосредственно после создания МТО²⁰.

Первое заседание Комитета, на котором присутствовали делегации всех избранных в него государств (кроме СССР), проходило в Лондоне с 15 октября по 26 ноября 1946 г.²¹ Переговоры протекали трудно, однако делегации США удалось не сделать ни одной уступки по фундаментальным вопросам [Масликова, 2020: 132]. В итоге КПУ проголосовал за то, чтобы принять «лондонский проект» Устава МТО²² за основу дальнейших переговоров.

¹⁸ GATT analytical index: Guide to GATT law and practice, 1947–1994 // World Trade Organization. P. 4. Available at: <https://gatt-disputes.wto.org/sites/default/files/books/GATT%20Analytical%20Index.pdf> (accessed: 25.03.2025).

¹⁹ Suggested charter for an international trade organization of the United Nations: Department of State publication no. 2598. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1946.

²⁰ The Director of the Office of International Trade Policy (Wilcox) to the Secretary of State, December 27, 1946 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1946. Vol. 1: General; The United Nations. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 1366. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/BIG5XKLVEVAN687/E/file-a231e.pdf?dl> (accessed: 25.03.2025).

²¹ Wilcox C. The London draft of a charter for an international trade organization // The American Economic Review. 1947. Vol. 37. No. 2. P. 529–541.

²² Charter of the International Trade Organization of the United Nations // Report of the first session of the Preparatory Committee of the United Nations Conference on Trade and Employment. P. 27–41. Available at: <https://worldtradelaw.net/document.php?id=misc/London%20Draft.pdf&mode=download> (accessed: 25.03.2025).

Важно отметить, что параллельно с выработкой текста Устава в Лондоне отдельно обсуждалось снижение тарифов, поскольку о своей готовности пойти на такой шаг заявили все входившие в Комитет страны. В связи с отсутствием серьезных разногласий (а также поскольку полномочия президента США на снижение тарифов истекали 30 июня 1948 г.²³ и американская делегация не могла затягивать процесс) переговоры по этому вопросу шли быстро и успешно, завершившись подписанием ГАТТ 23 октября 1947 г.²⁴

Поскольку в ходе первого заседания КПУ стороны не смогли разрешить все свои противоречия относительно формулировок Устава²⁵, его итогом стало создание Проектного комитета (Draft Committee), в компетенцию которого входили выработка предложений по урегулированию спорных моментов, а также подготовка печатного издания текста Устава со всеми поправками. За время своей работы — с 20 января по 25 февраля 1947 г. — Проектный комитет подготовил и издал третий вариант Устава МТО, который известен в зарубежной историографии как «ню-йоркский проект»²⁶.

²³ В 1934 г. в США был принят Закон о торговых соглашениях на основе взаимности (Reciprocal Trade Agreements Act), который положил конец политике протекционизма. Этот закон, наделявший президента США полномочиями снижать на взаимной основе тарифные барьеры и устранять другие препятствия в международной торговле, с 1934 по 1948 г. продлевался 4 раза. В связи с тем, что на момент истечения данных полномочий в 1948 г. Конгресс полностью контролировали нелояльные Г. Трумэну республиканцы, президент опасался того, что на этот раз продление закона может быть заблокировано. См.: Special Message to the Congress requesting extension of the Reciprocal Trade Act, March 1, 1948 // Harry S. Truman Library & Museum. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/42/special-message-congress-requesting-extension-reciprocal-trade-act> (accessed: 25.03.2025).

²⁴ General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947) // World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_e.htm (accessed: 25.03.2025). Соглашение подписали 23 страны, значительная часть которых либо оставались доминионами Британской империи, либо ранее входили в Британскую империю, либо долгое время находились под британским влиянием: Австралия, Бельгия, Бирма, Бразилия, Великобритания, Индия, Канада, Китай, Куба, Ливан, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Сирия, США, Франция, Цейлон, Чехословакия, Чили, Южная Африка, Южная Родезия.

²⁵ Неурегулированными оставались вопросы взаимоотношений между странами — членами МТО и государствами, которые не войдут в эту организацию; правила торговли, касавшиеся стран, в которых внешняя торговля была монополией государства; чисто технические моменты, связанные с оценкой тарифов, свободой передвижения и т.п.

²⁶ Report of the Drafting Committee of the Preparatory Committee of the United Nations Conference on Trade and Employment (20 January to 25 February 1947). New York:

Параллельно США готовили свои поправки к «лондонскому проекту» Устава МТО, чтобы попытаться провести более выгодные для себя формулировки в ходе следующего раунда переговоров²⁷. В обсуждении этого документа приняли участие более 200 американских политиков, ученых и предпринимателей. В ходе дебатов было высказано весьма внушительное количество различных предложений, которые США готовились озвучить на втором заседании КПУ. Эти предложения касались, например, антидемпинговых и компенсационных пошлин: США предлагали разрешить странам — членам МТО вводить антидемпинговые меры только в том случае, если применение демпинга угрожает или может угрожать соответствующей отрасли экономики той страны, против которой применяется демпинг²⁸. Это заседание открылось 10 апреля 1947 г. в Женеве.

С мая по август 1947 г. текст Устава вновь редактировался, дополнялся и прояснялся. США удалось провести большинство предложенных ими поправок (например, тех, которые касались антидемпинга), однако они потерпели поражение в одном весьма существенном для них вопросе: по настоянию Канады Комитет включил в текст Устава положение, запрещавшее применение экспортных субсидий без предварительного согласия на это всех членов организации²⁹. Таким образом, США лишились права на свободное применение одной из самых действенных протекционистских мер для оперативной защиты рынка в кризисной ситуации.

На женеvском заседании Комитета, т.е. спустя год после начала обсуждения Устава МТО, впервые раздались голоса развивающихся стран. Так, Индия, превратившись из части Британской империи в крупное независимое государство, нарушила сложившийся ранее расклад сил, при котором крупные развитые страны должны были

Lake Success, 1947. Available at: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=misc/New%20York%20Draft.pdf> (accessed: 25.03.2025).

²⁷ Wilcox C. Basic principles in establishment of International Trade Organization // The Department of State Bulletin. Vol. 15. No. 366–391. July 7 — December 29, 1946. P. 759–760. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077177882&seq=603> (accessed: 25.03.2025).

²⁸ General Agreement on Tariffs and Trade: Tentative and non-committal draft suggested by the Delegation of the United States, February 7, 1947 // WorldTradeLaw.net. Available at: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=misc/Draft%20.pdf> (accessed: 25.03.2025).

²⁹ International Trade Organization (Proposed) // International Organization. 1947. Vol. 1. No. 1. P. 140.

согласовать положения Устава, а развивающиеся страны — принять их и подчиниться. Индия попыталась внести в текст проекта Устава дополнение, разрешавшее ей заключать специальные соглашения с Пакистаном на том основании, что они «на протяжении долгого времени составляли одну экономическую единицу»³⁰. Среди других вопросов, поднятых развивающимися странами, громко звучали протесты против введения запрета количественных ограничений (к этой статье было подано 24 поправки); просьбы о разрешении на введение дополнительных региональных преференций в торговле и даже возражения против базовой идеи либерализации торговли — обязательного существенного снижения тарифов³¹.

22 августа 1947 г. Комитет завершил свою работу созданием «женевского проекта» Устава МТО³². Из-за усилившегося голоса развивающихся стран по ряду вопросов вновь не удалось прийти к компромиссу. Очередной этап обсуждений должен был состояться на Конференции ООН по торговле и занятости в Гаване осенью 1947 г.

Этот форум был чрезвычайно масштабным: помимо делегаций 56 стран — членов ООН, официально принимавших участие в переговорах, по рекомендации Комитета на заседаниях присутствовали и наблюдатели из других государств: Албании, Австрии, Бирмы, Болгарии, Венгрии, Ирландии, Италии, Йемена, Португалии, Румынии, Трансиордании, Финляндии, Цейлона, Швейцарии и Южной Родезии. При этом, когда ЭКОСОС предложил наделить правом голоса на конференции только страны — члены ООН, КПУ немедленно заявил протест против введения такой меры³³. Делегация США состояла из представителей ряда министерств (военного, финансов, торговли, труда и сельского хозяйства) и деловых кругов, в том числе Торговой палаты [Aaronson, 1993: 161–162].

Как и следовало ожидать, выросло количество участников дискуссии (большая часть которых не входили в КПУ и соответ-

³⁰ Havana charter for an International Trade Organization: Proposed amendment (India) // United Nations Digital Library. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/1484398?ln=ru&v=pdf> (accessed: 25.03.2025).

³¹ Brown Jr. W.A. The United States and the restoration of the world trade. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1950. P. 152–158.

³² Second session of the Preparatory Committee of the United Nations Conference on Trade and Employment. (Draft) General Agreement on Tariffs and Trade // WorldTradeLaw.net. Available at: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=misc/Draft%206.pdf> (accessed: 25.03.2025).

³³ Brown Jr. W.A. Op. cit. P. 135.

ственно не принимали участия в переговорах в Лондоне, Нью-Йорке и Женеве) еще больше затруднило достижение компромисса: 30 неразвитых (*undeveloped*) стран заявили, что Устав МТО составлен исключительно в интересах промышленных держав, и представили около 800 поправок к «женевской версии»; примерно четверть из них противоречили тем основным принципам организации международной торговли (снижение тарифов, отказ от нетарифных барьеров и т.п.), которые продвигали США [Тоуе, 2003: 287].

Из-за возникших разногласий конференция затянулась; в конце декабря 1947 г. Уилкоккс видел три возможных варианта дальнейших действий Соединенных Штатов: добиться согласия 25 или 30 стран на принятие жесткого Устава; добиться общего согласия по некоторым главам и разделам, а рассмотрение остальных отложить на следующий этап переговоров; принять «скелет» Устава без существенного наполнения в целях учреждения консультативного органа³⁴.

Как свидетельствует переписка членов американской делегации с У. Клейтоном (занимал ранее пост первого помощника госсекретаря по экономическим вопросам и оставался после ухода с этого поста одним из самых ярких идеологов МТО) и госсекретарем США Д. Ачесоном, переговоры проходили чрезвычайно напряженно. В итоге получилось что-то среднее между вторым и третьим вариантами: по большинству вопросов (об иностранных инвестициях, полной занятости и количественных ограничениях) был достигнут компромисс; некоторые наиболее спорные моменты (например, о праве правительств на передачу собственности при условии предоставления «справедливой компенсации») были вообще исключены из текста; другие были сформулированы весьма расплывчато³⁵, при этом допускались различного рода лазейки и исключения из

³⁴The Acting Deputy Director of the Office of International Trade Policy (Brown) to William L. Clayton, December 30, 1947 // FRUS. 1948. Vol. 1: General; The United Nations. In 2 parts. Part 2. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1976. P. 824. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/NBJXPYPSLAL368T/E/file-86e59.pdf?dl> (accessed: 25.03.2025).

³⁵Например, Устав наделял иностранных инвесторов справедливыми правами, однако оппоненты США трактовали их в том смысле, что государства могут экспроприровать активы инвесторов (ст. 12, п. 1(с)). Final Act of the United Nations Conference on Trade and Employment: Havana Charter for an International Trade Organization // WorldTradeLaw.net. Available at: <https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=misc/havana.pdf> (accessed: 25.03.2025).

принимаемых правил. По меткому выражению британского экономиста сэра Х. Хендерсона, «основные принципы, которые Хартия изначально должна была выражать и соблюдение которых обеспечивать, глубоко запрятаны и окутаны толстым слоем исключений и спасительных оговорок, через которые им будет трудно пробиться» [Henderson, 1949: 605].

Представляется, что основной причиной такого подхода стало стремление закончить работу над Уставом МТО любой ценой, поскольку ключевые государства-разработчики нуждались в том, чтобы согласовать хоть какую-то правовую основу для регулирования международных торговых отношений. Отчасти это было связано с новыми реалиями, не имевшими аналога в довоенной истории, например с распределением американской помощи по плану Маршалла через Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), отчасти — с особенностями нового экономического порядка, подразумевавшего значительную степень интеграции большинства стран — членов антигитлеровской коалиции.

Что касается непосредственно США, то они были заинтересованы в том, чтобы утвердиться в качестве мирового лидера. Этому должна была способствовать их ключевая роль в создании валютно-финансовой системы и в выработке правил мировой торговли, а значит, Вашингтон не мог отказаться от согласования текста Устава МТО. Старый двусторонний формат утратил эффективность, поскольку новые вызовы — например, возникшие при реализации плана Маршалла, — требовали и нового институционального и правового оформления. Среди этих вызовов можно назвать слом довоенного торгового порядка, базировавшегося на лидерстве Великобритании и комплексе двусторонних договоров; критическую нехватку долларов в ряде европейских стран, сильнее всего пострадавших от войны; формирование ОЕЭС, через которую должна была распределяться американская помощь и которая стала, по сути, первым экономическим интеграционным институтом в Европе, и т.д. Советник по экономике Бюро по внешнеторговой политике Госдепартамента Дж. Коппок подметил в меморандуме для У. Брауна (сменившего Уилкокса на посту главы Бюро): «Неспособность конференции в Гаване подготовить Устав МТО будет означать прекращение проекта МТО на неопределенное время. <...> Соединенные Штаты потерпят серьезное дипломатическое поражение. Проект МТО является ядром

послевоенной экономической программы, разработанной на основе Атлантической хартии и соглашений о ленд-лизе...»³⁶.

Гаванская хартия — согласованная на Конференции ООН версия Устава МТО — была подписана 53 государствами 24 марта 1948 г.³⁷ За день до этого Клейтон сказал: «Это — день победы. История знает и другие конференции, посвященные международным делам, но ни перед одной из них не стояла задача настолько трудная, как та, которую мы сегодня решили. Ни одна из них не затрагивала настолько широкий спектр жизненно важных экономических интересов такого количества государств. Ни на одной из конференций не был выработан документ, настолько всеобъемлющий, как Гаванская хартия мировой торговли. И едва ли найдется среди этих конференций одна, которая имела бы такой грандиозный успех»³⁸.

Данная цитата служит хорошим доказательством той значимости, которую придавали либеральные элиты США проекту создания МТО, и масштабности задуманного ими международного торгового порядка. В целом представляется, что подписание Устава МТО в таком виде, в каком он был согласован в Гаване, нельзя считать безоговорочной победой Вашингтона. С одной стороны, сам факт завершения переговоров стал положительным моментом, с другой — американской делегации в итоге не удалось полностью отстоять те исходные принципы либерализации торговли, которые содержались в «Положениях для рассмотрения на международной конференции по вопросам торговли и занятости». Большое количество лазеек, допущенных в Гаванской хартии, практически размывало те правовые основы международной торговли, на которых, по замыслу США, должен был строиться послевоенный экономический порядок.

Правительственная кампания в поддержку МТО и противники ратификации ее Устава

Лидерство США на переговорах по выработке Устава МТО означало (для подписавших его стран), что Вашингтон ратифицирует этот документ если не первым, то в числе первых, поскольку ст. 103 Устава гласила, что МТО не могла быть создана ранее, чем через

³⁶ Memorandum by the Economic Adviser, Office of International Trade Policy (Coppock) to the Acting Director of the Office of International Trade Policy (Brown), December 30, 1947 // FRUS. 1948. Vol. 1. P. 825.

³⁷ Final Act of the United Nations Conference on Trade and Employment...

³⁸ Press Release ITP/194. United Nations Conference at Havana, March 23, 1948. P. 1.

60 дней после ратификации Устава тридцатью государствами³⁹. При этом очевидно было, что другие страны будут смотреть на США и следовать за ними. На случай непредвиденных задержек с ратификацией в той же ст. 103 предписывалось, что после 24 марта 1949 г. необходимое для создания МТО количество государств снижалось до 20. Если бы к 30 сентября 1949 г. не набралось и такого количества стран, Генеральному секретарю ООН следовало начать консультации с правительствами тех стран, которые ратифицировали Устав, относительно дальнейшей судьбы МТО (судя по этим оговоркам, страны уже на момент подписания Устава понимали, что в процессе его ратификации могут возникнуть трудности).

Формировать в американском обществе позитивный образ МТО ее сторонники в правительственных кругах США начали задолго до подписания Гаванской хартии. 27 декабря 1946 г. Уилкоккс писал госсекретарю Дж. Маршаллу: «Успех или неудача нашей политики в области международной торговли зависит не столько от отношения других стран, сколько от той поддержки, которая будет оказана внутри Соединенных Штатов. Эта поддержка должна быть энергичной, широкомасштабной и двухпартийной. <...> Госдепартамент должен быть готов в ближайшие месяцы посвятить значительную часть своего времени и энергии программе информирования общественности и связям с Конгрессом»⁴⁰. Однако нужно отметить, что кампания по привлечению населения на сторону МТО была построена неверно. Она была нацелена скорее на деловые и политические элиты, чем на широкие слои общества (поскольку основная задача состояла в ратификации Устава). При этом значительная часть населения рассматривала международную торговлю с позиции производителя, а не потребителя; соответственно та угроза, которую представляли для сохранения их рабочих мест иностранные товары, виделась им куда более значимой, чем возможность снижения затрат за счет более дешевого импорта [Aaronson, 1993: 129].

Незадолго до этого, 9 ноября 1946 г., Трумэн выступил с заявлением о значении лондонских переговоров: «Важно, чтобы народ Со-

³⁹ См. ст. 103 Устава МТО: Final act and related documents. United Nations Conference on Trade and Employment held at Havana, Cuba, from November 21, 1947 to March 24, 1948. New York: Lake Success, 1948. P. 95 // United Nations Treaty Collection. Available at: https://treaties.un.org/doc/source/docs/E_CONF2_78-E.pdf (accessed: 25.03.2025).

⁴⁰ The Director of the Office of International Trade Policy (Wilcox) to the Secretary of State, December 27, 1946 // FRUS. 1946. Vol. I. P. 1366.

единенных Штатов понял подлинное значение этих переговоров для нас и для мира. Это не только торговые сделки <...>, это куда больше. Переговоры имеют центральное значение для структуры международных экономических отношений под эгидой Объединенных Наций. Они необходимы для достижения целей Атлантической хартии и ст. VII наших Соглашений о взаимопомощи. Они необходимы для укрепления и поддержки основ Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития и для прокладывания пути к той мировой экономике, которая заложена в проекте Устава Международной торговой организации. <...> Я уверен, что народ Соединенных Штатов окажет этим переговорам свою полную поддержку и поощрение»⁴¹.

В выступлении в Монтичелло 4 июля 1947 г.⁴² и на других площадках, в обращении к Конгрессу о положении в стране 7 января 1948 г.⁴³ Трумэн постоянно упоминал о важности создания МТО и о руководящей роли США в выработке правил международной торговли.

14 февраля 1948 г. Управление по связям с общественностью Госдепартамента выпустило релиз под названием «Краткая информация об Уставе предлагаемой Международной торговой организации». В нем говорилось, в частности, что «Устав устанавливает согласованный свод принципов ведения международной торговли и организацию, призванную содействовать их реализации. Эта организация будет специализированным учреждением ООН, и ее создание позволит реализовать принципы политики, сформулированной Конгрессом в заключительном параграфе Акта о Бреттон-Вудских соглашениях, в котором Конгресс принял членство в Бреттон-Вудских организациях»⁴⁴.

⁴¹ Statement by the President on the forthcoming International Conference on Tariffs and Trade, November 9, 1946 // Harry S. Truman Library & Museum. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/248/statement-president-forthcoming-international-conference-tariffs-and> (accessed: 25.03.2025).

⁴² Independence Day Address delivered at the Home of Thomas Jefferson // Public papers of the presidents of the United States: Harry S. Truman. Containing the public messages, speeches, and statements of the president, January 1 to December 31, 1947. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1963. P. 323–326.

⁴³ Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 7, 1948 // Harry S. Truman Library & Museum. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/2/annual-message-congress-state-union-1> (accessed: 25.03.2025).

⁴⁴ A summary of the charter for the proposed International Trade Organization, February 14, 1948 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

В день подписания Устава МТО Трумэн выступил со следующим заявлением: «Хартия имеет непосредственное значение для усилий стран, которые в настоящее время работают над восстановлением разрушений и беспорядка, вызванных Второй мировой войной. Принятие Устава в том виде, в котором он был сформулирован, будет стимулировать расширение международной торговли, от которой зависит мировое процветание. Поддерживая рост процветающей международной торговли, этот кодекс честных сделок внесет большой вклад в наши усилия по установлению справедливого и прочного мира. <...> То, что происходит сегодня в Гаване, знаменует собой завершение одной из самых сложных и важных задач, которые когда-либо решались на международных конференциях»⁴⁵.

Несмотря на очевидную поддержку президента и ряда крупных чиновников Госдепартамента, в американских политических и деловых кругах было достаточно много влиятельных противников ратификации Гаванской хартии.

Они руководствовались несколькими соображениями. Часть из них, в основном сторонники Республиканской партии, выступали за сохранение протекционистской внешнеторговой политики. Другие, наиболее либерально настроенные, не отвергая саму идею регулирования международной торговли, были против принятого в Гаване Устава, утратившего, по их мнению, свой первоначальный смысл из-за размытости формулировок и множества лазеек и исключений. Часть бизнеса, прежде всего из аграрного сектора, получавшего поддержку от государства, не хотела снижения тарифов, защищавших их от конкуренции. Впрочем, голоса оппонентов Гаванской хартии пока еще звучали разрозненно.

Непримиримый изоляционист из Миннесоты, член Палаты представителей от Республиканской партии Г. Кнутсон предупреждал администрацию: «Конгресс незамедлительно поднимет любой тариф, который снизит Госдепартамент, если он нанесет ущерб “жизненно важной отрасли”»⁴⁶.

⁴⁵ Statement by the President on the signing of the Charter of the International Trade Organization, March 24, 1948 // Harry S. Truman Library & Museum. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/54/statement-president-signing-charter-international-trade-organization> (accessed: 25.03.2025).

⁴⁶ National affairs: Baa, baa, black sheep // Time. 02.06.1947. Available at: <https://time.com/archive/6867625/national-affairs-baa-baa-black-sheep/> (accessed: 25.03.2025).

Хорошей иллюстрацией справедливости утверждения Кнутсона служит пример, связанный с производителями шерсти, которым удалось (еще до подписания Устава) представить в Конгресс проект закона о сохранении закупочных цен на шерсть в 1947 г. на уровне 1946 г.⁴⁷ Он успешно прошел обе палаты, однако президент наложил на него вето, поскольку, по его словам, принятие такого закона продемонстрировало бы всему миру, что Соединенные Штаты в действительности стремятся не к либерализации торговли, а к протекционизму и изоляционизму⁴⁸.

Сенатор от штата Вайоминг, республиканец Э. Робертсон тут же предложил новый законопроект, который предписывал государственной Товарно-кредитной корпорации продолжать закупать шерсть до 1948 г. и продавать ее по сниженным ценам, чтобы выдержать конкуренцию с иностранной шерстью. На финансирование программы предлагалось выделить 130 млн долл.⁴⁹ В Палату представителей К. Хоуп из Канзаса внес законопроект, который предписывал введение не только квот, но и пошлин на импорт шерсти⁵⁰. Заместитель министра сельского хозяйства Н. Додд (уроженец «шерстяного» Орегона), за которым стояло мощное лобби Национальной ассоциации производителей шерсти, в свою очередь предложил дополнительное средство: импортную квоту, которая ограничила бы количество ввозимой в страну иностранной шерсти⁵¹.

Законопроект Робертсона также прошел обе палаты и тоже подвергся президентскому вето⁵². В конце 1947 г. профессор экономики Калифорнийского университета Р. Гулик-мл. писал об этом так: «Не будет преувеличением утверждать, что вето, наложенное президен-

⁴⁷ 61 Stat. 769 — An act to provide support for wool, and for other purposes, August 5, 1947 // U.S. Government Publishing Office. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-61/pdf/STATUTE-61-Pg769.pdf> (accessed: 25.03.2025).

⁴⁸ Veto of the Wool Act, June 26, 1947 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/veto-the-wool-act> (accessed: 25.03.2025).

⁴⁹ Price support for wool // CQ Almanac. 3rd ed., 02-175-02-182. Washington, D.C.: Congressional Quarterly, 1948. Available at: <http://library.cqpress.com/cqalmanac/cqal47-1397780> (accessed: 25.03.2025).

⁵⁰ Congressional record, March 26, 1947, Vol. 93, Part 2 — Bound edition. P. 2685 // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/80/crecb/1947/03/26/GPO-CRECB-1947-pt2-21-2.pdf> (accessed: 25.03.2025).

⁵¹ Ibid. P. 7192. Available at: <https://www.congress.gov/80/crecb/1947/06/18/GPO-CRECB-1947-pt6-5-1.pdf> (accessed: 25.03.2025).

⁵² President vetoes Wool Bill // Daily Mercury. June 28, 1947. P. 1.

том Трумэном на закон Робертсона, спасло Женевскую конференцию от сокрушительной неудачи»⁵³.

При этом, как справедливо писал журнал «Time», «выращивание шерсти не являлось жизненно важной отраслью промышленности США. Это небольшой нерентабельный бизнес, составляющий менее 1/1000 национального дохода. Но у него есть влиятельные друзья — конгрессмены и сенаторы из 23 штатов, выращивающих шерсть, которые могут блять так же громко, как побитые бурей бараны, обменивая поддержку законопроектов о защите южных арахисоводов на законопроекты о защите западных овцеводов...»⁵⁴.

28 апреля 1948 г. на заседании Совета директоров Торговой палаты США Межведомственный комитет по рассмотрению предложенной Международной торговой организации (Inter-departmental Committee to Consider the Proposed International Trade Organization) представил доклад, в котором говорилось, что «МТО может быть конструктивным и очень полезным инструментом международного сотрудничества в экономических делах». При этом утверждалось, что Гаванская хартия «менее удовлетворительна», чем «лондонский» или «женевский проект» Устава МТО. Авторы доклада рекомендовали администрации Трумэна, чтобы «США воздержались от принятия Гаванской хартии и выступили за возобновление переговоров», поскольку они находят опасными сделанные в ней «уступки философии государственного планирования, контроля и торговли»⁵⁵.

Это двойственное отношение к МТО подтверждалось и в неформальных беседах. 5 ноября 1948 г. в письме Клейтону юрист С. Рубин рассказал о деловом завтраке с крупными бизнесменами — членами Национального совета по внешней торговле (National Foreign Trade Council), выказавшими «отсутствие симпатии к МТО», и предложил ему свои услуги по лоббированию этого проекта⁵⁶.

Вдобавок к описанным сложностям быстрой ратификации Гаванской хартии препятствовала чрезвычайно напряженная президентская кампания 1948 г. (Демократическая партия была рас-

⁵³ Robert L. Gulick Jr. to Matthew J. Connelly, December 23, 1947 // Harry S. Truman Library & Museum. Truman Papers. Official File. Box 527.

⁵⁴ National affairs: Baa, baa, black sheep...

⁵⁵ Report of the Inter-Departmental Committee presented to the Board of Directors of the Chamber of Commerce of the United States, April 26, 1948 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁵⁶ Seymour Rubin to William Clayton, November 5, 1948 // Ibidem.

колота, а обе палаты Конгресса контролировали республиканцы, выступавшие за более консервативную внешнюю политику).

Информационная война между сторонниками и противниками ратификации Устава МТО продолжалась. В декабре 1948 г. Управление по связям с общественностью Госдепартамента выпустило брошюру «Двадцать пять вопросов и ответов о предлагаемой Международной торговой организации», содержащую простые ответы на такие популярные вопросы, как: для чего нужна МТО; почему она является важным инструментом внешнеэкономической политики США; как в Уставе решается проблема торговых отношений между странами с частной и государственной торговыми системами...⁵⁷ К сожалению, нам неизвестен тираж этой брошюры и мы не можем однозначно утверждать, что она сыграла важную роль в пропаганде МТО в американском обществе. В целом в этом издании повторялись уже изложенные нами нарративы: цель внешнеэкономической политики США состоит в расширении мировой торговли и повышении уровня жизни всего населения планеты; МТО дополняет Бреттон-Вудские институты, план Маршалла и программу торговых соглашений на основе взаимности. Кроме того, там подчеркивалось, что МТО — это добровольное соглашение стран, никак не ограничивающее их суверенитет, и организация не может вмешиваться во внутренние экономические дела ее членов⁵⁸.

В конце января 1949 г. стало известно, что П. Хоффман, глава Администрации экономического сотрудничества, выступает в поддержку МТО. По его словам, если Устав не будет одобрен, «мы

⁵⁷ Twenty-five questions and answers on the proposed International Trade Organization. Department of State. Office of Public Affairs, Washington, D.C., December 1948 // Ibidem.

⁵⁸ Последнее утверждение, впрочем, весьма сомнительно, поскольку в ходе либерализации торговли должны были быть отменены все меры поддержки экспортеров в странах — членах МТО, а подобный шаг, безусловно, является вмешательством в экономику этих государств. При этом отказаться от применения данной меры легально ни одна страна-член не могла — за исключением самих Соединенных Штатов, в законодательстве которых уже в описываемый период существовали весьма удобные для таких случаев правовые лазейки. Например, 25 февраля 1947 г., в день, когда был принят «ню-йоркский проект» Устава МТО, Трумэн подписал Указ 9832. Этот документ предоставлял всем секторам экономики, которые могли быть затронуты снижением тарифов в соответствии с ГАТТ, возможность обойти эту процедуру. См.: Executive order 9832 prescribing procedures for the administration of the Reciprocal Trade Agreements Program, February 25, 1947 // Harry S. Truman Library & Museum. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/executive-orders/9832/executive-order-9832> (accessed: 25.03.2025).

никогда не доживем до снижения торговых барьеров», и ему «не нравится думать о том, что случится, если Устав не будет одобрен»⁵⁹.

В меморандуме от 4 марта 1949 г. Национальный совет по внешней торговле, взвесив все достоинства и недостатки Устава, главный из которых состоял в том, что «все обязательства членов Хартии нивелируются исключениями и оговорками», объявил о своем намерении выступить против принятия данного документа, когда он будет внесен в Конгресс⁶⁰. Важно подчеркнуть, что критику вызывали именно согласованные в Гаване формулировки положений Устава, а не сама идея либерализации международной торговли и создания МТО.

По итогам промежуточных выборов 1948 г. Палата представителей и Сенат вновь оказались под контролем демократов, однако президент не торопился вносить в Конгресс билль о ратификации Устава МТО⁶¹. Одной из причин такой нерешительности стал упомянутый раскол в элитах по этому вопросу: было очевидно, что быстро он не решится и исход его обсуждения в принципе неясен. Другой причиной была необходимость уделить первостепенное внимание Североатлантическому пакту и Закону о взаимной военной помощи.

Лишь 28 апреля 1949 г. Трумэн направил Конгрессу специальное послание, в котором передавал на его рассмотрение Устав МТО. В конце послания президент заявлял: «Хартия является самым

⁵⁹ Unknown sender to William L. Clayton, January 27, 1948 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁶⁰ National Foreign Trade Council. Memorandum, March 4, 1949 // Ibidem.

⁶¹ Процесс заключения международно-правового договора или соглашения в США содержит следующие фазы. Сначала глава государства подписывает договор без каких-либо консультаций с Конгрессом. Затем для начала процедуры ратификации этот документ направляется в сенатский Комитет по международным отношениям. Далее он может передать договор на утверждение Сената без изменений либо с оговорками или вообще не рекомендовать его к одобрению. Обсуждение договора в Сенате проходит в трех чтениях, в ходе которых его члены, а также другие комитеты могут предлагать различные правки и изменения. Решение о согласии Сената на ратификацию договора выносится большинством в 2/3 голосов присутствующих сенаторов, однако любые другие решения по какому-либо предложению или вопросам, относящимся к договору, принимаются простым большинством голосов, кроме предложения отложить рассмотрение договора на неопределенное время, которое также принимается большинством в 2/3 голосов. Подробнее см.: Акчурин Т.Ф. Международные договоры в правовой системе США // Евразийский юридический портал. Доступ: <https://www.eurasialegal.info/index.php/component/content/article/36-2010-12-14-07-45-12/5268-2017-06-02-06-29-10> (дата обращения: 25.03.2025).

всеобъемлющим международным экономическим соглашением в истории. <...> Соединенные Штаты могут гордиться своим лидерством в этой конструктивной деятельности, направленной на то, чтобы помочь странам мира выбраться из пучины ограничений и дискриминации, которая охватила международную торговлю со времен Первой мировой войны. Альтернатива Уставу — экономический конфликт и сокращение международной торговли»⁶².

3 мая госсекретарь Ачесон выступил с речью «Экономическая политика и Устав МТО» на Национальном съезде Торговой палаты США. Он, в частности, сказал: «Через несколько лет мир столкнется с такими проблемами в торговой политике, которые сегодня невозможно даже предсказать, не то что преодолеть. Однако существование постоянного международного форума и набора испытанных правил станет залогом того, что страны будут действовать с полным осознанием взглядов и возможных реакций своих соседей. <...> Устав Международной торговой организации закладывает основы права в области всемирной торговли и служит росту взаимности и взаимозависимости в торговых отношениях. Я не знаю другого пути развития такой системы мировой торговли, в которой производственные мощности всего мира могут быть конвертированы в высочайший уровень материального благосостояния»⁶³.

В тот же день был сделан первый шаг к ратификации Устава МТО в США: в Палату представителей была внесена резолюция H.J. Res. 236 (другое название — Акт о Международной торговой организации), которая давала президенту право согласия на вступление США в МТО; уполномочивала его назначать по представлению и с одобрения Сената американских представителей в Исполнительный совет и на Конференцию МТО; обязывала Госдепартамент осуществлять ежегодные выплаты, связанные с участием страны в этой организации; запрещала президенту США принимать какие-либо поправки к Уставу без одобрения Конгресса и разрешала ему время от времени

⁶² Special Message to the Congress transmitting the Charter for the International Trade Organization, April 28, 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/public-papers/88/special-message-congress-transmitting-charter-international-trade> (accessed: 25.03.2025).

⁶³ Acheson D. Economic policy and the ITO Charter: Address by Secretary Acheson, May 15, 1949 // Department of State Bulletin. Vol. 20. No. 515. Publ. 3503. P. 623–627. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=osu.32437010893770&seq=618> (accessed: 25.03.2025).

издавать указы, которые он посчитает необходимыми для выполнения положений настоящей резолюции⁶⁴.

В майском номере журнала «Harvard Law Review» была помещена обширная статья специального помощника начальника юридического отдела Министерства финансов США Дж. Бронза «Устав Международной торговой организации». Она заканчивалась следующими словами: «Если Хартия сможет обеспечить достаточную безопасность для оправдания экономического разоружения, она предложит производителям и продавцам всего мира возможность расширить горизонты своей конкурентоспособности за пределы политических границ»⁶⁵.

12 июня 1949 г. Подкомитет по исследованиям и политике Комитета экономического развития⁶⁶ выпустил заявление по национальной политике под названием «Международная торговая организация и восстановление мировой торговли». Помимо чисто справочной информации в нем перечислялись наиболее желательные, приемлемые и полностью неприемлемые для США статьи Устава МТО. В числе последних были положения, обязывавшие Вашингтон вкладывать значительные средства в форме инвестиций в экономику развивающихся стран и при этом никак не защищавшие Соединенные Штаты от любых форм дискриминации со стороны правительств этих государств. Документ заканчивался рекомендацией Конгрессу ратифицировать Устав МТО при условии, что из него будут исключены положения об иностранных инвестициях. При этом особо было указано, что из 30 членов подкомитета по подготовке заявления и Комитета по исследованиям и политике пять не согласились с этой рекомендацией, поскольку считали, что Гаванская хартия не отвечает интересам США из-за расплывчатости формулировок ее

⁶⁴ Joint resolution providing for membership and participation by the United States: H.J. Res. 236, 81st Congress, 1st session // Harry S. Truman Library & Museum. George M. Elsey Papers. Box 80. Folder «ИТО».

⁶⁵ Bronz G. The International Trade Organization Charter // Harvard Law Review. 1949. Vol. 62. No. 7. P. 1125.

⁶⁶ Комитет экономического развития (Committee for Economic Development, CED) — американский некоммерческий и внепартийный аналитический центр по вопросам государственной политики, созданный в 1942 г. для содействия развитию свободного предпринимательства и полной занятости. Его попечительский совет состоит в основном из руководителей высшего звена корпораций из различных отраслей и секторов экономики США.

статей⁶⁷. В целом можно сказать, что заявление Комитета полностью отражало взгляды американского бизнеса на Устав МТО, а соотношение сторонников и противников его ратификации в деловых кругах было примерно таким же, как и среди авторов заявления.

В условиях поляризации мнений о пользе и вреде, которые могла принести США ратификация Устава МТО (подробнее об этом см. далее), рассмотрение соответствующей резолюции в Конгрессе было отложено.

Обобщая изложенное, можно сказать, что сторонниками ратификации Устава МТО выступали авторы самой идеи либерализации международной торговли, некоторые члены Демократической партии и представители тех отраслей экономики США, которые не нуждались в поддержке государства. Соответственно против ратификации высказывались изоляционисты, протекционисты, консерваторы-республиканцы и владельцы компаний, работавших в «чувствительных» секторах американской экономики. Последних нужно было каким-то образом перетянуть на сторону авторов проекта создания МТО.

Американский бизнес и Комитет в поддержку МТО

6 декабря 1948 г. в письме Клейтону сотрудник Госдепартамента Ф. Расселл предложил составить обращение в поддержку МТО за подписью президента «General Electric» У.Р. Хэрода — влиятельного бизнесмена, не связанного напрямую с Госдепартаментом, и разослать его всем членам Конгресса. Кроме того, Расселл предположил, что следует создать общественный комитет в поддержку МТО для более широкого продвижения этого проекта⁶⁸.

Предложения Расселла имели под собой весомые основания. В письме Клейтону от 28 декабря 1948 г. У. Болдуин, один из пионеров PR-бизнеса в Северной Америке, так характеризовал ситуацию с МТО: «За последние несколько месяцев оппозиция опередила нас и уже создала в деловом мире в целом подозрительную и враждебную атмосферу⁶⁹. Поскольку Устав весьма длинен и сложен, [его]

⁶⁷ The International Trade Organization and the reconstruction of world trade. A short summary of a statement on national policy issued by the Research and Policy Committee of the Committee for Economic Development, June 12, 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ Имеются в виду прежде всего кулуарные разговоры. Речи о масштабной кампании против МТО в американских СМИ не шло, хотя в газетах время от времени

обсуждение как сторонниками, так и противниками во многих случаях носит скорее эмоциональный, чем объективно-аналитический характер. Это будет трудный путь, требующий лидера, способного обеспечить уважение и сотрудничество со стороны делового мира на том основании, что, хотя в деталях этот документ далек от идеала, Соединенные Штаты не могут позволить себе на этом этапе отказаться от своего лидерства в стремлении разработать основу для непрерывного восстановления мировой экономики. Было бы недальновидно организовать на скорую руку кампанию [в поддержку], а затем ожидать, что МТО сама себя сдвинет с места»⁷⁰.

В тот же день Клейтон получил письмо от Хэрода, в котором он отказывался от предложенной ему ранее роли лидера кампании в поддержку МТО, поскольку «не имел ни необходимой веры, ни преданности делу». Кроме того, Хэрод полагал, что в результате переговоров по выработке Устава их участникам удалось прийти к согласию на словах, но не в умах, что неизбежно должно привести к сложностям и разочарованиям⁷¹. К сожалению, нам неизвестно, выступал ли он впоследствии против ратификации Устава МТО, однако можно с уверенностью сказать, что никаких громких заявлений в прессе на эту тему он не делал.

В начале 1949 г. Клейтон разослал десяткам крупных американских бизнесменов письма с предложением войти в состав Комитета в поддержку МТО, в создании которого он принял самое активное участие. Главой формировавшейся структуры был избран

появлялись соответствующие заметки с весьма громкими названиями вроде «Простят о масштабной ревизии Устава МТО». Ask sharp revision of Charter of ITO // The New York Times. 13.05.1948. Available at: <https://www.nytimes.com/1948/05/13/archives/ask-sharp-revision-of-charter-of-ito-speakers-at-textile-parley.html> (accessed: 25.03.2025); «Так называемая Хартия свободной мировой торговли позволяет всем, кроме США, возводить любые барьеры, какие они хотят». Analyzing the ITO treaty: So-called charter for free world trade leaves everyone but the U.S. free to build any barriers they want // The Wall Street Journal. 08.06.1948. P. 4. При этом заметки в защиту МТО также печатались, и в целом количество позитивных и негативных статей в ключевых американских газетах («The New York Times», «Chicago Tribune», «The Boston Globe») было примерно одинаковым. Пожалуй, наиболее критически настроенной была «The Wall Street Journal», однако и в ней этому вопросу было посвящено 6 статей за весь 1948 год, причем они размещались не ближе 4-й страницы.

⁷⁰ William H. Baldwin to William L. Clayton, December 28, 1948 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁷¹ Ibidem.

У. Бэтт — известный в широких кругах бизнесмен и политик, президент крупнейшей компании — производителя подшипников «SKF Industries», занимавший в годы войны пост заместителя главы Управления военного производства. Основной задачей Комитета была подготовка бизнес-элиты к слушаниям законопроекта о ратификации Устава в Конгрессе, для чего предполагалось: оказывать помощь членам Комитета и другим лицам, желавшим выступить или сделать заявление; подготавливать пресс-релизы для распространения среди издателей, в организациях и т.д.; пробуждать интерес к МТО в местных и региональных группах; наращивать сотрудничество с государственными институтами, выступавшими в поддержку организации; налаживать контакты с колумнистами и авторами передовиц крупных газет; способствовать выступлениям членов Комитета в радиопередачах и на других массовых мероприятиях⁷².

Большинство приглашенных в Комитет ответили согласием, однако были и весьма резкие отказы. Так, председатель исполнительного совета «National City Bank» Р. Бёрджесс написал Клейтону, что подавляющее большинство бизнесменов высказываются против ратификации Устава МТО в его текущем виде. Бёрджесс также предположил, что Клейтону будет сложно найти людей, готовых выступить в поддержку Гаванской хартии, и средства для такой пропагандистской кампании, и посоветовал ему обойтись вообще без Комитета и положиться на симпатии общества к проведению более широкой внешней политики⁷³.

Г. Балгуйен, вице-президент «American and Foreign Power Company, Inc.», в ответ на приглашение войти в состав Комитета написал Клейтону следующее: «Поскольку я был в Гаване вместе с Вами и с другими членами делегации от США, я хорошо понимаю, сколько труда Вы вложили в Устав и Ваше желание, чтобы Конгресс его одобрил, и я высоко ценю Ваше предложение служить в Комитете вместе с м-ром Бэттом. Представляется, однако, что деловые и торговые организации, с которыми я связан, включая Национальную ассоциацию производителей, которую я представлял в Гаване, решительно против ратификации Конгрессом Устава в его нынешнем виде. <...>

⁷² Memorandum of Charles R. Weaver to William L. Batt, May 11, 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁷³ W. Randolph Burgess to William L. Clayton, January 21, 1949 // Ibidem.

В этих условиях я оказался бы в весьма щекотливой ситуации, вступив в Ваш Комитет, и я не могу этого сделать»⁷⁴.

Впрочем, к 23 марта 1949 г. предложение войти в Комитет приняли представители 54 крупных компаний, банков и правительственных организаций из 17 штатов. Больше всего членов Комитета было из штатов Нью-Йорк (17), Пенсильвании (8) и Огайо (6). Указанные 54 компании распределялись по отраслям экономики следующим образом: в основном они производили автомобили, самолеты, инженерное оборудование, древесину; было несколько производителей продуктов питания («Coca-Cola», «General Foods») и владельцев сетей сбыта («Federated Department Stores»). Примечательно, что, несмотря на отказ президента «General Electric» возглавить кампанию в поддержку МТО, в состав Комитета вошел председатель совета директоров этой корпорации Ф. Рид. К 29 марта число согласившихся стать членами Комитета достигло 95 человек, среди которых заметно выросло количество представителей южных штатов и Среднего Запада⁷⁵.

8 апреля 1949 г. Клейтон и Бэтт в письме Р. Хехту, председателю совета директоров компании «The Mississippi Shipping Company», сообщили: количество членов Комитета в поддержку МТО настолько впечатляюще, что для осуществления наиболее эффективной работы нужно создать в его рамках меньший по составу исполнительный комитет⁷⁶.

Примерно в то же время началась переписка Клейтона с Ф. Кортни, директором известной парфюмерной фирмы «Coty», выступавшим против создания МТО с тем Уставом, который был подписан в Гаване. 3 марта 1949 г. Кортни писал Клейтону: «Я, наверное, так же предан [идее] международного сотрудничества, как любой другой известный мне человек. В связи с этим должен с сожалением признать: я пришел к выводу, что Устав МТО представляет опасность для свободного предпринимательства, демократии и мира. <...> Я глубоко убежден в том, что лучше не иметь вовсе никакого Устава, чем иметь тот ужас, который получился в Гаване. Гаванская хартия МТО подорвет саму идею возможности восстановления международной многосторонней торговли. Она станет причиной конфликтов

⁷⁴ Henry W. Balgooyen to William L. Clayton, March 1, 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 72. Folder «Committee for the ITO».

⁷⁵ Acceptances, March 23 and March 29, 1949 // Ibidem.

⁷⁶ William L. Batt and William L. Clayton to Rudolph S. Hecht, April 8, 1949 // Ibidem.

и распрей между государствами»⁷⁷. В опасениях Кортни, позицию которого разделяли и другие представители бизнеса, несомненно, было рациональное зерно. И если в том, что Гаванская хартия «подорвет идею восстановления международной многосторонней торговли», можно было усомниться, то опасность возникновения конфликтов и распрей из-за расплывчатых формулировок статей Устава МТО была весьма реальной.

Интенсивный обмен письмами не привел, однако, к изменению позиций обоих корреспондентов. Кортни оставался одним из наиболее раздражавших адептов МТО противников. Он публиковал статьи против организации в отраслевых газетах и журналах⁷⁸ и затем рассылал их крупным бизнесменам (например, членам попечительского совета Комитета экономического развития), а в конце 1949 г. выпустил книгу под названием «Экономический Мюнхен...»⁷⁹, которая вызвала широкий общественный резонанс.

14 апреля Бэтт выступил на 27-й ежегодной сессии Академии мировой экономики с пространным и весьма пафосным докладом на тему «Важность Международной торговой организации для позиции Америки в международных делах». В конце своей речи он заявил: «Сегодня мы владеем инициативой. Пророк говорил: “Лучше зажечь свечу, чем проклинать мрак”⁸⁰, так давайте разожжем это пламя международного экономического порядка; будем наблюдать за ним и беречь его спокойно и вдумчиво, молясь, чтобы оно сделало весь возможный вклад в лучшую жизнь, а значит, в безопасность, нашу и мира». Кроме того, в своем докладе Бэтт очень четко сформулировал главное опасение всех авторов идеи создания МТО: «Устав воспринимают как американский проект, и его успех или неудачу будут оценивать как успех или неудачу американского правительства. Для нас — тех, кто долгие годы работал, спорил, вел переговоры об этих вещах, — внезапно повернуться к ним спиной

⁷⁷ Philip Cortney to William L. Clayton, March 3, 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁷⁸ Cortney Ph. Why the Havana ITO Charter should be rejected // The Commercial and Financial Chronicle. April 7, 1949. Vol. 169. No. 4792. P. 1. Available at: <https://fraser.stlouisfed.org/title/commercial-financial-chronicle-1339/april-7-1949-554956?deep=true> (accessed: 25.03.2025).

⁷⁹ Cortney Ph. The economic Munich. The I.T.O. Charter. Inflation or liberty. The 1929 lesson. New York: Philosophical Library, 1949.

⁸⁰ Бэтт ссылается на известное высказывание, приписываемое Конфуцию: «Легче зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту».

было бы еще большим ударом, чем отказ от вступления в Лигу Наций после Первой мировой войны»⁸¹.

2 мая состоялась первая пресс-конференция руководства Комитета в поддержку МТО, однако еще ранее его члены обсуждали проект Устава МТО на нескольких крупных деловых мероприятиях⁸². Изначально предполагалось, что наибольшая активность Комитета придется на осень 1949 г., так как после внесения президентом в Конгресс билля о ратификации Устава МТО слушания в Палате представителей ожидалось в мае–июне 1949 г., а в Сенате — в феврале–марте 1950 г. Сообразно этим прогнозам составляли бюджет Комитета. На 30 апреля 1949 г. было собрано 18 400 долл.⁸³, к 17 июня эта сумма достигла 22 725 долл.⁸⁴

Несмотря на развернутую широкую кампанию в поддержку ратификации Устава МТО, число ее противников оставалось весьма внушительным. Администрация Трумэна не хотела рисковать, поскольку даже демократическое большинство в Конгрессе не могло гарантировать успешное прохождение H.J. Res. 236. 13 мая Клейтон получил от секретаря Комитета Ч. Уивера телеграмму с сообщением о том, что слушания в Палате представителей откладываются по меньшей мере до конца июня⁸⁵, а 7 июня Бэтт написал ему: «Если президент не сделает это срочным делом, слушаний в рамках этой сессии не будет. Если президент не изменит своего мнения (а я не думаю, что изменит), ответственность за выстраивание приоритетности вопросов останется у Госдепартамента, а в свете его нынешнего отношения для вывода МТО на сцену просто не останется времени»⁸⁶.

Для возобновления активной деятельности Комитета в поддержку МТО в сентябре 1949 г. необходимо было собрать еще 25 тыс. долл. Интересно, что даже в условиях постоянного давления со стороны бизнеса, выступавшего против МТО, из состава членов Комитета вы-

⁸¹ Batt W.L. The importance of the International Trade Organization to America's position in world affairs. Speech delivered at twenty-seventh annual session of the Academy of World Economics. Washington, D.C., April 14, 1948 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁸² Melvin J. Fox to Charles R. Weaver. May 11, 1949 // Ibidem.

⁸³ Memorandum of Charles R. Weaver to William L. Batt, May 11, 1949...

⁸⁴ William L. Batt to William L. Clayton, June 17, 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁸⁵ Charles R. Weaver to William L. Clayton, May 13, 1949 // Ibidem.

⁸⁶ William L. Batt to William L. Clayton, June 17, 1949...

шел всего один человек. Зато за лето в него вошли 17 новых членов, и на 1 сентября 1949 г. их общее количество достигло 138 человек⁸⁷.

Несмотря на продолжавшиеся усилия Комитета и других сторонников ратификации Устава МТО по ведению пропагандистской и разъяснительной работы, к концу 1949 г. голос оппозиции стал значительно громче, а правительственных чиновников в поддержку Гаванской хартии — тише. К звучавшим ранее аргументам противников Устава МТО прибавились новые — экономические: начавшаяся в США рецессия (требовавшая введения ряда защитных мер для американских производителей, что шло вразрез с принципами либерализации торговли), значительные расходы на реализацию плана Маршалла и сложности в странах — получателях американской помощи⁸⁸ поставили под сомнение целесообразность текущей внешнеэкономической политики правительства США.

Кроме того, если в 1947–1948 гг. в поддержку принятия Устава МТО и его ратификации постоянно выступали президент и крупные чиновники, то к середине 1949 г. их активность в этом отношении значительно снизилась. За лето 1949 г. Трумэн упомянул МТО (причем именно саму организацию, а не ратификацию Гаванской хартии) только в одном из важных выступлений — 11 июня в Литл-Роке (Арканзас)⁸⁹. В полугодовом экономическом отчете президента⁹⁰

⁸⁷ Committee for the International Trade Organization. Progress report and future program, September 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁸⁸ Имеются в виду валютные кризисы конца 1940-х годов. В 1948 г. французский франк был девальвирован на 80%, в 1949 г. британский фунт потерял 30,5% своей стоимости. Destruction and reconstruction (1945–1958) // International Monetary Fund. Available at: https://www.imf.org/external/np/exr/center/mm/eng/mm_dr_01.htm (accessed: 25.03.2025). Большая часть американской помощи выделялась в форме грантов, для чего в странах-реципиентах создавали специальные счета, на которых размещали суммы в местной валюте, эквивалентные грантам, одобренным администрацией программы. Соответственно девальвация сильно меняла эквивалентное соотношение. Кроме того, в обязательства получателей помощи входила стабилизация их валютно-финансовых систем, с чем также наблюдались серьезные проблемы [Магомедов, Татевосян, 2015].

⁸⁹ President Truman's address in Little Rock at the dedication of the World War Memorial Park, June 11, 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/soundrecording-records/sr64-91-president-trumans-address-little-rock-dedication-world-war-memorial> (accessed: 25.03.2025).

⁹⁰ Mid-year economic report of the President transmitted to the Congress, July 21, 1947 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu>

МТО также не упоминалась. Среди высших чиновников Госдепартамента, в недрах которого и появился проект данной организации, Гаванскую хартию поддерживали не все. Такая политика властей не могла не создать впечатление (прежде всего у бизнеса), что они постепенно охладели к идее МТО и сомневаются в необходимости ратификации ее Устава⁹¹. В этой ситуации усилия Комитета в поддержку МТО оказывались бессмысленными. По всей видимости, с учетом упомянутых экономических проблем в Белом доме решили не педалировать проект, вызвавший такую бурную и неоднозначную реакцию в деловых и политических элитах.

Бесславный конец проекта создания МТО

27 января 1950 г. помощник Трумэна по административным вопросам Дж. Элси направил своему коллеге Ч. Мёрфи меморандум, в котором пересказал свой разговор с Брауном. Последний жаловался на то, что Комитет по международным отношениям Палаты представителей никак не может приступить к рассмотрению вопроса о ратификации Устава МТО в связи с тем, что члены Демократической партии не являются на заседания и кворум не собирается. Такое видимое отсутствие поддержки вынудило главу Комитета Дж. Ки обратиться к обсуждению менее спорных вопросов, что сократило время, остававшееся на прения по Гаванской хартии. Элси предложил несколько возможных мер для улучшения ситуации, включая личные встречи с членами Комитета по международным отношениям Палаты представителей и встречу Бэтта, главы Комитета в поддержку МТО, с президентом⁹².

12 апреля Элси известил Мёрфи, что начало слушаний по Уставу МТО в Комитете запланировано на 19 апреля, однако этот вопрос не был включен в список обязательных для рассмотрения Сенатом в ходе текущей сессии. Элси предложил Мёрфи инициировать вопрос об МТО на очередной пресс-конференции Трумэна, чтобы президент заявил о желательности скорейшей ратификации Устава⁹³.

[edu/sites/default/files/books/presidential-documents-archive-guidebook/the-economic-report-of-the-president-truman-1947-obama-2017/1947-mid.pdf](https://www.education.gov/sites/default/files/books/presidential-documents-archive-guidebook/the-economic-report-of-the-president-truman-1947-obama-2017/1947-mid.pdf) (accessed: 25.03.2025).

⁹¹ Melvin J. Fox to Charles R. Weaver. Committee for the International Trade Organization progress report, September 1949 // Harry S. Truman Library & Museum. Will L. Clayton Papers. Box 76. Folder «Committee for the ITO_after Havana».

⁹² George M. Elsey to Charles S. Murphy, January 27, 1950 // Harry S. Truman Library & Museum. George M. Elsey Papers. Box 80. Folder «ITO».

⁹³ George M. Elsey to Charles S. Murphy, April 12, 1950 // Ibidem.

27 мая в меморандуме еще одному помощнику Трумэна по административным вопросам С. Спингарну Элси сообщил: на встрече у Мёрфи, которую проводили два сотрудника Госдепартамента, Браун и Кёрлин, было решено, что лучше продвигать Устав в Палате представителей в этом году, даже под угрозой того, что он не будет ратифицирован, чем «дать ему сгинуть в Комитете». При этом все участники беседы сошлись на том, что провести Устав через Сенат в 1950 г. «нет никакой надежды». В меморандуме было сказано также о том, что по рекомендации Мёрфи президент позвонил Ки и попросил его как можно скорее «выпустить» законопроект о ратификации МТО из Комитета по международным отношениям⁹⁴.

Ки выполнил просьбу Трумэна лишь частично: 10 августа 1950 г. он сообщил президенту, что, начав обсуждения по этому вопросу, Комитет пока не будет далее рассматривать H.J. Res. 236 в отсутствие реальных перспектив передачи ее в Сенат в обозримом будущем, хотя — с учетом выступлений и заявлений на заседаниях Комитета⁹⁵ — и он сам, и члены этой структуры понимают всю важность создания МТО для либерализации и расширения торговли⁹⁶. 14 августа Трумэн ответил Ки, что высоко ценит его усилия и надеется на продолжение сотрудничества для продвижения этого вопроса⁹⁷.

Как видно, решение Ки окончательно перевесило чашу весов не в пользу МТО. 13 ноября заместитель помощника госсекретаря по экономическим вопросам Дж. О'Гара написал Ачесону: «Эффективная программа торговой политики подразумевает <...> создание организации в области торговли. Устав МТО мог бы обеспечить создание такой организации. Однако МТО больше не является реальным вариантом. Более того, некоторые из его спорных положений более не нужны из-за других принятых нами мер. Возобновление вопроса об МТО приведет к бесплодным спорам и, скорее всего, закончится поражением или долгими проволочками. Любой такой результат повредит внешней политике. Генеральное соглашение [по тарифам и торговле], членами которого являются 33 страны, содержит те же базовые правила торговли, что и МТО, но не имеет

⁹⁴ George M. Elsey to Stephen J. Spingarn, May 27, 1950 // Ibidem.

⁹⁵ Например, в поддержку МТО в Комитете выступил министр финансов США Дж. Снайдер. Proposed statement by the Secretary of the Treasury to the House Committee on Foreign Affairs on the ITO bill // Ibidem.

⁹⁶ John Kee to Harry S. Truman, August 10, 1950 // Ibidem.

⁹⁷ Harry S. Truman to John Kee, August 14, 1950 Ibidem.

организационной структуры. Без нее реализация Соглашения будет затруднена, и оно станет нерабочим. Для создания организации нужно одобрение Конгресса. Таким образом, выбор состоит в том, чтобы: а) добиваться одобрения Конгрессом и МТО, и возобновления Закона о торговых соглашениях; б) оставить идею МТО и сосредоточить наши законодательные усилия на возобновлении Закона о торговых соглашениях с правом создания организации в рамках Генерального соглашения. Решение нужно принять срочно»⁹⁸.

Очевидно, второй вариант был признан наименее болезненным и в наибольшей степени отвечающим текущим интересам администрации, поскольку 6 декабря Госдепартамент выпустил следующее заявление: «Правительства стран — участниц Генерального соглашения по тарифам и торговле, заседающие сейчас в Торки, Англия, в ближайшее время рассмотрят вопрос о будущем управлении Соглашением. В преддверии этого обсуждения исполнительные органы нашего правительства проанализировали состояние законодательства, влияющего на участие Америки в Генеральном соглашении. <...> В результате этого обзора заинтересованные ведомства рекомендовали, а Президент согласился с тем, что, хотя предложенный Устав Международной торговой организации не должен быть повторно представлен Конгрессу, его следует попросить рассмотреть законодательство, которое сделает участие США в Генеральном соглашении более эффективным»⁹⁹. Поскольку с течением времени позиции противников ратификации Гаванской хартии становились всё сильнее, а ГАТТ было подписано, ратифицировано и успешно работало, отказ от ратификации Устава МТО уже не означал полного провала идеи либерализации торговли. Нельзя сказать, что Трумэн легко отказался от создания этой организации, однако, не существуя ГАТТ, принять это решение ему было бы куда сложнее.

Как было отмечено, поскольку другие страны, подписавшие Гаванскую хартию, ожидали ее ратификации американским Конгрессом, ни одно другое государство так ее и не ратифицировало. Время от времени идею создания международного торгового института поднимали вновь, причем не только Соединенные Штаты, но и другие страны, включая Советский Союз, однако свое реальное воплощение она нашла лишь спустя почти полвека — с образованием Всемирной торговой организации.

⁹⁸ John E. O'Gara to Secretary of State, November 13, 1950 // Ibidem.

⁹⁹ Department of State press release, December 6, 1950 // Ibidem.

* * *

Попытка создания Международной торговой организации представляет собой весьма любопытную страницу истории Соединенных Штатов Америки. Очевидно, что МТО, как и Бреттон-Вудские институты, должна была служить прежде всего интересам США. Гаванская хартия, принятая в качестве компромиссного варианта и в целом мало похожая на первоначальный проект Устава МТО, сформулированный американцами, уже никак не могла гарантировать выполнение основных целей создания организации (либерализацию, обеспечение многостороннего и недискриминационного характера международной торговли) и не решала основных послевоенных проблем мировой торговли.

Неспособность Соединенных Штатов «продавить» свои цели в зависевших от них странах Европы и в новых независимых государствах, образовавшихся в результате распада Британской империи, имела внутренние и внешнеполитические последствия. Во-первых, она спровоцировала возникновение серьезных противоречий в деловых и политических элитах США. Во-вторых, привела к определенным репутационным издержкам, которые не стали слишком заметными лишь благодаря успешному подписанию ГАТТ (которое, кстати, спасло идею либерализации международной торговли). Однако самым серьезным следствием провала проекта создания МТО стало усугубление международной напряженности и соответственно холодной войны, которую в противном случае могла бы предотвратить устойчивая международная организация, имевшая возможность связать подавляющее большинство крупных стран мира крепкими торговыми связями. Очевидно, сами авторы идеи создания МТО хорошо понимали перечисленные последствия неудачи данного проекта. Уилкоккс говорил об этом задолго до подписания Гаванской хартии: «Если мы сейчас не реализуем предложенную нами программу, то уже в этом поколении мы не сможем рассчитывать на то, что любое другое предложение, которое мы можем выдвинуть, будет серьезно рассматриваться другими странами мира»¹⁰⁰. Именно поэтому сторонники соглашения до самого конца так отчаянно боролись за его ратификацию.

¹⁰⁰ The Director of the Office of International Trade Policy (Wilcox) to the Secretary of State, December 27, 1946 // FRUS. 1946. Vol I. P. 1366.

Противники Гаванской хартии, среди которых, как мы отмечали, были одновременно и протекционисты, и либералы, и государственные чиновники, хорошо осознавали все ее недостатки. К тому же они видели и другое: затянувшаяся полемика привела к тому, что мир образца 1950 г. значительно отличался от тех реалий, в которых зарождалась идея МТО. С учетом отсутствия Советского Союза в числе стран, разрабатывавших ее Устав, МТО изначально не была глобальным проектом. Однако после того, как страны восточного блока оказалась практически полностью изолированными от процессов либерализации международной торговли, а на мировую арену вышли бывшие колонии, громко заявлявшие о необходимости учитывать их интересы, предложенный Соединенными Штатами международный торговый порядок, основу которого должны были составлять сами США, страны Европы и наиболее развитые государства других частей света, стал нуждаться в радикальном пересмотре.

Уже в ходе переговоров по выработке Устава МТО в Женеве, а затем и на конференции в Гаване стало понятно, что достичь такого компромисса, который устраивал бы и США, и развивающиеся страны, было практически невозможно. Удивительно, что такое положение дел не заставило администрацию Трумэна еще в конце 1947 — начале 1948 г. полностью переориентироваться на ГАТТ, которое было подписано лишь 23 странами и содержало значительную часть тех принципов международной торговли, за которые выступали США. Благодаря ГАТТ Вашингтон частично добился своих целей, однако стать подлинно глобальным лидером международной торговли ему так и не пришлось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данильцев А.В. и др. Основы торговой политики и правила ВТО. М.: Международные отношения, 2005.

2. Магомедов Р.Ш., Татевосян Г.М. Программа восстановления Европы 1948–1951 гг. (план Маршалла): опыт экономической реконструкции // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 9 (59). С. 22–30.

3. Масликова Т.В. Роль США в подготовке и подписании Генерального соглашения по тарифам и торговле // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов IX Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара: ООО «Самарама», 2021. С. 163–169.

4. Масликова Т.В. Роль США в подготовке и подписании Устава Международной торговой организации // *Внешнелитературные интересы России: история и современность: Сборник материалов VIII Всероссийской научной конференции* / Отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 128–135.

5. Минкова К.В. *Международная многосторонняя торговля: от античности до ВТО*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.

6. Минкова К.В. «Мы должны вместе подняться или вместе упадём»: позиция Канады на переговорах по созданию Международной торговой организации в 1946–1947 гг. // *Канадский ежегодник*. 2016. № 20. С. 106–123.

7. Минкова К.В. Попытки создания международной торговой организации и британско-американские разногласия в 1945–1948 гг. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2018. № 1 (65). DOI: 10.18254/S0002048-1-1. Доступ: <http://history.jes.su/s207987840002048-1-1> (дата обращения: 25.03.2025).

8. Минкова К.В. Роль США в формировании международного торгового порядка и создании Международной торговой организации (1943–1950 г.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2006. № 4. С. 139–146.

9. Минкова К.В. Создание Международной торговой организации во внешней политике США в 1945–1950 годах // *Americana: Сборник статей*. Вып. 15. Холодная война, внешняя политика и американское общество / Под ред. А.И. Кубышкина, И.И. Курилы, Т.В. Нелина. СПб.; Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2017. С. 25–45.

10. Минкова К.В. СССР и Международная торговая организация (1947–1950 гг.) в отечественной историографии // *Некрасовские чтения (памяти д.и.н., профессора Ю.К. Некрасова)*. Материалы II Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.А. Саблин. Вологда: Вологодский государственный университет, 2016. С. 187–191.

11. Минкова К.В. США и проект создания международной торговой организации // *Америка и мир: история и современность. Сборник статей в честь 70-летия Б.А. Ширяева* / Отв. ред. Ю.Г. Акимов. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 59–74.

12. Минкова К.В. *Экономические истоки холодной войны: советско-американские экономические отношения в 1943–1947 гг.* СПб.: Скифия-принт, 2021.

13. Портанский А.П. *Международная торговая система в XXI веке: возможности и риски*. М.: Издательство РАГС, 2010.

14. Aaronson S.A. *For the people, but not by the people: A history of the International Trade Organization (ITO)*. PhD Thesis. Baltimore, 1993.

15. Brown A.G. *Reluctant partners: A history of multilateral trade cooperation, 1850–2000*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2003.
16. Dam K.W. *The GATT: Law and international economic organization*. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
17. Gardner R.N. *Sterling-dollar diplomacy: The origins and prospect of our international economic order*. New York: McGraw-Hill, 1969.
18. Graz J.-C. *Aux sources de l'OMC. La Charte de La Havane, 1941–1950*. Genève: Librairie Droz, 1999.
19. Henderson H. *A criticism of the Havana Charter // The American Economic Review*. 1949. Vol. 39. No. 3. P. 605–617.
20. Kock K. *International trade policy and the GATT, 1947–1967*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1969.
21. McGovern E. *International trade regulation: GATT, the United States and the European Community*. Exeter: Globefield Press, 1995.
22. Minkova K. *The economic roots of the Cold War: The IMF, ITO and other economic issues in post-war Soviet-American relations // Journal of Global Initiatives: Policy, Pedagogy, Perspective*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 18–31.
23. Toye R. *Developing multilateralism: The Havana Charter and the fight for the International Trade Organization, 1947–1948 // The International History Review*. 2003. Vol. 25. No. 2. P. 282–305.

REFERENCES

1. Danil'tsev A.V. et al. 2005. *Osnovy torgovoi politiki i pravila VTO* [Fundamentals of trade policy and WTO rules]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
2. Magomedov R.Sh., Tatevosyan G.M. 2015. *Programma vosstanovleniya Evropy 1948–1951 gg. (plan Marshalla): opyt ekonomicheskoi rekonstruktsii* [The program of restoring Europe in 1948–1951 (The Marshall Plan): Experience of economic reconstruction]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, no. 9 (59), pp. 22–30. (In Russ.)
3. Maslikova T.V. 2021. *Rol' SShA v podgotovke i podpisanii General'nogo soglasheniya po tarifam i torgovle* [US role in drafting and signing the General Agreement on Tariffs and Trade]. In: Skvoznikov A.N. (ed.). *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik materialov IX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Russia's foreign policy interests: History and modernity. Proceedings of the 9th All-Russian Scientific Conference]. Samara, OOO 'Samarama' Publ., pp. 163–169. (In Russ.)
4. Maslikova T.V. 2020. *Rol' SShA v podgotovke i podpisanii Ustava Mezhdunarodnoi torgovoi organizatsii* [US role in drafting and signing the charter of International Trade Organization]. In: Skvoznikov A.N. (ed.). *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik materialov VIII Vserossiiskoi*

nauchnoi konferentsii [Russia's foreign policy interests: History and modernity. Proceedings of the 8th All-Russian Scientific Conference]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., pp. 128–135. (In Russ.)

5. Minkova K.V. 2006a. *Mezhdunarodnaya mnogostoronnyaya trgovlyia: ot antichnosti do VTO* [International multilateral trade: From Antiquity to the WTO]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russ.)

6. Minkova K.V. 2016a. 'My dolzhny vmeste podnyat'sya ili vmeste upadem': pozitsiya Kanady na peregovorakh po sozdaniyu Mezhdunarodnoi torgovoi organizatsii v 1946–1947 gg. ['We must rise together or we shall fall together': Canada's position in the negotiations on the establishment of the International Trade Organization in 1946–1947]. *Kanadskii ezhegodnik*, no. 20, pp. 106–123. (In Russ.)

7. Minkova K.V. 2018. Popytki sozdaniya mezhdunarodnoi torgovoi organizatsii i britansko-amerikanske raznoglasiya v 1945–1948 gg. [Attempts to create an international trade organization and British-U.S. disputes in 1945–1948]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal 'Istoriya'*, no. 1 (65). DOI: 10.18254/S0002048-1-1. Available at: <http://history.jes.su/s207987840002048-1-1> (accessed: 25.03.2025). (In Russ.)

8. Minkova K.V. 2006b. Rol' SShA v formirovanii mezhdunarodnogo torgovogo poryadka i sozdanii Mezhdunarodnoi torgovoi organizatsii (1943–1950 g.) [USA's role in forming the world trade order and creating International Trade Organization (1943–1950)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 139–146. (In Russ.)

9. Minkova K.V. 2017. Sozdanie Mezhdunarodnoi torgovoi organizatsii vo vneshnei politike SShA v 1945–1950 godakh [Negotiations on International Trade Organization in the American foreign policy, 1945–1950]. In: Kubyshkin A.I., Kurily I.I., Nelina T.V. (eds.). *Americana: Sbornik statei. Vyp. 15. Kholodnaya voina, vneshnyaya politika i amerikanskoe obshchestvo* [Americana: Collection of papers. Iss. 15. The Cold War, foreign policy, and American society]. Saint Petersburg, Volgograd, Volgogradskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 25–45. (In Russ.)

10. Minkova K.V. 2016b. SSSR i Mezhdunarodnaya torgovaya organizatsiya (1947–1950 gg.) v otechestvennoi istoriografii [USSR and International Trade Organization (1947–1950) in national historiography]. In: Sablin V.A. (ed.). *Nekrasovskie chteniya (pamyati d.i.n., professora Yu.K. Nekrasova). Materialy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Nekrasov readings (in memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Yu.K. Nekrasov). Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference]. Vologda, Vologodskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 187–191. (In Russ.)

11. Minkova K.V. 2006c. SShA i proekt sozdaniya mezhdunarodnoi torgovoi organizatsii [The USA and the project of creating an international trade

organization]. In: Akimov Yu.G. (ed.). *Amerika i mir: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik statei v chest' 70-letiya B.A. Shiryayeva* [America and the world: History and modernity. Collection of papers to celebrate the 70th anniversary of B.A. Shiryayev]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., pp. 59–74. (In Russ.)

12. Minkova K.V. 2021. *Ekonomicheskie istoki kholodnoi voyny: sovsenko-amerikanskije ekonomicheskie otnosheniya v 1943–1947 gg.* [The economic origins of the Cold War: Soviet-American economic relations in 1943–1947]. Saint Petersburg, Skifiya-print Publ. (In Russ.)

13. Portanskii A.P. 2010. *Mezhdunarodnaya trgovaya sistema v XXI veke: vozmozhnosti i riski* [The international trade system in the 21st century: Opportunities and risks]. Moscow, Izdatel'stvo RAGS Publ. (In Russ.)

14. Aaronson S.A. 1993. *For the people, but not by the people: A history of the International Trade Organization (ITO)*. PhD Thesis. Baltimore.

15. Brown A.G. 2003. *Reluctant partners: A history of multilateral trade cooperation, 1850–2000*. Ann Arbor, The University of Michigan Press.

16. Dam K.W. 1970. *The GATT: Law and international economic organization*. Chicago, University of Chicago Press.

17. Gardner R.N. 1969. *Sterling-dollar diplomacy: The origins and prospect of our international economic order*. New York, McGraw-Hill.

18. Graz J.-C. 1999. *Aux sources de l'OMC. La Charte de La Havane, 1941–1950*. Genève, Librairie Droz.

19. Henderson H. 1949. A criticism of the Havana Charter. *The American Economic Review*, vol. 39, no. 3, pp. 605–617.

20. Kock K. 1969. *International trade policy and the GATT, 1947–1967*. Stockholm, Almqvist & Wiksell.

21. McGovern E. 1995. *International trade regulation: GATT, the United States and the European Community*. Exeter, Globefield Press.

22. Minkova K. 2017. The economic roots of the Cold War: The IMF, ITO and other economic issues in post-war Soviet-American relations. *Journal of Global Initiatives: Policy, Pedagogy, Perspective*, vol. 12, no. 1, pp. 18–31.

23. Toye R. 2003. Developing multilateralism: The Havana Charter and the fight for the International Trade Organization, 1947–1948. *The International History Review*, vol. 25, no. 2, pp. 282–305.

Статья поступила в редакцию 31.12.2024;
одобрена после рецензирования 24.03.2025;
принята к публикации 12.04.2025

The paper was submitted 31.12.2024;
approved after reviewing 24.03.2025;
accepted for publication 12.04.2025

О.Г. Лекаренко*

ПОДХОДЫ США К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В 1940–1950-Е ГОДЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, г. Томск, Ленина, 36*

В ходе Второй мировой войны США обрели статус сверхдержавы, что предполагало активное участие американской дипломатии в решении вопросов послевоенного мирового устройства. Одним из краеугольных камней американской внешней политики в этом контексте стало укрепление отношений со странами Западной Европы, которые оказались на переднем фланге зарождавшегося советско-американского противостояния. В рамках данной статьи предпринимается попытка вписать эволюцию американских подходов к экономическому развитию Западной Европы в 1940–1950-е годы в более широкий контекст планов США по построению мирового либерального экономического порядка. Обращение к изучению послевоенной европейской политики Вашингтона представляется особенно актуальным, поскольку может помочь приблизиться к пониманию логики торгово-экономических отношений США с Европейским союзом в современных условиях. В первой части статьи рассматриваются основные вехи в истории создания послевоенных международных торговых и финансовых институтов: Международного валютного фонда (МВФ), Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Автор отмечает, что в этот период Вашингтон, пользуясь слабостью и зависимостью европейских стран, имел возможность достаточно эффективно навязывать им свое видение способов построения мирового экономического порядка. В то же время руководство США достаточно быстро осознало, что активное вовлечение

* *Лекаренко Оксана Геннадьевна* — доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений, Национальный исследовательский Томский государственный университет (e-mail: olekarenko@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2421-5869).

западноевропейских стран в построение нового экономического порядка требует создания региональных организаций, которые способствовали бы развитию свободной торговли между ними. Во многом именно на решение этих задач был направлен план Маршалла, содержание которого подробно рассмотрено во второй части статьи. Автор подчеркивает, что в рамках реализации этой программы США целенаправленно использовали экономическую помощь, чтобы стимулировать объединительные тенденции в Западной Европе. В третьей части статьи подробно разбираются мотивы, стоявшие за поддержкой Вашингтоном процессов европейской интеграции. Как показывает автор, интерес США заключался в создании в регионе крупного рынка для экспорта американских товаров, поэтому американское руководство поддержало учреждение Европейских сообществ (ЕОУС, ЕЭС, Евратом). По замыслу Белого дома, сначала должна была произойти либерализация торговых отношений в Западной Европе, а затем — в торговле западноевропейских стран с внешними партнерами. Однако если первая часть этого плана была реализована успешно, то со второй возникли проблемы: внешнеэкономическая политика Европейских сообществ стала развиваться на протекционистской основе. Перед Вашингтоном вставала новая задача — разомкнуть западноевропейский блок в сторону либерализации торговли с внешними партнерами.

Ключевые слова: США, Западная Европа, Вторая мировая война, мировой экономический порядок, Бреттон-Вудская система, МВФ, МБРР, ГАТТ, план Маршалла, ОЕЭС, европейская интеграция, ЕОУС

Для цитирования: Лекаренко О.Г. Подходы США к экономическому развитию Западной Европы в 1940–1950-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 54–88. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-54-88.

Oksana G. Lekarenko

U.S. APPROACHES TO ECONOMIC DEVELOPMENT OF WESTERN EUROPE IN THE 1940S–1950S

*Tomsk State University
36, Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050*

During World War II, the United States gained superpower status, which implied the active participation of American diplomacy in the establishment of the post-war world order. In this context, one of the cornerstones of U.S. foreign

policy was the strengthening of relations with the countries of Western Europe, which found themselves on the front lines of the nascent Soviet-American confrontation. This article attempts to place the evolution of American approaches to the economic development of Western Europe in the 1940s–1950s into a broader context of the U.S. plans to build a global liberal economic order. The study of the American post-war policy toward Europe is particularly relevant, as it can help to better comprehend the current logic of trade and economic relations between the United States and the European Union. The first section of the article outlines the main milestones in the history of post-war international trade and financial institutions: the International Monetary Fund (IMF), the International Bank for Reconstruction and Development (IBRD), and the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT). The author notes that during this period, the United States, taking advantage of the weakness and dependence of European countries, was able to effectively impose its vision of a global economic order on them. At the same time, the U.S. leadership soon realized that the active engagement of Western European countries in building a new economic order requires the establishment of regional organizations to promote free trade between them. To a great extent, the Marshall Plan was aimed at solving these problems, as discussed in detail in the second section of the article. The author emphasizes that the United States deliberately used economic assistance to stimulate consolidating trends in Western Europe as part of this plan. The third section of the paper thoroughly analyzes the motives behind the U.S. support for European integration. As the author shows, the United States was interested in creating a large regional market for American exports. Therefore, the United States supported the establishment of the European Communities (ECSC, EEC, Euratom). According to the U.S. plan, the liberalization of trade relations between Western European countries should subsequently be extrapolated to their trade with outside partners. While the first part of this plan was successfully implemented, problems arose with the second one: the foreign economic policy of the European Communities followed the protectionist course. Thus, the American leadership faced a new challenge, i.e., to achieve the liberalization of Western European trade with external partners.

Keywords: USA, Western Europe, World War II, world economic order, Bretton Woods System, IMF, IBRD, GATT, Marshall Plan, OEEC, European integration, ECSC

About the author: *Oksana G. Lekarenko* — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, National Research Tomsk State University (e-mail: olekarenko@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2421-5869).

For citation: Lekarenko O.G. 2025. U.S. approaches to economic development of Western Europe in the 1940s–1950s. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 54–88. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-54-88. (In Russ.)

В ходе Второй мировой войны США обрели статус сверхдержавы, что предполагало активную роль американской дипломатии в вопросах послевоенного мирового устройства. Долгосрочные экономические интересы Вашингтона включали развитие свободной торговли, создание многосторонних торговых и финансовых институтов, достижение конвертируемости национальных валют в многостороннем формате. Одним из основных направлений американской внешней политики стали отношения со странами Западной Европы, расположенными на переднем фланге зарождавшегося советско-американского противостояния. Военно-политический союз США с западноевропейскими государствами был оформлен подписанием в 1949 г. Североатлантического договора. Европейский регион представлял интерес для Соединенных Штатов и с точки зрения продвижения их торгово-экономических интересов. Экономически развитые страны Западной Европы могли стать главным сторонником построения либерального экономического порядка и одним из основных рынков сбыта американских товаров. Значение Западно-Европейского региона для американской торговли повышалось в связи с утратой позиций США на азиатских рынках ввиду сложных политических процессов, которые начались в странах Азии после окончания войны (следует особо отметить неопределенность исхода гражданской войны в Китае). Таким образом, Вашингтон был заинтересован в том, чтобы направить послевоенное экономическое развитие Западной Европы в определенное русло.

Американская политика по созданию глобальных и региональных организаций, призванных углубить сотрудничество США с их европейскими союзниками в торгово-финансовой сфере, вызывает неослабевающий интерес историков. Этому способствует как публикация постепенно рассекречиваемых документов, так и специфика самого послевоенного периода, насыщенного большим количеством разнообразных инициатив. Отдельные американские и европейские проекты по созданию глобальных и региональных организаций экономического сотрудничества анализируются в исследованиях за-

рубежных и отечественных авторов. Так, публикация исторических документов позволила исследователям подробно рассмотреть процесс создания международных финансовых и торговых институтов: Международного валютного фонда (МВФ), Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) [Шенин, 1998а; Минкова, 2006; Сидоров, 2014; A retrospective on the Bretton Woods system..., 1993; Bretton Woods agreements..., 2019]. В работах историков также был проанализирован альтернативный план урегулирования послевоенных торговых и финансовых проблем, выдвинутый Великобританией, но не получивший поддержки со стороны США.

Американский план восстановления европейской экономики (план Маршалла) изучали не только экономисты, но и историки — исследователи холодной войны, обращавшие внимание на ту роль, которую сыграла американская инициатива в расколе Европы и ухудшении советско-американских отношений [Бычкова, 1972, 1973; Наринский, 1995; Pollard, 1985]. Что касается оценки роли плана Маршалла в экономическом восстановлении западноевропейских государств, то представления исследователей менялись. Авторы первых работ, посвященных плану Маршалла, делали вывод о том, что без американской помощи страны Западной Европы не смогли бы быстро решить задачу послевоенного восстановления экономики. В дальнейшем роль плана Маршалла стали оценивать иначе: большее значение имел не размер американской помощи, а стимулирование тех процессов, которые ускорили восстановление европейских экономик [Hogan, 1987; The United States and the integration of Europe..., 1996; Holm, 2017]. Речь идет о зарождении процесса европейской интеграции, при изучении которого историки также обращают внимание на действия США в поддержку создания Европейских сообществ [Лекаренко, 2012; Малышева, 2014; Winand, 1993; Lundestad, 1998]. В данной статье на основе обращения к американским документам и обобщения эмпирических исследований представлена целостная картина политики США в отношении экономического развития Западной Европы в 1940–1950-е годы.

Цель статьи заключается в том, чтобы вписать эволюцию американских подходов к экономическому развитию Западной Европы в указанный период в контекст более широких планов США по построению либерального экономического порядка. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие ис-

следовательские задачи: выявить экономические интересы США в послевоенном мире; проанализировать изменения в представлениях Вашингтона о способах вовлечения стран Западной Европы в построение мирового экономического порядка; установить степень соответствия европейских интеграционных проектов американским планам послевоенного мироустройства. Исследование проводилось в рамках системного подхода, который позволил проанализировать американские инициативы как комплекс мероприятий. Элементы компаративного анализа использовались для сравнения американских и европейских предложений с точки зрения соответствия последних послевоенным планам США.

Обращение к периоду 1940–1950-х годов позволяет оценить роль глобальных институтов и региональной интеграции в развитии мировой торговли и обеспечении экономического роста западных стран. В условиях усиления протекционизма и роста напряженности в американо-европейских отношениях, вызванного действиями администрации Д. Трампа, данные представления важны для понимания процесса трансформации либерального экономического порядка на современном этапе и торгово-экономических отношений США с Европейским союзом.

Создание основ мирового экономического порядка

Планы послевоенного устройства мира воюющие стороны начали разрабатывать еще в ходе Второй мировой войны. Наиболее активную роль в этом процессе играли Соединенные Штаты, которые благодаря стечению обстоятельств выдвинулись на позицию одной из ведущих держав в послевоенном мире. За годы войны США заметно укрепили свой экономический, военный и политический потенциал на фоне резкого ослабления других держав. За счет роста военных расходов ВВП страны вырос с 88,6 млрд до 135 млрд долл. (1939–1945); промышленный рост составлял 15% в год (1940–1944). К концу войны в США находилось почти 75% мировых запасов золота и производилось свыше 50% мировой промышленной продукции [Kennedy, 1987: 357–359]. Соединенные Штаты намеревались использовать данные преимущества для утверждения своей экономической и политической гегемонии в послевоенном мире.

В разработке планов послевоенного мироустройства большую роль играли экономические вопросы. Авторы планов построения нового мирового экономического порядка стремились учесть не-

гитивный опыт межвоенного периода, когда государства пытались решать свои экономические проблемы за счет друг друга, что вело к протекционизму, хозяйственной автаркии и созданию закрытых валютных блоков. Данная политика ярко проявилась в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и усугубила его остроту.

В рамках «нового курса» по выводу страны из кризиса правительство США встало на путь государственного регулирования экономики и социальных отношений. Авторы политики «нового курса» полагали, что главную роль в разрешении международных экономических проблем должны играть не частные фирмы и банки, а государство. В годы Великой депрессии американскому государству удалось взять под свой контроль основные финансовые и торговые инструменты страны. В 1934 г. был принят Закон о торговых соглашениях на основе взаимности¹, согласно которому Конгресс фактически отказывался от своей лидирующей роли в выработке торговой политики, передавая полномочия по установлению таможенных тарифов и ведению переговоров о торговых соглашениях представителям исполнительной власти. В 1935 г. под контроль Вашингтона перешел Федеральный резервный банк Нью-Йорка. «Тогда же на высший уровень стали постепенно выдвигаться идеи либерализации международных экономических отношений» [Сидоров, 2014: 149].

В годы Второй мировой войны снова стали популярными либеральные и институционалистские теории, авторы которых полагали, что развитие международной торговли с участием как можно большего числа стран может служить средством предотвращения войн, так как рост мировой торговли будет способствовать усилению взаимозависимости участников международной системы [Минкова, 2006: 104]. Американские эксперты по вопросам экономики прогнозировали, что неизбежное сокращение военных заказов после окончания войны может привести к резкому экономическому спаду и повторению Великой депрессии. Один из путей преодоления послевоенного кризиса состоял в стимулировании экономического роста за счет увеличения экспорта американских товаров, что, од-

¹ Trade Agreements Act: An act to amend the Tariff Act of 1930, June 12, 1934 // The statutes at large of the United States of America from March 1933 to June 1934. Vol. 48. Washington, D.C.: Unites States Government Printing Office, 1934. P. 943–945. Available at: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/l1sl//l1sl-c73/l1sl-c73.pdf> (accessed: 15.03.2025).

нако, требовало ликвидации барьеров на пути движения капиталов, товаров и платежей. Таким образом, планы экспортной экспансии увязывались с идеей открытости мировой экономики [Block, 1977: 35–37]. Идеалом для США было развитие свободной торговли на многосторонней и недискриминационной основе. Уже в годы войны в основные соглашения по ленд-лизу включались обязательства стран — получателей помощи устранять таможенные и другие барьеры на пути американских товаров².

США рассчитывали перенести институциональный опыт политики «нового курса» на построение послевоенного мирового порядка, что предполагало этатизацию межгосударственных экономических связей и учреждение специализированных регулирующих институтов, которые должны были сохранять и воспроизводить удобные для Вашингтона международные режимы в различных сферах мировой политики и экономики. Поскольку развитие мировой торговли напрямую зависело от стабильности финансовой системы и конвертируемости основных национальных валют, особое значение в разработке планов послевоенного экономического порядка приобрели предложения о создании международных финансовых институтов.

В 1942–1943 гг. работа над проектами послевоенного экономического урегулирования велась параллельно в Великобритании и США, в результате чего появились британский план Кейнса и американский план Уайта. Обе программы сходились в том, что касалось ведущей роли государств в будущей международной валютной системе, в остальном между ними наблюдались существенные различия. Интересы Великобритании заключались в создании системы двусторонних торговых соглашений, тогда как Вашингтон настаивал на свободе торговли и конвертируемости валют в многостороннем формате. Британский план, составленный известным экономистом Дж. Кейнсом, предполагал создание Международного клирингового союза, управляемого центральными банками стран-участниц. Союз мог выпускать собственную резервную валюту (банкор), обеспеченную золотом, для ведения расчетов между государствами. Страны с дефицитом торгового баланса могли бы получать кредиты в этой валюте в рамках установленных лимитов, чтобы погашать свои

² См., например: Preliminary Agreement between the United States and the United Kingdom, February 23, 1942 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/decade04.asp (accessed: 15.03.2025).

международные долги. При этом план Кейнса оставлял место для существования валютных зон, таких как стерлинговая зона.

Работавший над теми же вопросами сотрудник Министерства финансов США Г. Уайт предложил создать Межсоюзнический банк и Межсоюзнический стабилизационный фонд, который мог бы осуществлять свои операции только через правительственные органы. Банк должен был обеспечивать долгосрочное кредитование своих членов, а стабилизационный фонд — предоставлять займы в иностранной валюте для покрытия временных разрывов в платежном балансе. Финансовые ресурсы фонда должны были складываться из взносов государств-членов в соответствии с выделяемыми квотами, пропорциональными их золотому запасу или величине национального дохода. Размер квоты определял как роль и значение данной страны в фонде, так и предел суммы в иностранной валюте, на получение которой она могла рассчитывать. В соответствии с квотой распределялось и число голосов в руководстве фонда. Проект Г. Уайта предполагал более полное объединение капиталов, нежели действия на клиринговой основе, и наличие фиксированных паритетов валют, в отличие от национального регулирования валютного курса. Основным средством международных расчетов планировалось сделать доллар, поскольку концентрация запасов золота в США создавала все условия для превращения доллара в наиболее надежную резервную валюту. Г. Уайт считал, что с созданием новой финансовой системы следует поспешить, и предлагал провести международную конференцию по ее обсуждению еще до окончания военных действий [Сидоров, 2014: 158–160].

В свете наметившегося в 1943 г. перелома в ходе войны планы совместного с англичанами управления миром сменились озабоченностью президента Ф. Рузвельта относительно той роли, которую после войны будет играть Советский Союз с учетом его решающего вклада в разгром немецких армий. В отличие от представителей Госдепартамента, Ф. Рузвельт верил в то, что СССР может быть партнером не только во время войны, но и в послевоенном мире. Вопросы послевоенного мирового устройства были вынесены на повестку Московской конференции министров иностранных дел США, СССР и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). На конференции была принята Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности, четвертый пункт которой провозглашал стремление к созданию международной организации по поддержанию мира

и безопасности (будущей Организации Объединенных Наций — ООН)³. В ходе этой встречи также был обозначен перечень вопросов, которые следовало решить в целях развития послевоенного международного экономического сотрудничества. На первом месте среди этих вопросов были либерализация международной торговли путем снижения тарифных и нетарифных барьеров, а также создание стабильной международной валютной системы с эффективным механизмом обмена валют [Минкова, 2017: 35].

Переговоры по экономическим вопросам, однако, шли медленно в силу нежелания Великобритании подчиниться требованиям США и тщательной проработки английского и американского проектов в правительстве СССР. Как отмечает К.В. Минкова, в Москве не отказывались от сотрудничества, но считали, что участие Советского Союза в создании международных финансовых институтов не принесет ему существенных экономических выгод, а будет иметь преимущественно политическое значение в качестве средства влияния на международной арене и участия в разрешении международных финансовых вопросов [Минкова, 2017: 38–39]. Экономическая слабость и зависимость от американской помощи вынудила Великобританию согласиться с планом Уайта и поддержать американские предложения о создании Международного стабилизационного фонда.

В июле 1944 г. в городе Бреттон-Вудс (штат Нью-Гемпшир) собрались представители 44 государств антигитлеровской коалиции для проведения международной конференции по валютно-финансовым вопросам. Ее успех во многом был обусловлен предварительными англо-американскими переговорами, в ходе которых были урегулированы многие дискуссионные вопросы. На конференции были учреждены МВФ и МБРР со штаб-квартирами в Вашингтоне⁴. Созданные институты, хотя и содержали в своем названии слово «международный», отражали американское видение послевоенного экономического порядка. В основу Бреттон-Вудской валютной системы был положен золотовалютный стандарт, базирующийся на

³ Protocol, signed at Moscow, November 1, 1943. Annex 1. Declaration of Four Nations on General Security // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1943v01/d684> (accessed: 15.03.2025).

⁴ Articles of Agreement of the International Bank for Reconstruction and Development, July 22, 1944 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/decad047.asp#1#1 (accessed: 15.03.2025).

золоте и господстве двух резервных (ключевых) валют, в качестве которых выступали американский доллар и британский фунт стерлингов. Доллары можно было обменивать на золото по официальной цене 35 долл. за тройскую унцию, создавался механизм взаимной обратимости валют в доллар через золото. Члены МВФ зафиксировали паритеты своих национальных валют по отношению к доллару и не могли их менять без разрешения руководства фонда. Лидирующая роль США в создаваемой Бреттон-Вудской финансовой системе обеспечивалась их основной долей в руководстве и уставном капитале данных институтов, а также тем, что все их операции велись в долларах США.

МВФ должен был поддерживать стабильность валютных курсов для международных расчетов. Однако если Г. Уайта интересовал в основном МВФ, то для Великобритании, истощенных войной государств Европы и развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки первостепенное значение имело создание МБРР. Задачей банка было содействие послевоенному восстановлению и росту мировой торговли путем предоставления займов и кредитов. Как и в МВФ, размер квоты определял количество голосов при принятии решений, но возможность получать займы зависела от потребностей страны. Условия предоставления займов МБРР были нацелены на снижение торговых барьеров. Победой американской дипломатии стало участие советской делегации в Бреттон-Вудской конференции. В ходе переговоров советские представители пошли на ряд уступок, но одновременно добились повышения квоты своей страны с 800 млн до 1,2 млрд долл., чтобы получить равное с Великобританией количество голосов при принятии решений. Советское руководство придавало большое значение участию СССР в выработке принципов международного торгового и валютного сотрудничества, чтобы поддерживать образ влиятельного игрока на мировой арене [Минкова, 2017: 34].

При обсуждении проекта создания МВФ был поставлен вопрос о базировавшемся в Базеле Банке международных расчетов, который мог бы стать основой для создания мирового банка. На конференции было принято решение об упразднении банка, но впоследствии американские и английские банкиры его саботировали, а сам Банк международных расчетов успешно «встроился» в послевоенную эпоху, в том числе оказывал содействие МВФ и МБРР [Сидоров, 2014: 172–173]. Параллельно с обсуждением проектов создания мировой

финансовой системы в 1943–1944 гг. американские политики разрабатывали планы будущего развития мировой торговли на многосторонней недискриминационной основе, регулируемой специально для этого созданной организацией. Однако ввиду сопротивления европейских союзников, прежде всего Великобритании, которая не хотела расставаться с системой имперских преференций (льготные ввозные пошлины в торговле с колониями), вопрос был отложен до окончания войны.

Следующим шагом в построении нового мирового порядка стало создание ООН — международной организации, которая должна была координировать работу всех международных институтов, а также сформировать систему коллективной безопасности. Основные параметры будущей ООН были согласованы на переговорах союзников по антигитлеровской коалиции в Думбартон-Оксе (Вашингтон), проходившей 21 августа — 7 октября 1944 г. Далее в апреле–июне 1945 г. в Сан-Франциско (штат Калифорния) состоялась учредительная конференция ООН. Устав организации⁵ был подписан 26 июня. Он предусматривал особые права великих держав в Совете Безопасности. В то же время курс на продолжение послевоенного сотрудничества с СССР после смерти Ф. Рузвельта (12 апреля 1945 г.) начал постепенно ослабевать. Новый президент Г. Трумэн выбрал более жесткий тон в отношениях с Советским Союзом.

Основной задачей американской дипломатии после окончания войны стало создание Международной торговой организации (МТО). Соответствующий план был изложен в подготовленных Госдепартаментом США в ноябре 1945 г. предложениях по развитию мировой торговли и занятости⁶. Вскоре после этого Госдепартамент направил приглашения принять участие в Международной конференции по торговле и развитию главам государств, которые должны были составить ядро послевоенной торговой системы. В числе приглашенных был и Советский Союз, поскольку США стремились «сохранить в МТО как агентстве ООН всех представителей головного агентства» [цит. по: Минкова, 2018: 83]. В этом же месяце вступили

⁵ Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. Доступ: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.03.2025).

⁶ Proposals for expansion of world trade and employment, November 1945 // WorldTradeLaw.net. Available at: <https://worldtradelaw.net/document.php?id=misc/ProposalsForExpansionOfWorldTradeAndEmployment.pdf&mode=download> (accessed: 15.03.2025).

в силу Бреттон-Вудские соглашения. В феврале 1946 г. в Саванне (штат Джорджия) началась конференция, на которой было официально объявлено о старте работы МВФ и МБРР. К тому времени стало понятно, что СССР не намерен участвовать в создаваемых международных экономических институтах. Несмотря на то что Советский Союз подписал Заключительный акт Бреттон-Вудской конференции, он так и не ратифицировал соглашение. Хотя в марте 1946 г. СССР в статусе наблюдателя принял участие в первом заседании Совета управляющих фонда, вопрос о членстве Советского Союза в МВФ уже не мог рассматриваться вне контекста зарождавшегося советско-американского противостояния [Минкова, 2017: 43]. Москва также не ответила на приглашение принять участие в переговорах по созданию МТО, так как нуждалась в более тщательном изучении американского предложения. Следует отметить, что монополия на внешнюю торговлю в СССР принадлежала государству, что не согласовывалось с теми принципами, на которых должна была основываться деятельность МТО.

В феврале 1946 г. на первой сессии Экономического и Социального Совета ООН по инициативе США было принято решение о созыве Международной конференции по торговле и занятости и создании Комитета по подготовке устава МТО. В ходе обсуждения предложенного Вашингтоном проекта устава многие страны высказались против запрещения использовать количественные ограничения на торговлю товарами. Созыв конференции по подписанию устава МТО несколько раз откладывался до тех пор, пока страны, желавшие участвовать в создании этой организации, не собрались в ноябре 1947 г. в Гаване. В ходе подготовки к проведению конференции вместе с выработкой устава МТО также обсуждался вопрос о сокращении тарифов. Поскольку было очевидно, что согласование устава МТО потребует много времени, а о желании снизить тарифы заявили многие страны, было принято решение провести отдельные переговоры по данному вопросу. Согласованные тарифные уступки получили название Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Протокол об их временном применении был подписан 30 октября 1947 г. в Женеве⁷. Подписавшие протокол страны согласились

⁷ The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947) // World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (accessed: 15.03.2025).

принять основные правила регулирования торговли, изложенные в уставе МТО.

Гаванская хартия о создании этой организации была подписана 24 марта 1948 г.⁸ В соответствии с документом государства должны были запретить все виды и формы торговых ограничений (кроме случаев, связанных с нарушением платежного баланса) и защиты новых отраслей в развивающихся странах, а также взять на себя обязательства по постепенному снижению тарифов. После того как стало ясно, что Конгресс США не готов ратифицировать устав МТО, опасаясь слишком большой степени регулирования внешне-экономической политики страны, роль международного торгового института перешла к ГАТТ.

Эта организация обеспечивала комплекс правил и процедур, которыми должны были руководствоваться государства в международной торговле: отсутствие дискриминации; принцип наибольшего благоприятствования в отношении стран, подписавших соглашение; урегулирование торговых споров на взаимовыгодной основе; продвижение свободной торговли путем переговоров, основанных на принципах взаимности и многосторонности. Создание ГАТТ способствовало мировой либерализации торговли, поскольку торговые уступки, согласованные в его рамках, было сложнее отменить, чем уступки, предоставленные на двусторонней основе [Casadio, 1973: 1–2]. Кроме фиксации принципов ведения международной торговли ГАТТ обеспечило форум для решения текущих проблем и определяло механизм проведения будущих торговых переговоров [Сидоров, 2018: 26].

Таким образом, в середине 1940-х годов дипломатии США удалось добиться согласия союзников с американскими планами послевоенного мироустройства, которые воплотились в создании ООН и международных финансовых институтов (МВФ, МБРР). Ослабленные войной страны Западной Европы, включая Великобританию, были вынуждены согласиться с американским видением послевоенного экономического порядка. Однако уже переговоры о создании МТО показали наличие серьезных разногласий как внутри США между исполнительной и законодательной ветвями власти, так и в отноше-

⁸ Havana Charter for an International Trade Organization, including Annexes // World Trade Organization. P. 9–115. Available at: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/havana_e.pdf (accessed: 15.03.2025).

ниях Вашингтона с другими странами, опасавшимися ущемления своих торговых интересов.

План Маршалла — поворотный момент в американской политике

Обстановка в послевоенной Европе — экономический кризис, оккупация и неопределенное будущее Германии, усиление советского влияния в восточноевропейских странах — мало способствовала построению либерального экономического порядка без активного воздействия извне. В поисках путей выхода из экономического кризиса европейские страны возвращались к традиционной политике протекционизма и заключения двусторонних торговых соглашений. Налицо было движение к «национальному капитализму» и уход от многосторонности. Американские займы или помощь по линии МВФ не могли решить проблему дефицита долларов в Европе, что не позволяло европейским государствам наращивать импорт необходимых им товаров из Соединенных Штатов. К 1947 г. в торговле стран Западной Европы с США образовался гигантский платежный дефицит в 20 млрд долл.

В Вашингтоне пришли к выводу, что активное вовлечение западноевропейских стран в построение нового экономического порядка требует создания региональных организаций, которые способствовали бы развитию свободной торговли между ними. Положение о региональной экономической интеграции было зафиксировано в учредительных документах ГАТТ. В ст. 24 говорилось о возможности развития режима свободной торговли с помощью создания таможенных союзов или зон свободной торговли при условии, что пошлины и другие меры регулирования торговли в отношении с третьими странами, устанавливаемые при их учреждении, не будут более высокими или более ограничительными, чем применявшиеся до образования таких союзов⁹.

США были готовы поделиться со странами Европы приобретенным в годы Великой депрессии опытом выхода из экономического кризиса с помощью крупномасштабной правительственной программы и создания регулирующих институтов. Предложения о крупных правительственных субсидиях, направленных на послевоенное восстановление экономики европейских стран, прораба-

⁹The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947)...

тывались в Госдепартаменте с конца 1946 г. Помощник заместителя госсекретаря по экономическим вопросам П. Нитце предложил использовать в этих целях активное сальдо внешнеторгового баланса США, составлявшее приблизительно 5 млрд долл. в год. Американская экономическая помощь должна была способствовать восстановлению Европы в качестве целостного экономического организма. Ее результатом должны были стать создание единого европейского рынка, восстановление конвертируемости основных европейских валют, устранение внутренних валютных и тарифных ограничений. Администрация США придавала большое значение тому, чтобы инициатива восстановления Европы посредством американских кредитов хотя бы формально исходила от правительств европейских стран, а Вашингтон в свою очередь предоставил бы дружескую помощь в составлении соответствующей программы¹⁰.

Стремясь прозондировать почву в США и европейских странах, заместитель госсекретаря Д. Ачесон 8 мая 1947 г. выступил в педагогическом колледже «Дельта» (Кливленд, штат Миссисипи) с речью, в которой подчеркнул, что без американской экономической помощи Европе ждет неминуемое разорение¹¹. В Госдепартаменте предлагали сочетать выделение кредитов европейским странам с поощрением набиравших популярность в послевоенной Европе федералистских проектов объединения. В Вашингтоне понимали, что союз, созданный по принуждению, не будет эффективным, соответственно инициатива европейской интеграции должна была исходить из Европы, а США должны были оказать ей поддержку [Мальшева, 2014: 17–19]. Разработкой плана экономической помощи Европе занимался учрежденный в Госдепартаменте в мае 1947 г. Отдел внешнеполитического планирования под руководством Дж. Кеннана. 16 мая отдел представил отчет, в котором говорилось, что программу помощи европейским странам следует составить таким образом, чтобы содействовать некоторой форме региональной политической ассоциации западноевропейских государств. Авторы отчета предлагали провести данную программу через Европейскую

¹⁰ Acheson D. Present at the creation: My years in the State Department. New York: W.W. Norton & Company, 1987. P. 250.

¹¹ Foreign relations of the United States, 1947. Vol. 3. The British Commonwealth; Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1972. P. 219. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/EHUM73GLTCJSX8J/E/file-f1303.pdf?dl> (accessed: 15.03.2025).

экономическую комиссию ООН, возможно, даже как проект общеевропейского экономического сотрудничества, допуская при этом вероятность отказа СССР и его союзников в Восточной Европе от участия в будущем плане Маршалла¹².

После того как стало ясно, что предложение помощи встретит поддержку западноевропейских правительств, 5 июня 1947 г. госсекретарь Дж. Маршалл выступил в Гарвардском университете с достаточно краткой речью, в которой заявил о готовности США поддержать «возрождение дееспособной экономики в мире», чтобы возникли «политические и социальные условия, в которых могут существовать свободные институты»¹³. Одним из основных условий американской помощи по плану Маршалла было объединение европейских стран в целях составления общей программы экономического восстановления Европы. До конца 1947 г. администрация США вместе со своими европейскими союзниками занималась разработкой конкретного содержания этой программы¹⁴. В Вашингтоне понимали, что восстановление западноевропейской экономики невозможно без возрождения Германии как главного промышленного центра континента. Одновременно с разработкой плана Маршалла произошли серьезные изменения в политике западных стран в отношении Германии, в результате которых в 1947 г. были пересмотрены цифры предельно допустимого уровня развития германской промышленности, произошло объединение сначала английской и американской зон оккупации, а затем и присоединение к ним французской зоны.

Предоставление американской помощи по плану Маршалла сопровождалось рядом политических и экономических условий, выполнение которых должно было направить развитие европейских государств в нужное для США русло. Первые предполагали исключение коммунистов из состава правительств стран — получателей помощи, ко вторым относились сбалансирование национальных

¹² Ibid. P. 221.

¹³ Secretary of State George Marshall's Speech // The U.S. National Archives and Records Administration. Available at: <https://www.archives.gov/milestone-documents/marshall-plan> (accessed: 15.03.2025).

¹⁴ Согласие на участие в плане Маршалла дали Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Швеция, Норвегия, Дания, Ирландия, Исландия, Португалия, Австрия, Швейцария, Греция, Турция. В августе 1947 г. в число стран, получавших помощь по плану Маршалла, была включена Западная Германия.

бюджетов, введение конвертируемости национальных валют и их привязка к доллару, либерализация международной торговли и открытие рынков для американских товаров. К февралю 1951 г. все участники программы должны были снизить уровень своих тарифов (включая те, что подверглись сокращению на Женевском раунде ГАТТ) наполовину, а в последующем — на 60–75%. К 1955 г. квоты на импортные товары должны были увеличиться на 90% [Gillingham, 2003: 40]. Благодаря развитию торговли европейцы должны были сами зарабатывать доллары, необходимые для оплаты американского импорта. План Маршалла рассматривался как начальный этап последующего объединения европейских стран, форму которого еще следовало уточнить [Малышева, 2014: 20].

Исторический опыт создания таможенного союза американских штатов преподносился американскими политиками как то, что следовало перенести в Европу. Администраторы плана Маршалла доказывали, что большая производительность труда и более высокий уровень заработной платы в США по сравнению со странами Западной Европы являются следствием создания крупного национального рынка, и если западноевропейские страны будут развиваться по этому пути, то смогут ликвидировать существующий разрыв в производительности труда и доходах на душу населения [Milward, 2000: 125]. В свою очередь многие европейские страны после Второй мировой войны также стремились перенять американские методы организации производства, повторить американскую экономику в масштабах Европы, создать европейский рынок, сравнимый с американским¹⁵.

В декабре 1947 г. президент Г. Трумэн обратился к Конгрессу с просьбой одобрить Программу восстановления Европы, рассчитанную на 4 года¹⁶. В ходе начавшихся в январе 1948 г. в Конгрессе слушаний Дж. Маршалл пытался настоять на том, чтобы в законопроект была включена общая сумма ассигнований в размере 17 млрд долл. Однако под давлением изоляционистов, выступавших против помощи иностранным государствам в мирное время, и при поддержке влиятельного сенатора А. Ванденберга конгрессмены от-

¹⁵ Marjolin R. Architect of European unity: Memoirs, 1911–1986. London: Weidenfeld and Nicolson, 1989. P. 278.

¹⁶ Special Message to the Congress on the Marshall Plan, December 19, 1947 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-the-marshall-plan> (accessed: 15.03.2025).

клонили выделение средств на четырехлетний период в пользу годового финансирования [Бычкова, 1973: 5]. После того как обе палаты Конгресса одобрили предоставление помощи европейским странам, 3 апреля Закон об экономическом сотрудничестве был подписан президентом и вступил в силу¹⁷. В США для его реализации была создана Администрация экономического сотрудничества, европейские участники программы объединились в учрежденную в апреле 1948 г. Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Она не превратилась в европейский таможенный союз, как рассчитывали администраторы плана Маршалла, однако в ее рамках обсуждались меры по увеличению квот на импортные товары. Поскольку нетарифные барьеры (квоты, субсидии, исключения и льготы) создавали большие препятствия для развития торговли в Европе, чем таможенные пошлины, в 1950-е годы деятельность ОЕЭС оказалась даже более значимой, чем работа ГАТТ [The United States and the integration of Europe..., 1996: 12].

Как и рассчитывали американские составители плана Маршалла, СССР и восточноевропейские государства отказались в нем участвовать. В итоге это углубило раскол Европы и подтолкнуло Кремль к ускоренной советизации восточноевропейских стран с их включением в интеграционные проекты под руководством Москвы. В январе 1949 г. ввиду необходимости противопоставить что-либо ОЕЭС государства социалистического блока во главе с СССР учредили собственную структуру для регулирования торговых отношений — Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Однако, несмотря на пропагандируемый интеграционный характер организации, торговые отношения в рамках СЭВ развивались на двусторонней основе [Минкова, 2006: 126–127].

План Маршалла стал поворотным моментом в американской политике. Поскольку восстановление экономики европейских стран было возможно только на региональной основе, правительство США стало склоняться к поддержке создания региональной интеграционной группировки в Западной Европе, рассматривая ее в качестве переходного этапа на пути к утверждению принципов многосторонних торговых отношений. Региональная интеграция выступала

¹⁷ Foreign Assistance Act of 1948 // Unites States statues at large. Vol. 62. Washington, D.C.: Unites States Government Printing Office, 1949. P. 137–159. Available at: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/lsl1//lsl1-c80s2//lsl1-c80s2.pdf> (accessed: 15.03.2025).

в качестве средства ускорения экономического восстановления Западной Европы, усиления национальных экономик и увеличения экспорта для устранения проблемы платежного дефицита и возвращения конвертируемости основных западноевропейских валют. Возрождение блоков представлялось американским политикам на данном этапе неопасным, поскольку они должны были иметь исключительно экономический характер, а отношения внутри них должны были строиться на многосторонней основе [Шенин, 1998b: 81–83].

Американская помощь не только предоставила необходимые средства для восстановления экономик стран Западной Европы, но и способствовала развитию интеграционных процессов в данном регионе. С началом реализации программы Соединенные Штаты постарались максимально сократить двусторонние экономические отношения с европейскими государствами и больше взаимодействовать с ОЕЭС, тем самым подталкивая их к интеграции. Составляя ежегодные общие программы, европейцы должны были корректировать свои национальные планы восстановления экономики с обще-европейскими задачами. Основными принципами плана Маршалла стали взаимопомощь и общая ответственность его участников, что подталкивало страны Западной Европы к большему единству [Hogan, 1987: 161–162]. В число получателей американской помощи была включена Западная Германия. Соединенные Штаты были заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее реинтегрировать ее в международную экономику и устранить контроль оккупирующих держав над ее торговлей. Участие Западной Германии в плане Маршалла в дальнейшем способствовало интеграции ФРГ в различные европейские и международные организации.

США целенаправленно использовали экономическую помощь, чтобы стимулировать развитие объединительных тенденций в Западной Европе. 31 октября 1949 г. глава Администрации экономического сотрудничества П. Хоффман, выступая на заседании Совета ОЕЭС в Париже, намекнул на остановку американской помощи, если европейские страны не придут к согласию по программе экономической интеграции. П. Хоффман изложил принципы, на которых, по мнению Вашингтона, должна была основываться экономическая политика западноевропейских стран: формирование единого европейского рынка; координация национальных фискальных и денежно-кредитных политик стран ОЕЭС; предотвращение инфляции; необходимые корректировки обменных курсов под общим кон-

тролем МВФ; предотвращение серьезных противоречий в торговой политике; поощрение экономических соглашений между группами из двух или более стран при условии, что они способствуют интеграции всего региона¹⁸.

Поскольку либерализация торговли требовала реформирования платежных отношений — перевода расчетов на многостороннюю основу и введения взаимной конвертируемости валют, в начале декабря 1949 г. Администрация экономического сотрудничества предложила ОЕЭС сформулировать технические платежные соглашения. Они должны были решить следующие задачи: достижение полной конвертируемости валют стран — членов ОЕЭС и устранение всех количественных ограничений на импорт¹⁹. То, что Администрация экономического сотрудничества призывала к развитию многосторонних отношений, по мнению Л. Флекснера, указывало лишь на временную поддержку региональных проектов в Европе со стороны Вашингтона [Flexner, 1957: 245].

Американские предложения в целом были положительно восприняты в Европе за исключением Великобритании, которая как нетто-дебитор в отношениях с рядом стран — участниц будущего платежного союза была бы вынуждена покрывать свою задолженность платежами в золоте или долларах. Такое положение могло поставить под угрозу роль Банка Англии как резервного центра стерлинговой зоны. Британское правительство внесло альтернативный проект, согласно которому в платежный союз должны были войти только континентальные страны, а Великобритания имела бы особый статус и сохранила двусторонние торговые и платежные соглашения с участниками союза. Как полагали в Администрации экономического сотрудничества, разногласия по поводу создания платежного союза были связаны с фундаментальными различиями в подходе Великобритании к более широкому вопросу об объединении Европы²⁰.

¹⁸ Statement by Paul Hoffman at the 75th OEEC Council meeting (31 October, 1949) // Luxembourg Centre for Contemporary and Digital History. 20.12.2013. Available at: https://www.cvce.eu/content/publication/2009/4/3/840d9b55-4d17-4c33-8b09-7ea547b85b40/publishable_en.pdf (accessed: 15.03.2025).

¹⁹ Foreign relations of the United States, 1950. Vol. 3. Western Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1977. P. 646–647. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/IOEYIMXK64GVV8K/E/file-7a469.pdf?dl> (accessed: 15.03.2025).

²⁰ Ibid. P. 647–648.

В январе 1950 г. страны ОЕЭС сформулировали план создания Европейского платежного союза (ЕПС). Платежные дисбалансы, возникавшие в результате текущих трансакций между двумя странами, предлагалось регулировать не напрямую между заинтересованными сторонами, а в рамках клирингового союза. Каждый его участник должен был периодически отчитываться о дебетовом и кредитовом балансе с другими членами. Те страны, чей импорт из зоны ОЕЭС превышал экспорт, могли финансировать разницу за счет кредита, предоставленного ЕПС, и частичных выплат союзу золотом. Страны, чей экспорт превышал импорт, получали свой излишек частично за счет выплат золотом, а частично за счет предоставления союзу кредита. Все трансакции стран — членов ЕПС должны были осуществляться с использованием общей расчетной единицы (эпунит); их проведением (как и денежными операциями по плану Маршала) занимался Банк международных расчетов, находившийся в Базеле. Одновременно с этими мерами страны-участницы договаривались освободить от квот 60% торговли. План создания ЕПС обладал некоторыми характеристиками предложения Дж. Кейнса об учреждении Международного клирингового союза, против которого в свое время выступили США, но который не вызывал подобных возражений со стороны государств Западной Европы [Faudot, 2020: 374]. Общим, например, было положение о том, что ответственность за урегулирование дисбалансов должна возлагаться как на страну-кредитора, так и на страну-должника [Schloss, 1951: 466].

Предложение ОЕЭС о частичных расчетах золотом и частичном расширении кредита для покрытия платежных дисбалансов было призвано обеспечить автоматические стимулы для восстановления определенной степени гармонии между отдельными национальными экономиками стран Западной Европы. Предполагалось, что страны-должники, выбирая между потерей денежных резервов и соответствующими изменениями в национальной экономической политике, будут стремиться к сокращению своих дефицитов. Кредиторам в свою очередь придется выбирать между внутренними корректировками, которые увеличат их спрос на импорт, и расширением кредита своим должникам через ЕПС. Именно таким образом союз должен был создать стимулы для устранения основных причин дисбалансов, а не просто уменьшить их проявления. Частичные расчеты золотом были предназначены для того, чтобы направить за-

падноевропейские страны в сторону общей конвертируемости валют и развития международной торговли на многосторонней основе²¹.

Министерство финансов США и руководство МВФ изначально выступали против создания клирингового союза в Европе, в котором видели отход от принципов Бреттон-Вудса, однако Администрации экономического сотрудничества удалось убедить их в том, что если европейская торговля не будет освобождена от бесчисленных ограничений, дискриминация против импорта из долларовой зоны, скорее всего, будет больше, чем в случае создания ЕПС [Europe's post-war recovery, 1995: 110, 172–173]. Конгресс согласился выделить союзу 500 млн долл., из которых 350 млн поступило в фонд ЕПС, а 150 млн было помещено в резерв [Schloss, 1951: 467]. Лондон под давлением Вашингтона был вынужден принять план создания ЕПС, но смог добиться включения в текст соглашения положений, предусматривавших защиту золотовалютных резервов Банка Англии²². Соглашение о создании ЕПС было подписано в сентябре 1950 г.²³

Таким образом, под влиянием экономического кризиса в Европе правительство США пришло к выводу о том, что построение мирового экономического порядка требует дополнительных региональных инициатив. По плану Маршалла США не просто предоставили странам Западной Европы помощь для выхода из кризиса, но и направляли их экономическую политику в нужное им русло. В рамках Программы восстановления Европы были учреждены две региональные европейские организации (ОЕЭС и ЕПС), которые должны были способствовать созданию единого европейского рынка, восстановлению конвертируемости европейских валют под контролем МВФ, устранению препятствий в торговле с внешними партнерами. Поскольку ОЕЭС не превратился в таможенный союз, как рассчитывали американские составители плана Маршалла, правительство США подталкивало страны Западной Европы к самостоятельным поискам модели их экономического сотрудничества.

²¹ Ibid. P. 650.

²² Ibid. P. 655–657.

²³ Agreement on the establishment of a European Payments Union (19 September, 1950) // Luxembourg Centre for Contemporary and Digital History. 20.12.2013. Available at: https://www.cvce.eu/en/obj/agreement_on_the_establishment_of_a_european_payments_union_19_september_1950-en-7b471fa9-af0b-427d-a657-017de6a3e1de.html (accessed: 15.03.2025). Европейский платежный союз успешно функционировал в течение почти 8 лет до его роспуска 27 декабря 1958 г., когда участники союза восстановили конвертируемость своих валют.

Поддержка европейской интеграции

Финансирование Вашингтоном Программы восстановления Европы на погодной основе способствовало появлению проектов европейской экономической интеграции, которые должны были соответствовать американским целям по созданию единой Европы. Демонстрация западноевропейскими странами усилий по достижению европейского единства гарантировала выделение очередного транша американской помощи. В июле 1947 г. министр иностранных дел Италии К. Сфорца в продолжение выдвинутого в марте того же года предложения французского министра Ж. Бидо о подписании франко-итальянской декларации о дружбе высказался в пользу создания таможенного союза Италии и Франции [Fauri, 1995: 27–28]. Париж в свою очередь обратился к странам Бенилюкса с предложением присоединиться к франко-итальянскому таможенному союзу в ближайшие 5–7 лет. Однако переговоры с этими государствами, начавшиеся с обсуждения проекта Фрита-люкс и продолжившиеся под названием Финибел, застопорились ввиду неготовности Франции уступить требованиям о включении в союз Германии. Оба плана имели мало шансов на успех в силу того, что экономики Италии и Франции имели скорее конкурирующий, чем взаимодополняющий характер, а ни одна из крупных индустриальных держав Европы не была приглашена к участию в его создании²⁴.

Образование ФРГ в октябре 1949 г. и неизбежное окончание оккупационного режима поставили вопрос о необходимости долгосрочного решения германской проблемы. Восстановление экономики Германии имело ключевое значение для восстановления экономик других европейских стран, но оно должно было происходить без подрыва их безопасности. Разделение Германии на ФРГ и ГДР и стремление удержать Западную Германию в лагере демократических стран подтолкнули Вашингтон к тому, чтобы продолжить поиски подходящей модели объединения Европы. Однако, как отмечал Дж. Кеннан, проблема была по-прежнему связана с тем фактом, что при активной роли Великобритании в европейском объединении федерация была невозможна, а без федерации не могла появиться структура, в рамках которой можно было бы решать германскую

²⁴ Монне Ж. Реальность и политика. Мемуары. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 346.

проблему²⁵. В Госдепартаменте считали, что «основой политики США в отношении европейской интеграции должен быть принцип постепенности, проб и ошибок»²⁶. Любая попытка Вашингтона разработать план создания европейской федерации и навязать его европейским странам, полагали американские чиновники, «философски неверна, неизбежно потерпит неудачу, может даже обратить вспять уже достигнутый прогресс»²⁷. Планировалось политику в поддержку объединения Европы реализовывать через ОЕЭС, в которой США обладали определенным влиянием, а выбор инструментов для достижения цели предоставить самим европейцам.

Новый подход к решению германской проблемы был найден во Франции, интересы безопасности которой требовали сдерживания роста военно-экономического потенциала ФРГ. Перед французскими политиками стояла непростая задача разработать такой план, который соответствовал бы инициативам США в пользу создания европейского рынка и в то же время отвечал французским интересам безопасности. Контроль над действиями Германии планировалось получить за счет развития союзных отношений между Францией и ФРГ. 9 мая 1950 г. французский министр иностранных дел Р. Шуман представил правительству план слияния угольной и сталелитейной отраслей промышленности Западной Германии и Франции под контролем Верховного наднационального органа в рамках организации, открытой для присоединения других западноевропейских стран²⁸. Автором плана был руководитель Генерального комиссариата планирования Франции Ж. Монне, который предложил новые институциональные рамки объединения, включающие создание общего рынка и наднациональных институтов.

За день до утверждения плана французским кабинетом министров текст обращения Р. Шумана был представлен госсекретарю США Д. Ачесону, который по пути на встречу министров иностранных дел трех западных держав в Лондоне на день задержался в Париже. На встрече также присутствовал американский посол во Франции Д. Брюс. Д. Ачесон поначалу воспринял французское предложе-

²⁵ Foreign relations of the United States, 1950. Vol. 3. Western Europe... P. 620.

²⁶ Ibid. P. 679.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Declaration by Robert Schuman, May 9, 1950 // European Economic and Social Committee. Available at: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/20_69_schuman_declaration1950_a5_en.pdf (accessed: 25.03.2025).

ние с подозрением, усмотрев в нем попытку создания гигантского картеля²⁹. В министерстве финансов и Администрации экономического сотрудничества также опасались, что объединение может «монополизировать рынок угля и стали и использовать различные механизмы для защиты предприятий от иностранной конкуренции» [Малышева, 2014: 52]. В ответ Р. Шуман и Ж. Монне подчеркнули политический характер будущего объединения, которое гарантировало появление эффективного механизма «сдерживания» Германии путем ее реинтеграции в западное сообщество и создавало необходимые предпосылки для франко-германского сближения. Благодаря плану Шумана Франция получила возможность стать лидером процесса европейской интеграции, к чему ее подталкивали США после провала американских надежд на то, что инициативу объединения Европы возьмет на себя Великобритания [Hitchcock, 1997: 625–628]. Разработанный Ж. Монне план, который ограничил европейскую экономическую интеграцию двумя секторами экономики, снял возражения европейских стран по поводу включения в данный процесс Западной Германии и открыл дорогу к созданию первого интеграционного сообщества — Европейского объединения угля и стали (ЕОУС).

К моменту появления плана Шумана в отношении американских политиков к европейской интеграции преобладали политические мотивы. Несмотря на опасения по поводу образования европейского «большого картеля», администрация Г. Трумэна по достоинству оценила заложенную в основе плана Шумана идею «франко-германского примирения», усмотрев в нем надежное средство стабилизации политической обстановки в Европе. По оценкам Госдепартамента, сближение между Францией и Германией было необходимо для решения не только европейских, но и атлантических проблем. Американские политики полагали, что создание ЕОУС поможет решить вопрос, который Соединенные Штаты активно обсуждали со своими европейскими союзниками по Североатлантическому альянсу с начала Корейской войны (июнь 1950 г.), а именно вопрос о перевооружении Германии. В Госдепартаменте рассчитывали, что план Шумана поможет получить «молчаливое согласие Франции на увеличение экономической мощи ФРГ, а позже и на ее военное

²⁹ Acheson D. Op. cit. P. 109.

участие в обороне Запада»³⁰. В отношении числа участников будущего объединения в Вашингтоне считали, что лучше иметь дело с небольшой сплоченной организацией, способной «сдерживать» Германию, нежели с широким союзом европейских стран по типу ОЕЭС [Малышева, 2014: 42].

Госдепартамент призывал не вмешиваться в переговоры по плану Шумана и не форсировать их темп, чтобы не подорвать начавшийся процесс франко-германского сближения. В Вашингтоне признали лидерство Франции в объединении Европы, но полагали, что положительное отношение Великобритании, даже если она не присоединится к плану Шумана, будет иметь большое значение для успеха европейской интеграции³¹. В ходе переговоров по плану Шумана предложение Ж. Монне о создании наднационального Верховного органа было дополнено учреждением других институтов: Совета министров (в задачи которого входило обеспечение более гибкого взаимодействия национальных правительств с Верховным органом), Общей ассамблеи и Верховного суда. В Госдепартаменте были обеспокоены большой ролью, которая отводилась Совету министров, что могло разрушить наднациональный характер сообщества. Однако впоследствии США признали необходимость переходного периода, во время которого национальные производители должны были адаптироваться к требованиям общего рынка угля и стали³².

Договор о создании ЕОУС был подписан в Париже 18 апреля 1951 г. Участниками первого интеграционного объединения в Европе стала «шестерка» стран, в которую входили Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург. При составлении антикартельных статей договора, учреждавшего ЕОУС, его авторы общались с американскими специалистами по антитрестовскому законодательству. При американском посольстве в Париже была создана рабочая группа по плану Шумана, которую возглавил чиновник из министерства финансов США У. Томлинсон. Группа консультировала Ж. Монне по вопросам антитрестовского законодательства. Ж. Монне также советовался с американским верховным комиссаром в Западной Германии Дж. Макклоем, который проводил декартелизацию угольной и стальной промышленности Рура, и с американскими

³⁰ Foreign relations of the United States, 1950. Vol. 3. Western Europe... P. 696, 722.

³¹ Ibid. P. 681.

³² Ibid. P. 754, 761–765.

юристами — специалистами в данной области — Р. Боуи и Дж. Боллом³³. США поддержали образование ЕОУС, которому по просьбе Ж. Монне в 1954 г. предоставили заем в размере 100 млн долларов. После создания рынка угля и стали в Вашингтоне старались отслеживать, как выполняются антикартельные статьи договора о ЕОУС. В то же время в Госдепартаменте считали, что Соединенным Штатам следует толерантно относиться к монополизму сообщества и дать ему время, необходимое для развития конкурентоспособного рынка в Европе. Проблемы, возникавшие у Вашингтона в торговле с ЕОУС, решались путем частных консультаций между представителями США и Верховного органа [Лекаренко, 2012: 42].

В условиях нарастающей конфронтации в советско-американских отношениях создание единой Европы рассматривали в Белом доме не только через призму долгосрочного решения германской проблемы, но и как способ обеспечить сплоченность стран Западной Европы перед лицом «советской угрозы». Исходя из политики «двойного сдерживания» СССР и Германии, Соединенные Штаты поддержали подписание Римских договоров (25 марта 1957 г.) и создание двух новых сообществ — Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). И если Евратом был продолжением опыта секторальной интеграции по типу ЕОУС, то в задачи ЕЭС входило создание таможенного союза стран — участниц договора. В течение переходного периода государства, вошедшие в ЕЭС, должны были отменить таможенные пошлины и другие ограничения во внутренней торговле и установить единый внешний тариф в торговле с третьими странами (ст. 3)³⁴. Руководствуясь нормами ГАТТ и желанием добиться признания своей экономической группировки, в ходе «раунда Диллона» (1960–1961) ЕЭС предоставило односторонние торговые уступки другим членам ГАТТ, чтобы компенсировать ущерб от введения единого внешнего тарифа. В Госдепартаменте считали, что сокращение торговых барьеров и усиление конкуренции внутри ЕЭС должны были способствовать увеличению эффективности производства и производительности труда, росту жизненного уровня населения в странах

³³ Ball G.W. The past has another pattern: Memoirs. New York: W.W. Norton & Company, 1982. P. 88–89.

³⁴ Договор об учреждении Европейского экономического сообщества // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901771692> (дата обращения: 15.03.2025).

«шестерки», что в свою очередь должно было привести к увеличению спроса на иностранные, в том числе американские, товары³⁵.

Создание ЕЭС способствовало либерализации торговли между странами «шестерки», но на протекционистской основе. По политическим соображениям США в краткосрочной перспективе закрывали глаза на ограничение экспорта американских товаров на европейские рынки и на дискриминацию ЕПС в отношении доллара. В долгосрочной перспективе в Вашингтоне рассчитывали на то, что ЕЭС со временем превратится в крупный экспортный рынок, наднациональные институты будут способствовать либерализации торговой политики сообщества, а таможенные пошлины удастся снизить путем очередных переговоров в ГАТТ.

Таким образом, в 1950-е годы страны Западной Европы при поддержке Вашингтона смогли предложить свой вариант углубления регионального экономического сотрудничества, связанный с процессом европейской интеграции и созданием Европейских сообществ (ЕОУС, ЕЭС, Евратом). В рамках данного процесса экономический либерализм сочетался с учреждением наднациональных институтов. Подводя итоги, можно говорить, с одной стороны, об успехе американской политики, направленной на либерализацию торговли между западноевропейскими странами, с другой — об ущемлении американских торговых интересов, так как внешнеэкономическая политика Европейских сообществ развивалась на протекционистской основе. Перед Вашингтоном вставала новая задача — разомкнуть западноевропейский блок в сторону либерализации торговли с внешними партнерами.

* * *

В ходе Второй мировой войны США обрели статус сверхдержавы, что предполагало активную роль американской дипломатии в вопросах послевоенного мирового устройства. Вашингтон стремился к построению либерального экономического порядка, который предполагал развитие свободной торговли, конвертируемость национальных валют в многостороннем формате, учреждение международных торговых и финансовых институтов. В 1944–1947 гг. по

³⁵ Address by the Assistant Secretary of State for Economic Affairs before the National Council of American Importers, New York, April 25, 1957 // American foreign policy: Current documents, 1957. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1961. P. 596.

инициативе и при активном участии США были созданы МВФ, МБРР и ГАТТ. Однако, хотя ряд западноевропейских стран получили кредиты по линии МБРР, их оказалось недостаточно для выхода из послевоенного экономического кризиса в Европе.

Этот кризис препятствовал утверждению либерального экономического порядка, и его продолжение было чревато возвратом европейских стран к политике протекционизма, которая вкупе с дефицитом долларов в Европе закрывала европейский рынок для американских товаров. США предложили европейцам план Маршалла, цель которого заключалась в том, чтобы посредством американской финансовой помощи ускорить процесс послевоенного восстановления европейской экономики. Одновременно план Маршалла стал поворотным моментом в американской политике в сторону поддержки региональных организаций в Европе как переходного этапа в построении либерального экономического порядка. Исходя из этого, для американских политиков было важно, чтобы отношения внутри созданных организаций — ОЕЭС и ЕПС — строились на многосторонней основе.

Если сначала Вашингтон, пользуясь слабостью и зависимостью европейских стран, в основном продвигал свое видение способов построения мирового экономического порядка, то в ходе реализации плана Маршалла в Госдепартаменте заговорили о необходимости выдвижения государствами Западной Европы собственных инициатив, направленных на углубление экономического сотрудничества между ними. План Маршалла дал толчок началу европейской экономической интеграции, которая в условиях холодной войны была ограничена Западно-Европейским регионом. Европейская интеграция решала важную политическую задачу включения Западной Германии в процесс послевоенного восстановления европейской экономики без подрыва интересов безопасности соседей ФРГ. Руководствуясь логикой холодной войны, подталкивавшей к созданию экономически сильной и политически сплоченной группировки западноевропейских стран, США поддержали учреждение Европейских сообществ (ЕОУС, ЕЭС, Евратом).

Интерес Вашингтона заключался в создании в регионе крупного рынка для экспорта американских товаров. По замыслу Белого дома, сначала должна была произойти либерализация торговых отношений в Западной Европе, а затем — торговли западноевропейских стран с внешними партнерами. Благодаря процессу европейской

интеграции страны Западной Европы укрепили свое экономическое положение, что позволяло им перейти к проведению более независимой политики. В конце 1950-х годов в правительстве США всё же рассчитывали, что протекционистская политика ЕЭС носит временный характер и Вашингтон сможет воздействовать на западноевропейские страны через международные институты, в первую очередь ГАТТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычкова Т.А. Обсуждение плана Маршалла в конгрессе США (январь — март 1948 г.) // Вопросы истории международных отношений. Вып. 5 / Отв. ред. С.С. Григорцевич. Томск: Издательство Томского университета, 1973. С. 3–18.

2. Бычкова Т.А. Подготовка правительством Соединенных Штатов Америки плана Маршалла (февраль — июнь 1947 г.) // Вопросы истории международных отношений. Вып. 4 / Отв. ред. С.С. Григорцевич. Томск: Издательство Томского университета, 1972. С. 34–51.

3. Лекаренко О.Г. США и процесс объединения стран Западной Европы в 1955–1963 гг. Томск: Издательство Томского университета, 2012.

4. Малышева Н.С. Политика США в отношении европейской экономической интеграции (1945–1951 гг.). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2014.

5. Минкова К.В. Международная многосторонняя торговля: от античности до ВТО. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006.

6. Минкова К.В. Международные торговые и финансовые институции в советско-американских отношениях 1945–1946 годов // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 75–90.

7. Минкова К.В. «Советская делегация считает целесообразным вступление Советского Союза в состав членов фонда»: СССР и Международный валютный фонд в 1943–1946 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 1. С. 34–47. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-34-47.

8. Наринский М.М. План Маршалла и Советский Союз // История европейской интеграции, 1945–1994 / Под ред. А.С. Намазовой, Б. Эмерсон. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995. С. 30–45.

9. Сидоров А.А. Бреттон-Вудская конференция и строительство послевоенного мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2014. Т. 6. № 4. С. 140–184.

10. Сидоров А.А. Генезис послевоенной международной торговой системы и перипетии создания МТО // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 17–36. DOI: 10.31857/S013038640002031-2.
11. Шенин С.Ю. Еще раз об истоках холодной войны: Бреттон-Вудский аспект // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 4. С. 78–86.
12. Шенин С.Ю. Еще раз об истоках холодной войны: Бреттон-Вудский аспект (окончание) // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 5. С. 74–87.
13. Block F.L. The origins of international economic disorder: A study of United States international monetary policy from World War II to the present. Berkeley: University of California Press, 1977.
14. Bretton Woods agreements: Together with scholarly commentaries and essential historical documents / Ed. by N. Lamoreaux, I. Shapiro. New Haven: Yale University Press, 2019.
15. Casadio G.P. Transatlantic trade: USA-EEC confrontation in the GATT negotiations. Lexington: Lexington Books, 1973.
16. Europe's post-war recovery / Ed. by B. Eichengreen. New York: Cambridge University Press, 1995.
17. Faudot A. The European Payments Union (1950–58): The post-war episode of Keynes' clearing union // Review of Political Economy. 2020. Vol. 32. No. 3. P. 371–389. DOI: 10.1080/09538259.2020.1776959.
18. Fauri F. Italy in international economic cooperation: The Franco-Italian customs union and the Fritalux-Finibel negotiations // Journal of European Integration History. 1995. Vol. 1. No. 2. P. 27–45.
19. Flexner K.F. The creation of the European Payments Union: An example in international compromise // Political Science Quarterly. 1957. Vol. 7. No. 2. P. 241–260. DOI: 10.2307/2145775.
20. Gillingham J. European integration, 1950–2003: Superstate or new market economy? New York: Cambridge University Press, 2003.
21. Hitchcock W.I. France, the Western Alliance, and the origins of the Shuman Plan, 1948–1950 // Diplomatic History. 1997. Vol. 21. No. 4. P. 603–630.
22. Hogan M.J. The Marshall Plan: America, Britain, and the reconstruction of Western Europe, 1947–1952. New York: Cambridge University Press, 1987.
23. Holm M. The Marshall Plan: A new deal for Europe. New York: Routledge, 2017.
24. Kennedy P. The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000. New York: Random House, 1987.
25. Lundestad G. 'Empire' by integration: The United States and European integration, 1945–1997. Oxford: Oxford University Press, 1998.
26. Milward A.S. The European rescue of the nation-state. London: Routledge, 2000.

27. Pollard R.A. *Economic security and the origins of the Cold War, 1945–1950*. New York: Columbia University Press, 1985.

28. *A retrospective on the Bretton Woods system: Lessons for international monetary reform* / Ed. by M.D. Bordo, B. Eichengreen. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

29. Schloss H.H. *The European Payments Union* // *Southern Economic Journal*. 1951. Vol. 17. No. 4. P. 465–469. DOI: 10.2307/1054493.

30. *The United States and the integration of Europe: Legacies of the postwar era* / Ed. by F.N. Heller, J.R. Gillingham. New York: St. Martin's Press, 1996.

31. Winand P. *Eisenhower, Kennedy, and the United States of Europe*. London: Palgrave Macmillan, 1993.

REFERENCES

1. Bychkova T.A. 1973. *Obsuzhdenie plana Marshalla v kongresse SShA (yanvar' — mart 1948 g.)* [Discussion of the Marshall Plan in the U.S. Congress (January — March 1948)]. In: Grigortsevich S.S. (ed.). *Voprosy istorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Vyp. 5* [Questions of the history of international relations. Iss. 5]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., pp. 3–18. (In Russ.)

2. Bychkova T.A. 1972. *Podgotovka pravitel'stvom Soedinennykh Shtatov Ameriki plana Marshalla (fevral' — iyun' 1947 g.)*. [Preparation of the Marshall Plan by the U.S. Government (February — June 1947)]. In: Grigortsevich S.S. (ed.). *Voprosy istorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Vyp. 4* [Questions of the history of international relations. Iss. 4]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., pp. 34–51. (In Russ.)

3. Lekarenko O.G. 2012. *SShA i protsess ob"edineniya stran Zapadnoi Evropy v 1955–1963 gg.* [The United States and the unification of Western European countries in 1955–1963]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ. (In Russ.)

4. Malysheva N.S. 2014. *Politika SShA v otnoshenii evropeiskoi ekonomicheskoi integratsii (1945–1951 gg.)* [U.S. policy towards European economic integration, 1945–1951]. Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russ.)

5. Minkova K.V. 2006. *Mezhdunarodnaya mnogostoronnyaya trgovlya: ot antichnosti do VTO* [International multilateral trade: From antiquity to the WTO]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russ.)

6. Minkova K.V. 2018. *Mezhdunarodnye trgovnye i finansovye institutsii v sovetско-amerikanskikh otnosheniyakh 1945–1946 godov* [International finance and trade institutions in the Soviet-American relations, 1945–1946]. *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 75–90. (In Russ.)

7. Minkova K.V. 2017. *'Sovetskaya delegatsiya schitaet tselesoobraznym vstuplenie Sovetskogo Soyuza v sostav chlenov fonda': SSSR i Mezhdunarodnyi valyutnyi fond v 1943–1946 gg.* [‘The Soviet delegation considers USSR

joining the International Monetary Fund advisable': Soviet Union and IMF in 1943–1946]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 17, no. 1, pp. 34–47. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-34-47. (In Russ.)

8. Narinskii M.M. 1995. Plan Marshalla i Sovetskii Soyuz [The Marshall Plan and the Soviet Union]. In: Namazova A.S., Emerson B. (eds.). *Istoriya evropeiskoi integratsii, 1945–1994* [History of European integration, 1945–1994]. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN Publ., pp. 30–45. (In Russ.)

9. Sidorov A.A. 2014. Bretton-Vudskaya konferentsiya i stroitel'stvo poslevoennogo mirovogo poryadka [Bretton Woods conference and the establishment of the post-World War II international order]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 6, no. 4, pp. 140–184. (In Russ.)

10. Sidorov A.A. 2018. Genezis poslevoennoi mezhdunarodnoi torgovoi sistemy i peripetii sozdaniya MTO [Genesis of the post-war international trading system and the vicissitudes of the establishment of the ITO]. *Modern and Contemporary History*, no. 6, pp. 17–36. DOI: 10.31857/S013038640002031-2. (In Russ.)

11. Shenin S.Yu. 1998a. Eshche raz ob istokakh kholodnoi voiny: Bretton-Vudskii aspekt [Revisiting the origins of the Cold War: The Bretton Woods aspect]. *SSHА: ekonomika, politika, ideologiya*, no. 4, pp. 78–86. (In Russ.)

12. Shenin S.Yu. 1998b. Eshche raz ob istokakh kholodnoi voiny: Bretton-Vudskii aspekt (okonchanie) [Revisiting the origins of the Cold War: The Bretton Woods aspect (ending)]. *SSHА: ekonomika, politika, ideologiya*, no. 5, pp. 74–87. (In Russ.)

13. Block F.L. 1977. *The origins of international economic disorder: A study of United States international monetary policy from World War II to the present*. Berkeley, University of California Press.

14. Lamoreaux N., Shapiro I. (eds.). 2019. *Bretton Woods agreements: Together with scholarly commentaries and essential historical documents*. New Haven, Yale University Press.

15. Casadio G.P. 1973. *Transatlantic trade: USA-EEC confrontation in the GATT negotiations*. Lexington, Lexington Books.

16. Eichengreen B. (ed.). 1995. *Europe's post-war recovery*. New York, Cambridge University Press.

17. Faudot A. 2020. The European Payments Union (1950–58): The post-war episode of Keynes' clearing union. *Review of Political Economy*, vol. 32, no. 3, pp. 371–389. DOI: 10.1080/09538259.2020.1776959.

18. Fauri F. 1995. Italy in international economic cooperation: The Franco-Italian customs union and the Fritalux-Finibel negotiations. *Journal of European Integration History*, vol. 1, no. 2, pp. 27–45.

19. Flexner K.F. 1957. The creation of the European Payments Union: An example in international compromise. *Political Science Quarterly*, vol. 7, no. 2, pp. 241–260. DOI: 10.2307/2145775.

20. Gillingham J. 2003. *European integration, 1950–2003: Superstate or new market economy?* New York, Cambridge University Press.

21. Hitchcock W.I. 1997. France, the Western Alliance, and the origins of the Shuman Plan, 1948–1950. *Diplomatic History*, vol. 21, no. 4, pp. 603–630.
22. Hogan M.J. 1987. *The Marshall Plan: America, Britain, and the reconstruction of Western Europe, 1947–1952*. New York, Cambridge University Press.
23. Holm M. 2017. *The Marshall Plan: A new deal for Europe*. New York, Routledge.
24. Kennedy P. 1987. *The rise and fall of the great powers: Economic change and military conflict from 1500 to 2000*. New York, Random House.
25. Lundestad G. 1998. *'Empire' by integration: The United States and European integration, 1945–1997*. Oxford, Oxford University Press.
26. Milward A.S. 2000. *The European rescue of the nation-state*. London, Routledge.
27. Pollard R.A. 1985. *Economic security and the origins of the Cold War, 1945–1950*. New York, Columbia University Press.
28. Bordo M.D., Eichengreen B. (eds.). 1993. *A retrospective on the Bretton Woods system: Lessons for international monetary reform*. Chicago, University of Chicago Press.
29. Schloss H.H. 1951. The European Payments Union. *Southern Economic Journal*, vol. 17, no. 4, pp. 465–469. DOI: 10.2307/1054493.
30. Heller F.N., Gillingham J.R. (eds.). 1996. *The United States and the integration of Europe: Legacies of the postwar era*. New York, St. Martin's Press.
31. Winand P. 1993. *Eisenhower, Kennedy, and the United States of Europe*. London, Palgrave Macmillan.

Статья поступила в редакцию 12.12.2024;
одобрена после рецензирования 15.03.2025;
принята к публикации 09.04.2025

The paper was submitted 12.12.2024;
approved after reviewing 15.03.2025;
accepted for publication 09.04.2025

И.Э. Магадеев*

КОНТУРЫ ПОСЛЕВОЕННОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ (1943–1949)

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76*

Изучение вопросов послевоенного урегулирования всегда привлекало внимание исследователей, но в современных условиях драматичной перестройки международных отношений оно приобретает особую актуальность. В этом контексте большой интерес представляет рассмотрение механизмов и логики генезиса Ялтинско-Потсдамского порядка. Цель данной статьи — восстановить эволюцию французских стратегических и дипломатических оценок по вопросу о ключевых параметрах системы безопасности в Европе по итогам Второй мировой войны. Обращение к кейсу Франции позволяет ярко раскрыть особенности болезненной адаптации страны к новым международным реалиям, связанным с потерей былого великодержавного статуса. Помимо привлечения редких архивных документов новизну исследованию придает попытка автора взглянуть на процесс трансформации французских внешнеполитических установок в период становления Ялтинско-Потсдамского порядка через линзы концепции «гистерезиса габитуса», т.е. понять, насколько им было свойственно воспроизводить традиционные практики, несмотря на изменившиеся условия среды. Как показано в первой части статьи, такая инерция мышления была особенно характерна для французского внешнеполитического планирования в 1943–1944 гг. Однако уже в 1945–1947 гг. начался процесс трансформации «габитуса»: французская дипломатия отказывалась от попыток добиться максимального ослабления Германии в пользу сближения с Великобританией и США. Одновременно французские военные всё настойчивее стали делать акцент на «советской

* *Магадеев Искандэр Эдуардович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России (e-mail: iskander2017@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6521-2202).

угрозе». Полноценное разворачивание холодной войны поставило Париж перед необходимостью встроиться в «западный консенсус», не превратившись при этом в сателлита англосаксонских держав. В этих условиях в 1948–1949 гг. французская дипломатия сделала ставку на западноевропейскую интеграцию. Практическим выражением этой концептуальной перестройки внешнеполитического «габитуса» стало активное включение Франции в западные военно-политические блоки: Западный союз и НАТО. В то же время проявилась фундаментальная противоречивость внешнеполитических устремлений французского руководства: с одной стороны, оно старалось отстоять свою самостоятельность и не превратиться в сателлита Вашингтона, с другой — остро нуждалось в военно-политических гарантиях и кредитах от США. Поиск баланса между этими компонентами нового внешнеполитического «габитуса» Франции оставался трудной задачей для Парижа на протяжении всей холодной войны. Автор заключает, что хотя в рассматриваемый период можно констатировать существование эффекта «гистерезиса габитуса» во внешнеполитических установках французского руководства, оно также продемонстрировало способность гибко адаптировать свои планы, если они не вписывались в логику нарастающей холодной войны. Вместе с тем ряд базовых компонентов внешнеполитической идентичности страны, прежде всего императив возвращения «величия», оставались константами французской политики.

Ключевые слова: история международных отношений, Вторая мировая война, послевоенное урегулирование, Ялтинско-Потсдамский порядок, холодная война, Франция, Четвертая Республика, европейская интеграция, европейская безопасность, европеизм, атлантизм, Ш. де Голль

Для цитирования: Магадеев И.Э. Контуры послевоенной системы безопасности в Европе во французских стратегических и дипломатических оценках (1943–1949) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 89–140. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-89-140.

Iskander E. Magadeev

**CONTOURS OF THE POST-WAR SECURITY SYSTEM
IN EUROPE IN FRENCH STRATEGIC
AND DIPLOMATIC ASSESSMENTS (1943–1949)**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

The issues of post-war settlement have always attracted the attention of researchers, yet this agenda is becoming particularly relevant amidst the ongoing

dramatic transformation of international relations. In this context, the study of the mechanisms and logic behind the advent of the Yalta-Potsdam order is especially relevant. The paper aims to trace the evolution of French strategic and diplomatic assessments regarding the key parameters of the security system in Europe following the Second World War. The case of France can serve as an illustrative example of the process of a former great-power's painful adaption to the new international realities, associated with the loss of its status. To this end, the paper not only draws on a wide range of rare archival documents, but also adapts a new theoretical framework to explicate the evolution of the French foreign policy during the formation years of the Yalta-Potsdam order — the concept of 'hysteresis of habitus'. The latter helps to highlight the extent to which the French policy makers at that time tended to reproduce traditional practices, disregarding the changing international context. The first section shows that this political inertia was particularly common to French foreign policy planning in 1943–1944. However, it was already the period of 1945–1947 that the 'habitus' transformation began: French diplomacy abandoned attempts to weaken Germany as much as possible in favour of rapprochement with Great Britain and the United States. Meanwhile, the French military increasingly began to focus on the 'Soviet threat'. The beginning of the Cold War confronted Paris with the need to integrate into the 'Western consensus', yet without becoming a satellite of the Anglo-Saxon powers. In these circumstances, French diplomacy in 1948–1949 focused on Western European integration. This conceptual transformation of the foreign policy 'habitus' manifested itself in the active engagement of France with the Western military-political blocs: the Western Union and NATO. At the same time, it revealed the fundamental inconsistency of the French foreign policy aspirations. On the one hand, France sought to ensure its independence and avoid becoming the U.S. satellite, on the other, it was in dire need of military and political guarantees and loans from the United States. Finding a balance between these components of France's new foreign policy 'habitus' remained a difficult task for Paris throughout the Cold War. The author concludes that although it is possible to observe the 'hysteresis of habitus' effect in the French foreign policy planning during the period under consideration, the country's leadership also demonstrated the ability to tailor its plans to the logic of the intensifying Cold War. At the same time, a number of basic components of the country's foreign policy identity, primarily the imperative of restoring 'greatness', remained constants of French politics.

Keywords: history of international relations, World War II, post-war settlement, Yalta-Potsdam order, Cold War, France, Fourth Republic, European integration, European security, Europeanism, Atlanticism, Charles de Gaulle

About the author: *Iskander E. Magadeev* — PhD (History), Associate Professor at the Department of European and American Studies, School of Interna-

tional Relations, MGIMO University (e-mail: iskander2017@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6521-2202).

For citation: Magadeev I.E. 2025. Contours of the post-war security system in Europe in French strategic and diplomatic assessments (1943–1949). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 89–140. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-89-140. (In Russ.)

Проблематика послевоенного урегулирования относится к числу актуальных как для истории, так и для теории международных отношений [Ikenberry, 2019]. Изучение планов на послевоенный период, а также специфики их реализации (или отсутствия таковой) ценно для понимания генезиса международных порядков, формировавшихся по итогам конфликтов между великими державами, в том числе Ялтинско-Потсдамского порядка (системной модели). Вопросы, связанные с безопасностью в Европе (прежде всего «германский вопрос»), составили «ядро» данного порядка. Процесс болезненной перестройки архитектуры европейской безопасности в современных международных отношениях дополнительно усиливает интерес к изучению опыта прошлого.

Цель статьи — раскрыть французские стратегические и дипломатические оценки по вопросу о ключевых параметрах системы безопасности в Европе по итогам Второй мировой войны. Под такими оценками понимаются концепции и планы, как озвучиваемые публично, так и остававшиеся секретными, которые были сформулированы в кругах деголлевских органов власти в 1943–1944 гг., Временного правительства Франции в 1944–1946 гг., а затем правительства Четвертой республики. За рамками анализа остаются оценки, которые давали дипломаты и военные «другой» Франции в годы Второй мировой войны — коллаборационистского режима Виши. Такие оценки, изучение которых может составить содержание отдельного исследования, не оказали непосредственного влияния на практические шаги руководства Франции после войны, берущего начало в Движении Сопротивления, антагонистичном режиму Виши.

Автор стремится ответить на следующие вопросы: как дипломаты и военные Франции представляли себе послевоенный баланс сил и ключевые угрозы безопасности; в каком статусе они видели собственную страну; каким, с их точки зрения, было место Франции в системе альянсов и блоков? При ответе на указанные вопросы ос-

новое внимание будет обращено на восемь тематических блоков: отношения Франции с (1) США, (2) СССР, (3) Германией, (4) Великобританией; (5) военный потенциал страны; (6) место Франции в ООН; (7) степень французского влияния в Центрально-Восточной Европе; (8) воздействие «колониального фактора». Они были отобраны как наиболее значимые для характеристики внешней политики Парижа в 1943–1949 гг. по результатам авторского анализа выборки источников, о которой будет сказано далее, а также имеющейся историографии.

Хронологические рамки исследования охватывают период с октября–ноября 1943 г. (первой полномасштабной дискуссии о послевоенной внешней политике, которая состоялась в руководстве Французского комитета национального освобождения (ФКНО)) и до апреля–мая 1949 г. — создания НАТО и провозглашения ФРГ. Эти события ознаменовали складывание базовых элементов, которые были характерны для стратегической ситуации в Европе в годы холодной войны (до объединения Германии). Они зафиксировали принадлежность Франции к западному блоку, закрепили ситуацию разделения Германии, что было крайне важно для Парижа, а также окончательно подтвердили неудачу французской дипломатии в реализации ряда концепций, которые были сформулированы в 1943–1944 гг.

Как будет показано далее, базовые внешнеполитические установки Франции за эти пять с лишним лет претерпели кардинальные изменения по ряду важных вопросов. Подобное обстоятельство стимулирует интерес к изучению хронологического периода, который охватывает как заключительную фазу Второй мировой войны, так и первые годы биполярного противостояния. Обращение к данной проблематике в текущей международно-политической ситуации важно по нескольким причинам. Во-первых, анализ трансформации французских оценок призван продемонстрировать, как суждения дипломатов и военных менялись под воздействием новых международных реалий, как концепции, казавшиеся фундаментальными на одном этапе, подвергались существенной, а иногда и кардинальной перестройке на другом. Во-вторых, ответ на поставленные выше вопросы позволит подчеркнуть нелинейность развития международных отношений, в том числе генезиса Ялтинско-Потсдамского порядка. Одна из ключевых его характеристик — биполярность, принявшая форму «конфликтного взаимодействия» СССР и США

[Белоусов, Манькин, 2021], — не рассматривалась современниками, в том числе рядом французских дипломатов, как изначально заданная и неизбежная. В-третьих, на базе изучения французских оценок в статье будут раскрыты отдельные грани болезненного процесса адаптации руководства страны к потере бывшего великодержавного статуса и к сокращению внешнеполитических возможностей по сравнению с довоенным периодом.

Источниковую базу статьи составили документы, в которых отразились стратегические и дипломатические оценки французского руководства и людей, участвовавших и/или влиявших на принятие внешнеполитических решений. Используемые документы можно подразделить на три основные группы.

Первая — опубликованные тома «Французских дипломатических документов» за 1944–1949 гг.¹ Публикация французских документов за период Второй мировой войны и первые послевоенные годы была организована специфическим образом. За эту работу отвечали две группы исследователей, трудившиеся в разном темпе. Период с 1944 по 1954 г. входил в зону ответственности группы во главе с Ж.-А. Суту (к настоящему времени опубликованы тома до 1952 г. включительно); период с 1939 по 1944 г. — группы во главе с А. Каспи (к настоящему времени опубликованы тома до 1941 г. включительно). Таким образом, документы за 1943 г. пока не были опубликованы. Однако стоит отметить, что важные дискуссии по внешнеполитическим вопросам, пришедшиеся на 1943 г., проанализированы в статьях Ж.-А. Суту [Суту, 2006: 159–162; Soutou, 2008: 146–155]. Значимые сведения о французской позиции были почерпнуты также из опубликованных дипломатических документов СССР, США и Великобритании.

Во вторую группу использованных источников вошли материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, Национального архива Франции, а также отдельные документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). В случае французских архивных материалов речь идет о личных фондах трех деятелей, задействованных в формулировании и реализации внешней политики страны:

¹ Documents diplomatiques français (DDF). 1944–1954. T. 1–14 (9 septembre 1944 — 31 décembre 1949). Paris: Imprimerie nationale; Bruxelles: P.I.E. Peter-Lang, 1996–2015.

а) Ж. Бидо: в 1946, 1949–1950 гг. занимал пост председателя правительства, в 1944–1946, 1947–1948, 1953–1954 гг. — министра иностранных дел Франции²;

б) Р. Массильи (Массигли): в 1943–1944 гг. был комиссаром ФКНО по иностранным делам, в 1944–1955 гг. — послом Франции в Великобритании³;

в) М. Дежана: в 1943–1944 г. — представитель ФКНО при союзных правительствах в Лондоне, в 1944–1945 гг. — глава политического управления МИД Франции, в 1945–1949 гг. — посол в Чехословакии⁴.

Среди документов АВП РФ были использованы прежде всего материалы из фонда референтуры Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР по Франции за 1944 г.⁵

Исследовательский интерес представляет и то, как события 1943–1949 гг. осмыслили современники. Статьи экспертов и политиков, публиковавшиеся на страницах аналитических изданий и «качественной прессы», составили третью группу использованных источников.

В историографическом отношении статья занимает срединное место между детальными исследованиями, посвященными отдельным вопросам внешней политики Франции в 1940-е годы, с одной стороны, и обобщающими монографиями — с другой. Охватывая достаточно широкий и крайне насыщенный событиями хронологический отрезок, статья не претендует на то, чтобы раскрыть все оценки французской дипломатии. По степени детализации она уступает ряду работ, в которых были рассмотрены ключевые сюжеты в развитии французского внешнеполитического курса в 1940-е годы. Среди таких сюжетов выделим следующие:

а) эволюция оценок Кэ д'Орсэ⁶ в отношении СССР [Soutou, 1998; Creswell, Trachtenberg, 2003];

² Archives Nationales de la France (AN). Papiers Bidault. 457 Archives privées (AP). Vol. 82. Пагинация в этом архивном деле отсутствует.

³ Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). Papiers d'agents. Papiers Massigli (217 PAAP). Vol. 42.

⁴ AMAE. Papiers d'agents. Papiers Dejean (288 PAAP). Vol. 75.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0136. Оп. 28. П. 186. Д. 8.

⁶ Дословно — набережная Орсе. Термин, используемый в дипломатическом обиходе для обозначения МИД Франции (по его месторасположению в Париже).

б) французская политика в «германском вопросе» [France and the German question..., 2019], в том числе в период Берлинского кризиса 1948–1949 гг. [Buffet, 1991; Barièty, 1994];

в) взаимодействие Франции с США и Великобританией [Wall, 1991; Milza, 1996; Doise, Vaïsse, 2015], в частности по вопросам плана Маршалла и формирования НАТО [Фалалеев, 2019, 2020];

г) французские проекты европейской интеграции [Наумова, Фалалеев, 2016; Heyde, 2010], включая подготовку плана Шумана 1950 г. и создание Европейского объединения угля и стали [Hitchcock, 1997; Ciarpi, 2023];

д) позиция французской дипломатии в период формирования и первые годы существования ООН [Williams, 2017; Pearson, 2020];

е) война Франции в Индокитае в 1946–1954 гг. и реакция Парижа на процессы деколонизации [Черкасов, 1985; Канинская, 2008];

ж) попытки Парижа сохранить внешнеполитическое влияние в Центрально-Восточной Европе [Allard, 2005; Macher, 2010];

з) роль ключевых государственных и политических деятелей в реализации внешнеполитического курса страны. Особенно тщательно был исследован вклад сопредседателя/председателя ФКНО (1943–1944), а затем главы Временного правительства Франции (1944–1946) Ш. де Голля [Арзаканян, 2012; Jackson, 2018], а также главы Генерального комиссариата по планированию (1946–1952) и будущего «отца Европы» Ж. Монне [Болдырева, 2008; Ciarpi, 2022]. Вместе с тем историки не обошли вниманием и других государственных и политических деятелей, дипломатов и военных. Среди таких фигур можно выделить: а) министров иностранных дел Ж. Бидо [Шмелев, 2010; Bézias, 2006] и Р. Шумана (занимал пост в 1948–1953 гг.) [Robert Schuman et les pères de l'Europe..., 2008]; б) командующего французской оккупационной зоной в Германии (1945–1949) генерала П. Кёнига [Hudemann, 2002]; в) дипломатов Р. Массильи [Ulrich-Pier, 2006] и М. Дежана [Davieau-Pousset, 2015].

Таким образом, хотя предложенная статья не претендует на всеохватность, в ней дан более подробный анализ французских внешнеполитических концепций, чем тот, что представлен в большинстве обобщающих работ отечественных франковедов, которые изучали период 1940-х годов [Канинская, 1999; Обичкина, 2012]. Выводы автора уточняют и конкретизируют некоторые положения зарубежных монографий, посвященных внешней политике Франции в рассматриваемый период. Главным образом такие труды

принадлежали перу французских [Soutou, 2018], немецких [Hüser, 1996b], американских [Hitchcock, 1998] и британских историков [Young, 1990]. Как правило, для них был характерен акцент на изучении западноевропейской и атлантической политики Парижа. Такие сюжеты, как отношения Франции с СССР и политика Парижа в Центрально-Восточной Европе, были проанализированы в меньшей степени.

Обилие работ по отдельным аспектам внешней политики Франции контрастирует с меньшим количеством исследований, нацеленных на то, чтобы выявить концептуальные основания, на которых базировались послевоенные проекты французских дипломатов и военных [La puissance française en question..., 1988; Shennan, 1989]. В целом автор стремится к гармоничному сочетанию двух исследовательских ракурсов: во-первых, выделение общих тенденций развития французской дипломатии и стратегии после Второй мировой войны; во-вторых, анализ конкретных примеров с опорой на исторические источники. Такой подход имеет свои преимущества: с одной стороны, он позволяет в сжатом виде сформулировать выводы, которые могут быть интересны не только франковедам, но и специалистам-международникам более широкого профиля; с другой стороны, эти выводы будут подкреплены конкретными фактами и документами. Стоит отметить и такое обстоятельство, как историографический дисбаланс в изучении советских, американских и британских подходов к послевоенному устройству, которым уделялось основное внимание, по сравнению с французскими, которые нередко оставались в тени на страницах обобщающих трудов по истории послевоенных международных отношений.

Помимо привлечения редких архивных документов новизну статье придает сама постановка основного исследовательского вопроса: как прогнозы и планы французской дипломатии, сформулированные в годы Второй мировой войны, соотносились с теми реалиями, с которыми Париж столкнулся в первые послевоенные годы? Эксплицитная формулировка такой задачи не была характерна для указанных выше исследовательских работ, чьи авторы либо были погружены в конкретно-исторические сюжеты, либо ставили более общий вопрос о преемственности и новизне во французской внешней политике после 1945 г. [Обичкина, 2012; Vozo, 2019]. Если использовать термины французского социолога П. Бурдьё, то речь идет о попытке показать, насколько для французской внешней по-

литики был характерен «гистерезис габитуса», т.е. воспроизводство устойчивых предрасположенностей и практик, выработанных в определенных условиях среды, даже тогда, когда эти условия серьезно изменились [Бурдые, 2001: 122–123].

Баланс сил и международные отношения в Европе в 1943–1944 гг. Ставка на альянс с Москвой

Комиссия для изучения послевоенных вопросов во главе с дипломатом Э. Альфаном была сформирована при Французском национальном комитете (ФНК; председатель — генерал Ш. де Голль) в Лондоне согласно декрету от 2 декабря 1941 г. [Shennan, 1989: 59–63]. Однако разворачивание полноценного обсуждения того, на каких основаниях будет построена внешняя политика Франции после войны, пришлось на период «коренного перелома». Дискуссия по внешнеполитическим вопросам, состоявшаяся на заседании ФКНО 12 октября 1943 г. в Алжире (ФКНО заменил ФНК в июне 1943 г.), а также составленные по ее итогам записки и проекты продемонстрировали вариативность точек зрения во французском руководстве [Суту, 2006: 159–162]. Выделялись четыре подхода, которые с некоторой условностью можно обозначить как пробританский, просоветский, опора на «малых союзников» и наднациональный (европейский). При этом они не всегда были антагонистичными и могли сочетаться в различных комбинациях.

К сторонникам первого подхода можно отнести Р. Массильи. Как вспоминал сам дипломат, его основной тезис, сформулированный на заседании ФКНО 12 октября 1943 г., состоял в том, что альянс с Великобританией в наибольшей степени отвечал интересам Франции и был связан для Парижа с наименьшими издержками [Soutou, 2008: 153–154]. Представителем иной точки зрения выступил М. Дежан, настаивавший на приоритете альянса с СССР. Как следовало из записок от 13 октября и 3 ноября 1943 г., М. Дежан полагал, что среди стран «большой тройки» Советский Союз в наибольшей степени заинтересован в недопущении новой агрессии Германии. Это создавало базу для советско-французского альянса, который, однако, как предупреждал дипломат, не стоило противопоставлять отношениям Франции с Великобританией и США⁷. М. Дежан считал возможным признать за Советским Союзом обширную «зону безопасности»,

⁷ Note de Dejean, 3 novembre 1943 // AN. 457 AP. Vol. 82.

которая включала бы Финляндию, Польшу, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Югославию, Иран, Синьцзян, Внешнюю Монголию, Маньчжурию (при условии уважения Москвой самостоятельности признанных государств) [Soutou, 2008: 149]. Ставку на союзные отношения с СССР делал также политик-левоцентрист из партии радикалов и радикал-социалистов, бывший министр авиации П. Кот. Как отмечал заместитель наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозов во время визита П. Кота в Советский Союз в июле 1944 г., «мы относимся к нему не как к иностранному туристу, а как к патриоту Франции и нашему другу»⁸.

К представителям подхода «опора на “малых союзников”» можно отнести видного участника Движения Сопротивления, основателя группы «Комба» и комиссара ФКНО по делам военнопленных и депортированных А. Френей. Он полагал, что после войны Франция может опереться на взаимодействие с малыми и средними государствами Европы и вести их за собой, не обязательно ориентируясь на альянс с одной или несколькими странами из числа «большой тройки». А. Френей, как и Р. Массильи, испытывал настороженность в отношении СССР, в том числе опасаясь его возможного влияния на внутривнутриполитическую жизнь Франции посредством Французской коммунистической партии (ФКП) [Soutou, 2008: 152–153]. Однако было бы неверно относить А. Френей в 1943 г. к ярким антисоветчикам. Выступая твердым сторонником европейской интеграции на федеративных началах, он стремился не противопоставить этот проект Советскому Союзу, а рассматривал СССР как часть расширенной Европы [Bossuat, 1997: 23–24].

Всё же в концепции А. Френей была заметна определенная ностальгия по прошлому великодержавному статусу Франции и системе «тыловых союзов» Парижа в Центрально-Восточной Европе. Это почти неизбежно создавало почву для советско-французских трений. Когда в ноябре 1944 г. представитель Временного правительства Франции в СССР Р. Гарро поставил в ходе беседы с В.Г. Деканозовым вопрос об отправке французских представителей в страны — бывшие сателлиты Германии (Румынию, Болгарию и Финляндию), он натолкнулся на жесткую реакцию. В.Г. Деканозов подчеркнул, что этот вопрос «очень сложный», и предвидел «большие затруднения

⁸ Из дневника Деканозова, 11 июля 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 28. П. 186. Д. 8. Л. 108.

в его разрешении»⁹. Посол СССР А.Е. Богомолов в более мягких выражениях доносил аналогичную позицию до французских дипломатов в Париже¹⁰. Было очевидно, что стремление Франции сохранить влияние на Востоке Европы Москва не встретит радушно.

Если компонент «европеизма» присутствовал в проектах А. Френея, то в еще большей степени он был характерен для концепций, которые развивали другие участники Движения Сопротивления, при этом «наибольшую активность в разработке европейских проектов проявляли» члены Социалистической партии (СФИО; Section française de l'Internationale ouvrière, SFIO)¹¹ [Наумова, Фалалеев, 2016: 23]. Ее лидер Л. Блюм, арестованный вишистскими властями, размышлял о создании после войны европейской наднациональной федерации как о прологе еще более грандиозного проекта — «супермондиалистского» государства, или Соединенных Штатов Мира, в рамках которых суверенитет национальных государств был бы серьезно ограничен [Наумова, 2015: 320–322].

Для европейских проектов, которые на протяжении 1943 г. развивали комиссар ФКНО по вооружениям Ж. Монне и его сподвижники, был характерен не столько идеологический, сколько функционалистский посыл. В записке от 4 августа 1943 г. Ж. Монне писал об узости внутренних рынков ряда европейских стран и планировал расширить емкость этих рынков за счет интеграции [Margairaz, 1982: 463]. Развивая подобные тезисы, Э. Альфан в записке от 17 сентября 1943 г. наметил проект таможенного союза (или союзов) между государствами Европы. Он прогнозировал, что европейские бюро по распределению помощи (например, при поддержке со стороны образованной в ноябре 1943 г. Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций) сформируют «твердое ядро по вопросам координации европейских производств в будущем». Начать Э. Альфан предлагал со сближения Франции с Бельгией и Нидерландами [Margairaz, 1982: 463]. Весной 1944 г. такие проекты уже активно обсуждались французскими дипломатами с представителями этих стран¹².

⁹ Из дневника Деканозова, 17 ноября 1944 г. // Там же. Л. 133–135.

¹⁰ Conversation avec Bogomolov, 25 décembre 1944 // AN. 457 AP. Vol. 82.

¹¹ Французская секция Рабочего Интернационала. Название Французской социалистической партии в 1905–1969 гг.

¹² Conversation avec van Zeeland, 2 mars 1944; De Dejean, 15 mars 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 22–23, 76–78.

Итогом осенних дискуссий по внешнеполитическим вопросам стал программный циркуляр Ш. де Голля от 30 октября 1943 г. Первостепенное значение в нем было отведено альянсу с Советским Союзом, который «будет играть в европейской политике более значимую роль, чем Российская империя после 1815 г.» [цит. по: Фалалеев, 2016: 120]¹³. Ради этих целей Ш. де Голль был готов ослабить связи Парижа с Варшавой и Бухарестом, где былое французское влияние, с его точки зрения, вряд ли можно было восстановить полностью. Однако генерал нацеливался обеспечить невмешательство Москвы во внутреннюю политику Франции [Магадеев, 2020: 316–317].

Представления Ш. де Голля о послевоенном внешнеполитическом курсе Франции отнюдь не сводились к советскому направлению. Реагируя на активизацию послевоенного планирования стран «большой тройки», Ш. де Голль в записке от 24 февраля 1944 г. призвал Р. Массильи ускорить работу над собственными предложениями МИД Франции по «германскому вопросу». В качестве одной из генеральных линий Ш. де Голль наметил план по созданию «стратегической и экономической федерации» Франции и стран Бенилюкса¹⁴. Предусматривалось включение в состав этой федерации Рейнской области. Под ней Ш. де Голль подразумевал не только левый берег Рейна, но и «те территории на правом берегу, которые являются стратегическими и экономическими дополнениями» левобережья¹⁵. Не исключалось вступление в федерацию Великобритании, однако ее членство не рассматривалось как неотъемлемое условие проекта¹⁶. Помимо политических факторов влияло и другое обстоятельство, хорошо осознаваемое на Кэ д'Орсэ: в производственном отношении Великобритания, в отличие от Германии, не была столь жизненно необходима Франции, а британская экономика не дополняла французскую [Bossuat, 1990: 3]. Речь Ш. де Голля о создании после войны западноевропейской группы государств, произнесенная 18 марта 1944 г. в Алжире, коррелировала с идеями, которые он выражал на страницах внутренних документов ФКНО [Магадеев, 2020: 326].

Оптимальной для Франции, согласно циркуляру Ш. де Голля от 30 октября 1943 г., была «трехсторонняя комбинация Англия–

¹³ Текст циркуляра от 30 октября 1943 г. см. в: АМАЕ. 217 ПААР. Vol. 41. Fol. 148–152.

¹⁴ АМАЕ. 217 ПААР. Vol. 42. Fol. 18.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid. Fol. 19.

Франция–Россия: первую сторону треугольника представляет собой англо-советский договор, вторую — франко-советский договор, а франко-английский договор их бы дополнил» [цит. по: Фалалеев, 2016: 121]. Отражением своеобразного балансирования Ш. де Голля между СССР и Великобританией стала его дипломатия в ноябре 1944 г. Переговоры с У. Черчиллем, состоявшиеся в Париже 11–12-го числа, стали сигналом об англо-французском сближении¹⁷. Однако глава Временного правительства Франции сопровождал его движением в сторону СССР, выразив во время беседы с А.Е. Богомоловым свое желание отправиться в Москву. В отличие от прошлых попыток, этот демарш привел к конкретным результатам (советское приглашение было передано 14 ноября)¹⁸.

Дипломатическая «геометрия», намеченная в циркуляре от 30 октября 1943 г., была важна в том числе в статусном отношении. Когда во время визита генерала в Москву, увенчавшегося подписанием 10 декабря 1944 г. договора о взаимопомощи с СССР, У. Черчилль (через послание И.В. Сталину) выступил с идеей заключения трехстороннего договора (Советский Союз, Великобритания, Франция), реакция Ш. де Голля и Ж. Бидо была резко негативной. В этом предложении Ж. Бидо увидел попытку обеспечить «простое присоединение Франции к англо-советскому договору»¹⁹. Символически это подчеркивало ее «неравновесность» в отношениях с Москвой и Лондоном. М. Дежан сетовал на то, что «неудачная инициатива г-на Черчилля сделала заключение франко-советского договора более затруднительным и даже могла сорвать его»²⁰.

В преддверии визита Ш. де Голля, а также в ходе самих московских переговоров именно французская сторона проявила инициативу в заключении договора с СССР, в котором были предусмотрены максимально жесткие и даже автоматические гарантии на случай агрессии Германии. Как свидетельствуют документы из фонда М. Дежана, дипломат очень внимательно работал над проектом

¹⁷ Bidault à tous les postes, 24 novembre 1944 // DDF. 1944. T. 2. Paris: Imprimerie nationale, 1996. P. 327–328.

¹⁸ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 144–145; Bogomolov à de Gaulle, 14 novembre 1944 // AN. 457 AP. Vol. 82.

¹⁹ Запись беседы Молотова с Бидо, 7 декабря 1944 г. // Советско-французские отношения... С. 187.

²⁰ Dejean à Londres, 15 décembre 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 307.

договора о взаимопомощи (первый проект датирован 23 ноября 1944 г.)²¹. В архивных материалах отложились его многочисленные рукописные правки, уточнения и коррективы²². В качестве образца для нового соглашения он рассматривал не советско-французский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., который был полностью дискредитирован, а военную конвенцию между Российской империей и Францией от 5(17) августа 1892 г.²³

Однако о полной гармонии подходов речи не шло. Как подчеркивал Ж. Бидо в циркулярной телеграмме по итогам переговоров в Москве, «генерал де Голль подчеркнул, что Франция намеревается остаться на Рейне на постоянной основе и рассчитывает на создание международного административного и экономического режима для управления Руром — главным арсеналом рейха»²⁴. Однако И.В. Сталин отметил, что СССР и Франция не могут решать такие вопросы тет-а-тет, что косвенно свидетельствовало о приоритете, который Москва отдавала отношениям в рамках «большой тройки»²⁵. А.Е. Богомолов также подчеркивал, что французская дипломатия не должна использовать договор с СССР «против англичан и американцев, которые являются союзниками русских и в которых русские нуждаются»²⁶.

Позитивный тон телеграммы Ж. Бидо по итогам московских переговоров сглаживал углы в еще одном отношении. Министр иностранных дел подчеркнул близость позиций двух стран в вопросе о недопущении агрессии Германии, а также отсутствие принципиальных разногласий в подходе к международной организации безопасности (будущей ООН). В 1944 г. Париж и Москва сходились в том, что ООН должна закрепить взаимодействие ведущих стран антигитлеровской коалиции с целью не допустить новых агрессивных действий со стороны государств «оси», прежде всего Германии²⁷. Однако вопрос о том, как будут сочетаться советско-французский альянс, напоминавший «старые» союзы образца до 1914 г., и кол-

²¹ DDF. 1944. T. 2. P. 321–322.

²² AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 3–73.

²³ Note de la Direction politique, 23 novembre 1944 // DDF. 1944. Vol. 2. P. 320.

²⁴ De Bidalt, 15 décembre 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 326.

²⁵ Запись беседы Сталина с де Голлем, 2 декабря 1944 г. // Советско-французские отношения... С. 162.

²⁶ Conversation avec Bogomolov, 25 décembre 1944 // AN. 457 AP. Vol. 82.

²⁷ De Bidalt, 15 décembre 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 328.

лективная безопасность, вызывал определенную напряженность. На Кэ д'Орсэ фиксировали обеспокоенность американского общественного мнения по данному вопросу, усугубляемую отсутствием упоминаний о будущей международной организации в тексте советско-французского договора (в отличие, например, от текста договора между СССР и Великобританией от 26 мая 1942 г.)²⁸.

Однако о действительной коллизии двух моделей безопасности речи не шло. В преддверии Сан-Францисской конференции (25 апреля — 26 июня 1945 г.), учредившей ООН, И.В. Сталин заверил посла Франции в СССР генерала Ж. Катру в том, что создание международной организации не ослабит «автоматизм» советско-французского договора и тот может быть гармонично встроен в систему коллективной безопасности²⁹. М. Дежан рассматривал советско-французский и советско-британский договоры о взаимопомощи в качестве основных блоков «огромного здания безопасности и процветания» после окончания войны³⁰. Ж. Бидо в свою очередь продолжал испытывать определенное беспокойство по поводу того, что коллективная безопасность в рамках ООН может снизить эффективность и затруднить реализацию региональных соглашений³¹.

В концепции «трех этажей» безопасности, которую Ш. де Голль изложил во время беседы с И.В. Сталиным 8 декабря 1944 г., первое место было отведено отношениям Франции с СССР, второе — взаимодействию с Великобританией и лишь третье — отношениям с США³². Оценки, которые на протяжении 1943 г. делал французский дипломат Ж. Шовель, возглавлявший подпольное исследовательское бюро в Париже (в период с конца 1942 г. до весны 1944 г. оно занималось вопросами послевоенного внешнеполитического планирования [Europe brisée..., 1994: 133–154]), а также записки Р. Массильи за этот период демонстрировали, что французские эксперты исходили из варианта относительно скорого ухода американских войск из Европы после войны [Hüser, 1996a: 56–57].

²⁸ Note de la Direction d'Amérique pour Bidault, 18 décembre 1944 // DDF. 1944. T. 2. P. 462.

²⁹ Запись беседы Сталина с Катру, 19 марта 1945 г. // Советско-французские отношения... С. 294.

³⁰ Note du 18 décembre 1944 // AMAE. 288 PAAP. Vol. 75. Fol. 333.

³¹ Entretien entre Bidault et Molotov, 1 mai 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

³² Советско-французские отношения... С. 196, 198.

Таким образом, французские проекты послевоенного устройства, сформулированные в 1943–1944 гг., были построены на принципах, отнюдь не все из которых затем были воплощены в реальность. Базовым для Ш. де Голля и его соратников был посыл о восстановлении великодержавного статуса Франции в качестве одной из ведущих держав-победительниц и, что не исключалось, ключевого государства западноевропейского интеграционного объединения (вопрос об участии Великобритании в нем оставался подвешенным). С новыми реалиями в виде советского доминирования в Восточной Европе, вызревавшего уже на завершающем этапе Второй мировой войны, слабо коррелировало стремление французского руководства восстановить свое влияние в странах — бывших «тыловых союзниках». В этом отношении особенно наглядно проявился «гистерезис габитуса» французского внешнеполитического мышления. Если в 1943–1944 гг. в дискуссиях по послевоенным вопросам уже присутствовала атлантистская линия, представленная Ж. Монне и Р. Массильи, то сам Ш. де Голль, а также влиятельные деятели в его окружении (в том числе М. Дежан) делали ставку на приоритет альянса с СССР как с государством, в большей степени, чем США и Великобритания, заинтересованном в недопущении новой агрессии Германии.

Трансформация европейской стратегии и дипломатии Франции в 1945–1947 гг.

Приближавшееся окончание войны оказало разноплановое влияние на французские представления о будущей архитектуре безопасности в Европе. Грядущее поражение Германии придавало всё большую актуальность закреплению внешнеполитических идей на практике. Однако международный контекст для реализации французских тезисов отнюдь не всегда был благоприятным.

Ялтинская конференция «большой тройки», участия в которой безуспешно добивался Ш. де Голль, усилила опасение Кэ д'Орсэ, что Франция будет маргинализована³³. Несколько неуклюжая инициатива Ф. Рузвельта — предложение, адресованное Ш. де Голлю, встретиться в Алжире на американском военном корабле на обратном пути президента из Ялты — лишь усугубила недовольство

³³ Massigli à Bidault, 13 février 1945 // DDF. 1945. T. 1. Paris: Imprimerie nationale, 1998. P. 196.

генерала³⁴. Своего рода ответом Ш. де Голля на неприглашение в Ялту стало радиовыступление 5 февраля 1945 г. В нем он стремился подчеркнуть растущий вклад Франции в войну, а также обозначил контуры послевоенной безопасности. «Прекрасный и хороший альянс с могущественной и доблестной Советской Россией» планировалось дополнить аналогичным соглашением с Великобританией, военнополитическим и экономическим сотрудничеством со странами Бенилюкса, взаимодействием с США в рамках ООН и нормализацией отношений с Италией³⁵.

Решения, принятые в Ялте, пусть и без французского участия — о предоставлении Франции зоны оккупации в Германии, места в будущем Союзном контрольном совете по Германии и статуса одного из организаторов конференции по учреждению ООН (что предварило получение статуса постоянного члена Совета Безопасности), отвечали французским интересам³⁶. В Париже верно считали, что основным проводником французских интересов в Ялте выступила Великобритания³⁷.

Новым фактором развития французских внешнеполитических концепций, однако, стало обострение отношений в антигитлеровской коалиции после конференции «большой тройки» в Ялте. Сведения, поступавшие на Кэ д'Орсэ, не всегда совпадали друг с другом. Ж. Катру сообщал из Москвы о растущем пессимизме, с которым посол США в СССР А. Гарриман смотрел на будущее советско-американских отношений, а также о призывах американского дипломата думать о «группе из Соединенных Штатов, Великобритании и Франции» в качестве противовеса Советскому Союзу³⁸. Информация из Лондона была иной. В апреле 1945 г. Р. Массильи полагал, что американцы не хотят создать в Москве впечатление о складывании западного блока, однако британцы с большей готовностью идут по этому пути³⁹. В окружении Ш. де Голля присутствовал и свой подход. С точки зрения близкого к генералу дипломата Э.Б. де Розьера,

³⁴ Голль де Ш. Военные мемуары. Спасение 1944–1946. М.: АСТ, 2004. С. 102.

³⁵ Allocution de de Gaulle, 5 février 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

³⁶ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 4. М.: Политиздат, 1984. С. 247, 249.

³⁷ Note de la Direction d'Afrique-Levant, 22 mai 1945 // DDF. 1945. Т. 1. P. 672.

³⁸ De Catroux, 30 mars 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

³⁹ Massigli à Bidault, 9 avril 1945 // DDF. 1945. Т. 1. P. 482.

Франция не должна была занимать чью-то сторону в обострившихся отношениях между СССР и Великобританией. Не называя фамилий, дипломат критиковал позицию, близкую Р. Массильи: «Во Франции продолжает существовать прочная иллюзия, что Великобритания готова открыть нам путь для возвращения мощи...». Э.Б. де Розьер призывал рассчитывать прежде всего на «собственную энергию»⁴⁰.

В Париже полагали, что свои риски существуют для Франции как в случае единства «большой тройки», выступающей привилегированным клубом наиболее могущественных держав, так и в случае резкого обострения отношений между ними. Накануне Сан-Францисской конференции присутствовали обе оценки. Сведения о том, что советскую делегацию вопреки изначальным планам не возглавит В.М. Молотов, рассматривались как очередное проявление сложностей в советско-американских отношениях. Из беседы с И.В. Сталиным, состоявшейся 19 марта, Ж. Катру вынес впечатление, что Москва относится к Сан-Францисской конференции как к «прелиминарной» и не хочет ангажироваться⁴¹.

Как ни странно, такая интерпретация отчасти коррелировала с французской точкой зрения. 17 апреля 1945 г., инструктируя французскую делегацию во главе с Ж. Бидо, Ш. де Голль призывал занять выжидательную позицию, но по причинам, отличавшимся от советских: «Франция, временно ослабленная, но с каждым днем наращивающая свою мощь и влияние, заинтересована в том, чтобы никоим образом не торопить ход событий». Он косвенно критиковал СССР, США и отчасти Великобританию, описывая их как «державы, которые к концу настоящего конфликта оказались могущественнее других» и пытаются «как можно скорее “реализовать” свое преимущество»⁴².

Антиколониальный настрой, серьезно разнившийся по внутреннему содержанию, но присутствовавший во внешнеполитических курсах СССР и США, расценивался французской дипломатией в качестве еще одного примера, как будущие «сверхдержавы» пытаются ослабить позиции Парижа⁴³. Перспектива международной опеки (в рамках ООН) над бывшими колониальными территориями стран

⁴⁰ Note de Burin des Rozières pour de Gaulle, 9 juillet 1945 // DDF. 1945. T. 2. Paris: Imprimerie nationale, 2000. P. 53.

⁴¹ De Catroux, 30 mars 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

⁴² Голль де Ш. Указ. соч. С. 563.

⁴³ Note de la Direction d'Afrique-Levant, 22 mai 1945 // DDF. 1945. T. 1. P. 672.

«оси» рассматривалась во Франции как потенциальная угроза и для французских колониальных владений [Pearson, 2020]. Ш. де Голль не поддерживал предоставление мандата на бывшие колониальные территории Италии Советскому Союзу⁴⁴. Несмотря на разноплановые опасения, ход Сан-Францисской конференции оценивался французской дипломатией скорее позитивно, как проявление того, что «позиция Франция начинает получать должное признание»⁴⁵.

Париж стремился обеспечить полноценное участие Франции в работе пятистороннего формата ведущих держав послевоенного мира (СССР, США, Великобритания, Франция, Китай) — в виде как Совета Безопасности ООН, так и Совета министров иностранных дел (СМИД), сформированного на основе решений Потсдамской конференции «большой тройки». Член французской делегации на Сан-Францисской конференции дипломат П.-Э. Наджияр исходил из того, что участие в «группе пяти» обеспечит «наиболее выгодные условия для политического и экономического восстановления Франции», а также для утверждения ее «глобального престижа» [цит. по: Pearson, 2020: 46].

Новое обострение отношений между СССР и странами Запада после окончания Второй мировой войны ставило Францию перед знакомыми дилеммами. Согласно наблюдательному современнику, французскому историку Ж.-Б. Дюрозелю «к моменту освобождения Франции Ш. де Голль был полон стремления реализовать две базовые идеи». Во-первых, восстановить великодержавный статус Франции в качестве центра Французского союза — новой формы колониальной империи; во-вторых, проводить независимый внешнеполитический курс и, как следствие, не примыкать «к одному из формирующихся в мире лагерей — русскому или англосаксонскому» [Duroselle, 1951: 323–324].

«Германский вопрос» оставался для Ш. де Голля ключевым, и от решений по нему во многом и зависела европейская стратегия Франции. Начиная с речи от 25 января 1945 г., генерал неоднократно озвучивал требование отсоединить от Германии левый берег Рейна. В заявлении для британской «The Times» от 10 сентября 1945 г. он сослался на территориальное усечение Германии на востоке, полагая,

⁴⁴ Голль де Ш. Указ. соч. С. 638.

⁴⁵ Memorandum of Conversation between Berard, Bonbright and Despres, 24 May 1945 // Foreign Relations of the United States (FRUS). 1945. Vol. 3. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1968. P. 1230.

что необходимо осуществить схожие меры и на западе. Ш. де Голль выступил за отделение Рейнской области и Рура и установление над ними «стратегического и политического контроля», который будут осуществлять Франция, Великобритания, Бельгия и Нидерланды⁴⁶.

Во второй половине 1945 г. французские и советские дипломаты не исключали того, что в вопросах интернационализации Рура и отделении левого берега Рейна имеется почва для взаимодействия Парижа и Москвы⁴⁷. Как свидетельствовали переговоры Ш. де Голля с президентом Г. Трумэнном и госсекретарем Дж. Бирнсом, состоявшиеся в августе 1945 г. в Вашингтоне, стороны расходились в оценке вероятности новой «германской угрозы»⁴⁸. Ш. де Голль не исключал и некоторых односторонних действий. Под впечатлением от провальной Лондонской сессии СМВД (11 сентября — 2 октября 1945 г.) он был настроен решительно, считая, что страны «большой тройки» солидарны в отказе от французских требований по «германскому вопросу». Председатель Временного правительства Франции инструктировал П. Кёнига активно продвигать «собственную политику в нашей зоне [оккупации] и обеспечить первые конкретные результаты», в том числе ослабить «пруссский или баварский каркас, на котором держалась прошлая администрация»⁴⁹. Применение Парижем права вето в Союзном контрольном совете по Германии в 1945–1946 гг., направленное против создания центральной администрации Германии (французская дипломатия выступала за федерализацию страны или превращение ее в союз государств), а также против ускоренного восстановления немецкой промышленности, вписывалось в самостоятельный курс Парижа. Последний, однако, всё больше вступал в конфликт с позициями США и Великобритании [Обичкина, 2012: 31].

Согласно оценке Ж.-А. Суту до 1947 г. или даже до 1948 г. «большинство дипломатов и политических деятелей» Франции «всё еще воспринимали Германию как проблему № 1, а СССР — как потенциального союзника против Германии» [Soutou, 1998: 274]. Однако это

⁴⁶ General de Gaulle on need of common policy // *The Times*. 10 September, 1945. P. 2.

⁴⁷ Bidault à Bonnet, 4 juillet 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 27; Записка Майского Молотову, 29 ноября 1945 г. // Советско-британские отношения в 1943–1953 гг.: Документы и материалы. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 331.

⁴⁸ Голль де Ш. Указ. соч. С. 616–620.

⁴⁹ De Gaulle à Koenig, 29 octobre 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 679–681.

не означало, что симптомы более раннего восприятия «советской угрозы» отсутствовали [Creswell, Trachtenberg, 2003].

Такие проявления были заметны уже летом 1945 г. Один из «конфиденциальных агентов» МИД Франции — вхожий в иностранные посольства журналист Л. Неманофф («Нак») — оценивал советские требования по Черноморским проливам как попытку получить над ними фактический контроль⁵⁰. В записке Кэ д'Орсэ от 17 августа говорилось не только о плотном контроле СССР над востоком Европы, но и о «двух копьях» советской стратегии, направленных в район Балтийского моря и Датских проливов на севере, на Балканы, Черное море и Средиземноморье на юге [Soutou, 1998: 277]. Схожие опасения были характерны для части французских военных. В записке от 17 августа губернатор Рейнской области и Гессен-Нассау, французский генерал П. Бийот с тревогой информировал Ш. де Голля о быстрых темпах демобилизации вооруженных сил (ВС) США при сохранении численности Красной армии [Soutou, 2008: 179], хотя посол в США А. Бонне через год смотрел на ситуацию с меньшим алармизмом⁵¹.

В 1946 г. в условиях нарастания напряженности в рамках «большой тройки», а также отставки Ш. де Голля были симптомы того, что в Париже размышляют о перестройке внешнеполитического курса на взаимосвязанных направлениях — как германском, так и советском. Переписка генерального секретаря Кэ д'Орсэ Ж. Шовеля (занимал пост в 1946–1949 гг.) с Р. Массильи в июле 1946 г. демонстрировала, что оба дипломата склонялись к следующей точке зрения: СССР стремится к объединению Германии с целью установить свой контроль над всей страной [Soutou, 1998: 279]. В дальнейшем эта мысль прочно вошла в концептуальный арсенал МИД Франции⁵².

Более вероятным, однако, был другой сценарий — раздел Германии. Такое развитие событий, как отмечал Ж. Шовель 11 июня 1946 г. во время беседы с послом США Дж. Кэффри, приведет к тому, что французская линия в «германском вопросе» сблизится с англо-американской [Creswell, Trachtenberg, 2003: 10]. В августе 1946 г. Дж. Кэффри получил дополнительные сведения из окружения Ж. Бидо о том,

⁵⁰ Note de Nac, 3 juillet 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 20.

⁵¹ Bonnet à Bidault, 5 septembre 1946 // DDF. 1946. T. 2. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. P. 345–348.

⁵² Massigli à Parodi, 4 avril 1949 // DDF. 1949. T. 1. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2014. P. 573.

что министр был готов пересмотреть прошлую голлистскую линию в «германском вопросе» и не отказывался от нее преимущественно по электоральным причинам, опасаясь быть подвергнутым критике со стороны голлистов и ФКП⁵³.

Готовность Парижа сблизить свою внешнеполитическую позицию с Вашингтоном была неразрывно связана с растущей значимостью американских займов для Франции. В августе 1945 г., накануне вашингтонского визита Ш. де Голля, Э. Альфан размышлял о тяжелом финансовом положении страны и стоявших перед ней проблемах послевоенной реконструкции. Его вывод заключался в том, что переговоры с США по получению кредитов «жизненно необходимы для быстрого восстановления нашей экономики»⁵⁴. Получение займа было основной целью и другого важного визита в США в мае 1946 г. французской делегацией во главе с Л. Блюмом (фактически ей руководил Ж. Монне). За счет различного рода уступок (одной из самых обсуждаемых в СМИ был расширенный доступ американских фильмов на французский киноэкран) Л. Блюм и Ж. Монне добились кредита в 720 млн долл. (вместо 4 млрд долл., на которые рассчитывали) [Margairaz, 1982].

Говоря о постепенном отходе Парижа от жесткой позиции в отношении Германии, важно учитывать еще один момент. Нельзя исключать, что даже в первые послевоенные годы во французском педалировании «германской угрозы» присутствовал элемент манипулирования — того, что немецкий историк Д. Хюзер назвал «двойной немецкой политикой» Парижа: «максималистские предложения, в которые больше не верили», служили прикрытием для получения более ограниченных, но реальных уступок от США и Великобритании [Hüser, 1996a: 58].

В сентябре 1945 г. Ж. Бидо говорил в своем окружении о «германской угрозе» как об «удобном мифе» [цит. по: Creswell, Trachtenberg, 2003: 13]. Акцент на возможности такой угрозы обеспечивал более выгодные позиции в послевоенных отношениях с «соседом по Рейну», а также с США и Великобританией. Всё же, как отмечал американский историк И. Уолл, французы, используя различные средства и прибегая к дипломатической двуличности, «были искренними в своих

⁵³ Caffery to Byrnes, 30 August 1946 // FRUS. 1946. Vol. 5. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1969. P. 596.

⁵⁴ Note de Alphant, 11 août 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 262.

озлобленных попытках замедлить восстановление Германии в 1946–1949 гг. и заблокировать ее перевооружение в 1950 г.» [Wall, 2008: 124].

С точки зрения автора, в обозначенных выше наблюдениях Д. Хюзера и И. Уолла нет прямого антагонизма. Стремление резко ослабить Германию, характерное для французских проектов 1943–1945 гг., не было наигранным и соответствовало давним «инстинктам» французской дипломатии, а также осмыслению уроков мировых войн. В этом смысле представляется возможным говорить о «гистерезисе габитуса» французской стратегии и внешней политики в «германском вопросе». Однако, натолкнувшись на невозможность реализации изначального замысла и подстраиваясь под меняющиеся международные реалии, прежде всего рост противоречий между СССР и США и постепенное складывание западного блока, Париж трансформировал свои концепции по взаимосвязанному комплексу вопросов. Ставка на максимальное ослабление Германии сменилась попыткой выгоднее «продать» свою прошлую позицию в отношениях с США и Великобританией, на политику солидарности с которыми теперь был сделан акцент. Иными словами, начался процесс трансформации внешнеполитического «габитуса» с опорой на те из его элементов, которые существовали и ранее (концепции Ж. Монне и Р. Массильи). В 1945–1947 гг. французская дипломатия всё стремительнее отходила от былых идей о сближении СССР и от выполнения функции моста между Советским Союзом и западными державами, а французские военные всё настойчивее делали акцент на «советской угрозе». Налицо была и растущая финансовая зависимость Франции от американских кредитов, также стимулировавшая осуществление политики «западной солидарности».

Логика холодной войны и ее рецепция французской дипломатией (1947–1949)

Полноценное разворачивание холодной войны объективно сужало опции европейской политики Парижа. Согласно оценке французского политолога Р. Арона Ш. де Голль «не видел или не хотел видеть Европу такой, какой она вышла из бури, разделенной на две зоны противостоящих политических цивилизаций, а затем — на два военных блока; он почти всегда бранил блоковую политику, подобно тому, как это охотно делали советские представители». Однако, по мнению Р. Арона, даже Ш. де Голль (при гипотетическом сценарии

его дальнейшего пребывания у власти) «не смог бы до бесконечности возражать против образования Боннской республики», т.е. ФРГ⁵⁵.

Московская сессия СМВД (10 марта — 24 апреля 1947 г.), наглядно продемонстрировавшая глубинные противоречия стран «большой тройки» по «германскому вопросу», а также стимулировавшая выдвигание Вашингтоном плана Маршалла, стала одним из водоразделов для европейской политики Франции [Barièty, 1994: 31]. Выступая 1 марта 1949 г. на заседании Совета Республики (верхняя палата Парламента Франции), Р. Шуман конструировал собственную хронологию холодной войны: «Восточный блок сформировался в 1947 г., после Московского провала⁵⁶ и до создания западного блока»⁵⁷.

Для характеристики менявшегося настроения Кэ д'Орсэ примечательно сравнение того, как французские дипломаты реагировали на две знаковые речи — У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г. и Г. Трумэна в Конгрессе США 12 марта 1947 г. Р. Массильи полагал, что элемент алармизма и драматизации, внесенный У. Черчиллем, был излишним и усугубил международную напряженность [Soutou, 1998: 278]. Реакция Ж. Шовеля на «доктрину Трумэна» была совсем другой. Генеральный секретарь Кэ д'Орсэ воспринял ее как сигнал решимости США противостоять СССР и стимул для подключения Франции к консенсусу западных держав [Soutou, 1998: 278]. Схожие настроения были характерны для Ж. Бидо накануне Московской сессии СМВД. В начале февраля 1947 г. он говорил Дж. Кэффри о разочаровании в прошлой голлистской политике и признавал, что «наша мечта о восстановлении могущества и славы в настоящее время кажется далекой от реальности» [цит. по: Hitchcock, 1998: 72].

Посол А. Бонне в телеграмме, отправленной из Вашингтона в Париж 18 апреля 1947 г., т.е. почти за два месяца до известной речи госсекретаря Дж. Маршалла от 5 июня, предупреждал Кэ д'Орсэ о разработке американской программы помощи Европе. А. Бонне рекомендовал подумать о «французских предложениях, нацеленных на интеграцию Германии в европейскую экономику», что позитивно

⁵⁵ Арон Р. Мемуары: 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. С. 253–254.

⁵⁶ Т.е. по итогам неудачной Московской сессии СМВД, выявившей фундаментальные противоречия между СССР и западными державами, прежде всего по «германскому вопросу».

⁵⁷ Цит. по: Chambrun de G. Y a-t-il une alternative à la politique étrangère de la France? // Politique étrangère. 1949. Vol. 14. No. 4. P. 351.

будет расценено в Вашингтоне⁵⁸. Одним из результатов таких размышлений стал меморандум главы экономического управления МИД Франции Э. Альфана от 28 мая 1947 г. Дипломат полагал, что программа американской помощи будет напоминать ленд-лиз военного периода, а управлением ею займется орган, созданный на основе Европейской экономической комиссии ООН с участием США, СССР и Великобритании. С точки зрения Э. Альфана, Париж мог использовать американскую программу в целях экономической интеграции стран не только Западной, но также Центральной и Восточной Европы (без СССР и Великобритании) [Bossuat, 1999: 284–285].

Эти размышления имели отдельные точки пересечения с первой реакцией МИД СССР на план Маршалла (использование модели ленд-лиза, опора на органы ООН), хотя интеграционный проект в предложенном Э. Альфаном виде не встретил бы понимания в Москве⁵⁹. О сохранении «посреднических инстинктов» французской дипломатии говорили и другие инициативы. Отметим две из них. Во-первых, выдвижение Ж. Бидо компромиссных предложений по обсуждавшемуся на Парижской сессии СМВД (15 июня — 12 июля 1946 г.) вопросу об итало-югославском разграничении в районе Триеста («французская линия» разграничения; в итоге она была принята советской делегацией)⁶⁰. Во-вторых, попытки Ж. Бидо в июне 1947 г. хотя бы отчасти смягчить настрой министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина накануне трехсторонних переговоров в Париже с В.М. Молотовым (переговоры закончились неудачей и стали прологом советского отказа от плана Маршалла)⁶¹.

Объем помощи (субсидий и кредитов), предоставленной Франции в рамках плана Маршалла (в строгом смысле слова), составил в 1948–1951 г. 2,5 млрд долл. В целом же в период с декабря 1945 г. по июнь 1955 г. страна получила от США по различным гражданским и военным программам содействие на сумму 7,8 млрд долл. [Bossuat,

⁵⁸ DDF. 1947. Т. 1. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2007. P. 678–680.

⁵⁹ Директивы советской делегации на совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и Франции в Париже, 21 июня 1947 г. // Советско-британские отношения... С. 524–526.

⁶⁰ Из телеграммы Молотова Сталину, 13 декабря 1946 г. // Советско-британские отношения... С. 467.

⁶¹ Cabinet Paper (47) 188, Memorandum by Bevin, 23 June 1947 // The National Archives of Great Britain, Cabinet Office 129/19. Fol. 225.

1986: 19–20]. Для сравнения: ВВП Франции в 1948 г. оценивался в 17 млрд долл. [Histoire de France..., 1996: 123]. Как итог, Франция стала вторым (после Великобритании) бенефициаром плана Маршалла, получив «20% всей помощи, предоставленной США Европе, — вдвое больше того, что было дано Германии» [Обичкина, 2012: 38].

Ж. Монне и Р. Массильи находились в авангарде процесса по пересмотру европейской стратегии Франции. В июле–августе 1947 г. они убеждали Ж. Бидо в том, что время для французских попыток выступить арбитром между Востоком и Западом прошло. Их общий посыл состоял в необходимости присоединиться к базовой англо-американской позиции по восстановлению Западной Германии и пытаться влиять на эту позицию не «извне» (противопоставляя собственную точку зрения), а «изнутри». Как писал Р. Массильи в одном из личных писем Ж. Бидо: «Мы не сможем остановить англосаксов в их стремлении к промышленному восстановлению Рура». При сохранении независимой точки зрения «мы просто не сможем эффективно влиять на эти планы» [цит. по: Hitchcock, 1998: 80]. Исключение в мае 1947 г. членов ФКП из состава правительства «трехпартийной коалиции», находившегося у власти с 1944 г., снимало ключевую внутривнутриполитическую тормоз для реализации политики атлантической солидарности.

Знаковый, хотя и мало замеченный современниками характер имела речь Ж. Бидо в Национальном собрании (нижней палате Парламента Франции) 13 февраля 1948 г.: «Впервые министр иностранных дел Франции посвятил целую речь теме Европы» [Bézias, 2005: 118]. Более того, он намекнул на желательность не придания европейскому проекту антигерманского характера, а, напротив, включения Германии (фактически — Западной Германии) в его рамки. Речь стала прологом более известного выступления Ж. Бидо на встрече министров иностранных дел стран — участниц Брюссельского пакта 19 июля 1948 г., которая рассматривается в качестве одной из концептуальных основ для создания в мае 1949 г. Совета Европы [Bézias, 2005: 121]⁶².

На протяжении 1948 г. европейский вариант решения «германского вопроса» постепенно становился базовым для Парижа.

⁶² Речь от 13 февраля 1948 г. см. в: Journal officiel de la République française. 1948. 13 février. P. 741–747. Речь от 19 июля 1948 г. см. в: DDF. 1948. T. 2. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2013. P. 109–111.

Р. Шуман заявил 31 августа: «...мы будем проводить такую политику в отношении соседа на востоке, которая, обеспечивая гарантии нашей безопасности, позволит ему развиваться на демократических началах и стать частью европейской структуры...» [цит. по: Duroselle, 1952: 514]. В записке от 5 сентября 1948 г., отправленной в МИД Франции, политический советник при генерале П. Кёниге Ж. Тарбе де Сент-Ардуен подчеркнул, что «закрепление европейского характера французской политики» является базой для «защиты наших фундаментальных интересов»: «Лишь представ страной, которая желает заложить основы для свободного европейского сообщества, мы сможем направить и ограничить развитие германского национализма. Немецкие националисты пытаются использовать советско-американскую вражду, дабы ликвидировать самые серьезные последствия их поражения [в войне]» [цит. по: Hitchcock, 1998: 102]. К апрелю 1949 г. такие опасения французских дипломатов лишь укрепились, а консул в Мюнхене Л. Келлер даже рисовал фантастический образ потенциального союза между немецкими националистами и СССР в случае войны и оккупации всей Германии Красной армией⁶³.

Как свидетельствовали приведенные оценки Ж. Тарбе де Сент-Ардуена, французскую дипломатию крайне настораживал вариант, при котором США сделают ставку на перевооружение ФРГ. Однако ряд французских дипломатов понимали и другое: превращение их страны в сателлита США и Великобритании приведет к тому, что власти Западной Германии не будут считаться с Францией, решая интересующие их вопросы напрямую с США и/или СССР⁶⁴. Таким образом, линия Ж. Бидо на встраивание в консенсус западных держав во главе с США вызывала определенные нарекания, хотя они и не привели к ее пересмотру.

Лондонская конференция (23 февраля — 6 марта, 20 апреля — 1 июня 1948 г.), собравшая представителей шести западных государств (США, Великобритании, Франции, стран Бенилюкса), зафиксировала отход французской дипломатии от ряда былых требований по «германскому вопросу». Ж. Бидо пошел на уступки англо-американцам, санкционировав формирование западногер-

⁶³ Keller à Tarbé de Saint-Hardouin, 22 avril 1949 // DDF. 1949. T. 1. P. 623–624.

⁶⁴ Note de la Direction d'Europe, 19 mai 1948 // DDF. 1948. T. 1. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2011. P. 780.

манского временного правительства, что фактически открывало путь к будущему созданию ФРГ. Параллельно принятые решения о формировании международного органа контроля над Руром и органа военной безопасности, которые были призваны следить за уровнем производства германской металлургии и угольной промышленности, отнюдь не всеми в Париже рассматривались как прочные гарантии безопасности [Hitchcock, 1997: 607–608]. В продолжение этой политики французская оккупационная зона в августе 1948 г. была присоединена к англо-американской Бизонии.

На заседаниях правительства 21 апреля и 5 мая 1948 г. Ж. Бидо стремился убедить коллег в том, что полученные им уступки являются максимумом, на который можно рассчитывать. С точки зрения министра, Франция должна была последовать за США и Великобританией, рискуя оказаться в изоляции и потерять хоть какую-то возможность влиять на позицию Вашингтона и Лондона⁶⁵. Как свидетельствовал неподписанный меморандум МИД Франции середины октября 1948 г., т.е. после смены министра на Р. Шумана, имелось ощущение «коллапса наших позиций в Германии». Восстановление Западной Германии становилось, согласно тому же документу, «главной американской заботой» [цит. по: Hitchcock, 1998: 104]⁶⁶. В начале 1950-х годов Ж.-Б. Дюрозель продолжал характеризовать итоги германской политики Ж. Бидо как «полупровал» и фиксировал сохранявшиеся в Париже опасения, что ФРГ заменит Францию в качестве «главного континентального союзника» США [Duroselle, 1952: 510, 513].

С точки зрения автора, данные опасения были несколько преувеличены. Вместе с тем они фиксировали фрустрацию французской дипломатии в связи с вынужденным отказом от жесткой позиции по «германскому вопросу» (пусть последняя и эволюционировала с конца 1945 г.). Отказавшись от прошлых амбициозных планов, Париж столкнулся с проблемой трансформации внешнеполитического «габитуса», иными словами, с необходимостью встроиться в «западный консенсус», не превратившись при этом в сателлита англосаксонских держав и не уступив ФРГ места ключевого союзника США в Европе. В 1948–1949 гг. всё более явно формировался

⁶⁵ Auriol V. *Journal du Septennat (1947–1954)*. Vol. 2. Paris: Armand Colin, 1974. P. 190–192, 213–215.

⁶⁶ Неподписанный меморандум середины октября 1948 г. см. в: AMAE. *Série Y-Internationale (1944–1949)* (76 CPCOM). Vol. 313.

и один из базовых ответов французской дипломатии на указанные вызовы — ставка на западноевропейскую интеграцию. Данный процесс, который Париж надеялся возглавить и направлять, был призван дать Франции дополнительные гарантии против возобновления германской агрессии, а также увеличить региональный и международный вес страны.

Место Франции в послевоенной системе международной и региональной безопасности

Трансформации в германской политике Парижа были самым тесным образом увязаны с тем, как эволюционировали французские представления о «советской угрозе» и на какие механизмы выстраивания европейской безопасности делалась ставка.

Уже осенью 1945 г. наблюдались симптомы того, что концепция «трех этажей» безопасности, а также советско-французский договор становятся для руководства Франции всё менее релевантными. К 20-м числам октября в Генштабе французских ВС имелись предварительные разработки по заключению военного договора между Францией, США и Великобританией, а также проекты по созданию системы объединенного командования силами в Западной Европе с привлечением 450 тыс. американских солдат [Soutou, 2008: 179]. Ожидание ухода войск США из Европы сменилось идеей опереться на американские контингенты. На смену восприятию СССР как ключевого союзника на случай противостояния с Германией приходило педалирование «советской угрозы».

Растущая нерелевантность советско-французского договора требовала, с точки зрения Парижа, заключения альянсов с Великобританией и США. 27 апреля 1945 г., обсуждая с британским послом А. Дафф-Купером перспективу договора о взаимопомощи с Лондоном, Ш. де Голль сделал акцент на том, что такой шаг требует предварительного согласования внешнеполитических курсов: «...нам необходимо договориться о вопросах, которые нас разъединяют. Только после этого станет возможным заключение желаемого союза»⁶⁷. Отставка Ш. де Голля и постепенный отход Парижа от былой линии по «германскому вопросу» способствовали сближению с Великобританией. Оно выразилось в заключении Дюнкеркского

⁶⁷ Голль де Ш. Указ. соч. С. 564.

договора о взаимопомощи 4 марта 1947 г., всё еще подразумевавшего Германию ключевым противником⁶⁸.

Ни в Лондоне, ни в Париже не питали иллюзий по поводу собственно военного, а не политико-дипломатического значения этого соглашения. Глава Генштаба французской армии генерал Ж. Ревер, предпринявший секретную поездку в Великобританию в конце января 1948 г., пришел к выводу, что никакие военные соглашения между двумя странами не имеют смысла без получения ими американских гарантий безопасности [Bossuat, 1990: 6]. Прологом для таких гарантий, направленных уже больше не против Германии, а против Советского Союза, стал Брюссельский пакт, заключенный 17 марта 1948 г. и сформировавший Западный союз в составе Великобритании, Франции и стран Бенилюкса⁶⁹.

Информированные французские современники, как, например, вашингтонский корреспондент газеты «Le Monde» М. Ферро, признавали, что государства, заключившие Брюссельский пакт, не верили в его действенность с военной точки зрения. Скорее они намеревались показать США, что «морально готовы к отражению любого вида агрессии»⁷⁰. Аналогичными были и закрытые (секретные) оценки МИД Франции⁷¹. Брюссельский договор 1948 г. оставался «бумажным пактом» — эта характеристика, с точки зрения М. Ферро, была вполне применима и к НАТО в первые годы существования альянса⁷².

Введение советской сухопутной блокады Западного Берлина 24 июня 1948 г. — своего рода ответ Москвы на план Маршалла и ускорение процесса по формированию ФРГ — запустило первый Берлинский кризис. Его воздействие на французскую стратегию

⁶⁸ Treaty of Alliance and Mutual Assistance. Signed at Dunkirk, on 4 March 1947 // Treaty series: Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 9: 1947. New York: United Nations, 1947. P. 187–195. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%209/v9.pdf> (accessed: 05.03.2025).

⁶⁹ Treaty for collaboration in economic, social and cultural matters and for collective self-defence. Signed at Brussels, on 17 March 1948 // Treaty series: Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 19: 1948. New York: United Nations, 1948. P. 51–63. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%2019/v19.pdf> (accessed: 05.03.2025).

⁷⁰ Ferro M. France today // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1952. Vol. 282. No. 1. P. 43.

⁷¹ Note du Secrétariat général pour Schuman, 4 septembre 1948 // DDF. 1948. P. 341.

⁷² Ferro M. Op. cit. P. 43.

не было однозначным. С одной стороны, первый крупный кризис холодной войны в Европе усилил солидарность западных стран и активизировал процесс по созданию НАТО. Официальные переговоры по данному вопросу стартовали в Вашингтоне 6 июля 1948 г., при этом Франция оказалась исключена из более ранней стадии обсуждения (22 марта — 1 апреля), проходившей в трехстороннем формате (США, Великобритания, Канада). С другой стороны, Париж стремился сохранить некоторую специфику собственной позиции и обеспечить максимальную защиту своих интересов в рамках формировавшегося альянса.

В условиях Берлинского кризиса французское восприятие «советской угрозы» обострилось, активизировались разработки на случай войны против СССР. Один из примеров — депеша посла Франции в СССР И. Шатеньо от 20 ноября 1948 г. Посол размышлял о военном потенциале и стратегии Советского Союза, а также наметил варианты противодействия Москве. С его точки зрения, южный фланг СССР (от Кавказа и Закавказья до Центральной Азии), где находились важные источники сырья и производственные мощности, был наиболее уязвим для англо-американских стратегических бомбардировок. Эти действия планировалось дополнить мерами политической и психологической войны, направленными на советских граждан-мусульман с целью ослабить их лояльность центральной власти⁷³. В период Берлинского кризиса И. Шатеньо плотно взаимодействовал с послами США и Великобритании в Москве, предпринимая совместные демарши перед И.В. Сталиным и МИД СССР⁷⁴.

Однако события Берлинского кризиса, упрочив солидарность Франции с англо-американцами, выявили определенные расхождения в позициях западных стран. Уже 24 июня 1948 г. на страницах дневника президент Франции В. Ориоль (партия СФИО) дал волю своему недовольству в отношении непримиримой позиции, которую заняли в «берлинском вопросе» США. Он полагал, что не стоило прерывать переговоры в Союзном контрольном совете по Германии, и опасался того, что официальная позиция Москвы по созданию единого германского государства приведет к тому, что симпатии немцев окажутся на стороне Советского Союза: «Мы толкаем Гер-

⁷³ DDF. 1948. Т. 2. Р. 797–806.

⁷⁴ Запись беседы Сталина со Смитом, Робертсом и Шатеньо, 2 августа 1948 г. // Советско-американские отношения, 1945–1948. М.: МФД, 2004. С. 600–611.

манию в сторону СССР», — полагал В. Ориоль⁷⁵. Схожими были оценки Ж. Бидо за несколько дней до начала Берлинского кризиса⁷⁶.

Мысль о том, что действия американцев радикальны и могут привести к столкновению с СССР при невыгодном для западных стран соотношении сил в Европе, была характерна даже для Р. Массильи и Ж. Шовеля, которые ранее акцентировали «советскую угрозу» [Sou-tou, 1998: 282]. Вместе с тем французскую дипломатию настораживала и противоположная опция — возможная советско-американская договоренность тет-а-тет по разрешению кризиса, которая поставит европейцев перед свершившимся фактом [Buffet, 1991: 129–140]. Важным обстоятельством, усиливавшим французский алармизм, было то, что в первые месяцы кризиса (до августа 1948 г.) многие деятели в Париже — от Ж. Бидо до главы политического управления МИД Франции М. Кув де Мюрвиля и французских военных — не верили в эффективность «воздушного моста», по которому осуществлялось снабжение Западного Берлина [Наринский, 2011: 167; Variété, 1994: 35, 37].

Специфика французской позиции сказывалась также в период основных переговоров по созданию НАТО в июле 1948 г. — марте 1949 г. Изначальный замысел Ж. Бидо, сформировавшийся к марту 1948 г., состоял в попытке получить американские гарантии для стран Брюссельского пакта. Среди прочего такой формат обеспечивал лидерство трех стран — США, Великобритании, Франции. Предполагаемую военно-политическую конструкцию планировалось дополнить пактами преимущественно дипломатического (а не военного) характера, в том числе Средиземноморским пактом (с дополнительным участием Италии, Турции и Греции) [Bézias, 2005: 117–118].

Однако ход переговоров в Вашингтоне летом 1948 г. продемонстрировал французским дипломатам, что американская сторона не пойдет на такой вариант: «...Брюссельский пакт был слишком узкой и слишком европейской рамкой, чтобы США присоединились к нему...»⁷⁷. Более того, за основу будущей НАТО американская сторона рассчитывала взять не Брюссельский пакт, предполагавший де-юре твердые обязательства, а менее обязывающие формулировки «пакта Рио» — Межамериканского договора о взаимопомощи от

⁷⁵ Auriol V. Op. cit. P. 282–283.

⁷⁶ Bidault à Massigli, 5 juin 1948 // DDF. 1948. T. 1. P. 862–863.

⁷⁷ Note du Secrétariat général pour Schuman, 4 septembre 1948 // DDF. 1948. T. 2. P. 341.

2 сентября 1947 г. Эта позиция не устраивала Париж, настаивавший на максимально жестких формулировках Североатлантического пакта⁷⁸.

Французская точка зрения на переговорах по созданию НАТО наследовала ряду идей, сформулированных ранее французской дипломатией. Сохранялась официальная интенция не превращаться в сателлита США, что отразилось в тезисе о формировании в структуре альянса своеобразного директората — трехстороннего Комитета обороны в составе представителей от США, Великобритании и Франции. Посол А. Бонне сообщил об этом американцам 3 января 1949 г., однако добиться полноценной реализации этого проекта так и не удалось [Фалалеев, 2019: 119]. Нельзя исключать и того, что в этом предложении просматривалась не столько претензия на реальное равенство прав с США, сколько желание «быть первой державой в Западной Европе наравне с Великобританией» [Ratti, 2014: 367] и не допустить привилегированного диалога «на двоих» между Вашингтоном и Лондоном. Уже существовавшие идеи о Средиземноморском пакте отразились в стремлении французской дипломатии насколько возможно расширить сферу ответственности НАТО в Средиземноморье, что среди прочего было важно для позиций Франции в Алжире. Эта интенция проявилась в том, что Париж благожелательно отнесся к вступлению в НАТО Италии (консенсуса по этому вопросу во время Вашингтонских переговоров не было)⁷⁹.

Еще до учреждения НАТО стали заметны некоторые симптомы будущих противоречий стран-участниц. Французские дипломаты и военные настаивали на том, что укрепление военной мощи европейских членов альянса не может быть реализовано без американской помощи [La puissance française en question..., 1988: 318]. Однако в Вашингтоне подчеркивали, что такая помощь может быть предоставлена только в том случае, если сами европейские страны, в том числе Франция, приложат усилия в этом направлении и будут координировать свои действия⁸⁰. Стороны спорили о том, какую часть «бремени» безопасности переложить друг на друга.

Таким образом, участие Франции в западных военно-политических блоках — Западном союзе и НАТО — стало практическим выражением той концептуальной перестройки внешнеполитическо-

⁷⁸ Ibid. P. 343.

⁷⁹ Ibid. P. 344.

⁸⁰ Note de Alphanand pour Auriol, 26 février 1949 // DDF. 1949. T. 1. P. 341.

го «габитуса», которая особенно активно шла с 1947 г. Нарастание французских опасений по поводу «советской угрозы» сочеталось с осознанием ограниченности собственных средств по противодействию СССР. Зависимость Парижа от американских гарантий безопасности, как и от финансовой помощи, была особенно заметна.

Уже на этапе формирования НАТО можно было наблюдать немаловажное противоречие. Стремление французского руководства сохранить внешнеполитическую самостоятельность и не превращаться в сателлита Вашингтона вступало в конфликт с потребностями Четвертой республики в военно-политических гарантиях, военно-технической помощи и кредитах от США. Поиск баланса между этими компонентами внешнеполитического «габитуса» Франции периода холодной войны оставался трудной задачей для Парижа и в дальнейшем.

**Тень величия: «старое» и «новое»
в восприятии международного статуса Франции
ее государственными деятелями и дипломатами**

Идея «величия» Франции, прочно ассоциируемая с Ш. де Голлем, имела весьма широкое распространение во французских дипломатических и военных кругах. Унизительный опыт поражения в 1940 г. усиливал стремление восстановить великодержавный статус страны.

Как подчеркивал М. Дежан в записке от 1 декабря 1944 г., для Франции проблема безопасности в значительной степени сводилась к двум вопросам: «быстрое восстановление вооруженных сил» и «ликвидация германской угрозы»⁸¹. С наращиванием военной мощи наблюдались определенные сложности. В декабре 1944 г. на переговорах с советскими визави в Москве начальник Генштаба французской армии генерал А. Жуэн сообщил о наличии в Европе восьми французских дивизий. По меркам Второй мировой войны это было очень скромным числом (к тому же эти дивизии были вооружены прежде всего американцами) [Магадеев, 2020: 344]. К концу войны французские вооруженные силы насчитывали около 1,2 млн человек, что свидетельствовало об их численном росте. Всё же эта цифра значительно уступала аналогичному показателю даже слабейшей в составе «большой тройки» Великобритании (около 5 млн человек) [Milward, 1979: 216]. Ш. де Голль и Ж. Бидо, болезненно от-

⁸¹ АМАЕ. 288 ПААР. Vol. 75. Fol. 220. См. также: DDF. 1944. Т. 2. Р. 343.

носившиеся к любым намекам на меньший вклад Франции в победу, внимательно реагировали на позитивные упоминания о возрастающей мощи их страны. Так, Ж. Бидо, как видно из документов его личного фонда, подчеркнул соответствующие пассажи советской прессы, которые Р. Гарро привел в послании от 24 октября 1944 г. из Москвы⁸².

Для французского руководства было очевидно, что укрепление ВС невозможно без восстановления и увеличения экономической мощи. Ж. Монне особенно внимательно относился к увязке между этими компонентами [Europe brisée..., 1994: 202]. В записке от 24 августа 1945 г., составленной в период американского визита Ш. де Голля и переговоров по выделению Франции кредита, Ж. Монне отметил: «На будущее нам необходимы дополнительные займы, которые позволят приобрести оборудование в Соединенных Штатах для модернизации нашей промышленности. Так Франция сможет стать первой индустриальной державой Западной Европы» [цит. по: Margairaz, 1982: 439–440].

В этой мысли заметны два компонента, которые были характерны для логики Ж. Монне и его сподвижников. С одной стороны, они подчеркивали необходимость внешнего (прежде всего американского) содействия для восстановления и расширения французских производственных мощностей. Это неизбежно предполагало усиление влияния США на внешнюю политику и внутривнутриполитическую жизнь Франции. С другой стороны, Ж. Монне был нацелен использовать «внешний фактор» для укрепления французских позиций, что в перспективе должно было обеспечить Франции большую самостоятельность. Ж. Бидо был солидарен с ним в этом вопросе, отмечая в циркулярной телеграмме французским послам от 27 июня 1945 г., что Париж нацелен сделать Францию производителем стали № 1 в Европе [Hüser, 1996a: 63]. В отличие от ситуации после Первой мировой войны, в Париже не возлагали масштабных надежд на немецкие репарации [Margairaz, 1982: 447; Hüser, 1996a: 63], хотя Ш. де Голль подчеркивал их роль (например, в обеспечении Франции дефицитным углем)⁸³.

План Монне — французский план восстановления национальной экономики, утвержденный в январе 1947 г., — и план Маршалла были

⁸² AN. 457 AP. Vol. 82.

⁸³ Голль де Ш. Указ. соч. С. 617.

неразрывно связаны друг с другом, являясь «двумя сторонами одной монеты» (не говоря уже об определенной роли Ж. Монне в лоббировании тех идей, которые в итоге были озвучены Дж. Маршаллом) [Margairaz, 1982; Ciarpi, 2023]. Как отметил в записке от 30 июля 1948 г. советник Э. Альфана О. Вормсер, Франция могла воспользоваться планом Маршалла с целью «предпринять долгосрочные шаги по наращиванию и модернизации своего промышленного производства, обновлению технических фондов» [цит. по: Bossuat, 1986: 20]. Амбициозность целей соседствовала с осознанием ограниченности ресурсов. На Кэ д'Орсэ, как свидетельствовал неподписанный меморандум середины октября 1948 г., понимали, что Франции «трудно на равных конкурировать с Германией в экономическом отношении. Она уже производит столько же стали, как и мы, а в будущем будет производить больше...» [цит. по: Hitchcock, 1998: 104].

Страх перед экономическим потенциалом ФРГ соседствовал с опасением советской военной мощи. На заседании 27 ноября 1948 г. Комитет национальной обороны (узкий состав французского правительства во главе с президентом) в качестве первой цели ВС страны определил следующее: «Обеспечить вместе с союзниками прикрытие линии по Рейну» [цит. по: *La puissance française en question...*, 1988: 329]. Однако у самих французских военных существовали большие сомнения, что французские ВС смогут реализовать такие задачи. Хотя численность армии на 31 декабря 1947 г. казалась весьма внушительной (708 500 человек), стоит учитывать серьезную долю призывников (289 200 человек), а также отвлечение весомой части ВС (161 800 человек) на неевропейские нужды⁸⁴.

Согласно оценке Генштаба ВС Франции от 1 сентября 1947 г. первая фаза войны в Европе в условиях конвенционального превосходства Красной армии неизбежно состояла бы из отступления и выигрыша времени для последующего перехода в контрнаступление. Как свидетельствовала стенограмма заседания военного комитета от 16 апреля 1948 г., входившие в него начальники штабов видов ВС основывали свою позицию на том, что в случае войны против СССР порты Франции будут доступны в течение 10–15 дней, а затем могут быть захвачены [*La puissance française en question...*, 1988:

⁸⁴ Rapport par Lejeune, 9 décembre 1947 // *Annales de l'Assemblée nationale. Documents parlementaires. Session de 1947.* Paris: Imprimerie des Journaux officiels, 1948. P. 2210.

327–328]. Даже среди союзников репутация французской армии была не лучшей. Начальник Генштаба британской армии фельдмаршал Б. Монтгомери в записке от 23 декабря 1947 г. отмечал, что «французская армия находится в очень плохом состоянии» [цит. по: Dockrill, 1990: 62].

Появление атомного оружия влияло на процесс развития французских ВС, однако реальное значение «ядерного фактора» в рассматриваемый период не стоит преувеличивать. Согласно свидетельству журналиста П. Пеана уже во время встречи с французскими физиками-ядерщиками, задействованными в «Манхэттенском проекте» (состоялась 11 июля 1944 г. в Оттаве), Ш. де Голль осознал колоссальную военно-политическую роль вопросов, связанных с применением ядерной энергии. Потенциально речь шла о возникновении новой иерархии государств: тех, кто имеет атомное оружие, и тех, кто им не обладает [Pinkus, 2002: 105]. Подобные соображения, если говорить о конце Второй мировой войны и первых послевоенных годах, не стоит гипертрофировать: масштаб последствий, связанных с появлением атомного оружия, был осознан постепенно [Вторая мировая война..., 2020: 788–802]. Реакция французской дипломатии на американские бомбардировки Хиросимы отличалась спокойствием: Р. Массильи подчеркивал, что базовые научные принципы, лежавшие в основе ядерного оружия, хорошо известны французским ученым во главе с Ф. Жолио-Кюри⁸⁵.

Резоны возможного использования ядерной энергии в военных целях учитывались Ш. де Голлем при создании в октябре 1945 г. Комиссариата по атомной энергии, однако приоритетом тогда было экономическое восстановление страны [Mongin, 1993: 14]. Но нельзя было согласиться и с противоположным тезисом о том, что Париж «не имеет намерения производить атомные бомбы». Такая мысль встречалась на страницах близкого к МИД Франции журнала «Politique étrangère»⁸⁶.

Реакция французской дипломатии на испытание советской атомной бомбы, информацию о котором в сентябре 1949 г. сделал публичной Г. Трумэн, также была сдержанной. Посол А. Бонне фиксировал удивление Госдепартамента в связи с неожиданно быстрыми сроками создания атомной бомбы в СССР (он критиковал «почти полное

⁸⁵ Massigli à Bidault, 7 août 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 234–235.

⁸⁶ Chambrun de G. Op. cit. P. 361.

незнание» американцев о советских атомных проектах раньше)⁸⁷. Однако французский дипломат не считал, что испытание приведет к радикальному изменению советской политики Вашингтона. С одной стороны, «СССР не располагал запасами атомных бомб», что стимулировало не преувеличивать советскую мощь, с другой стороны, А. Бонне не верил в то, что «весьма немногочисленные сторонники превентивной войны» США против Советского Союза смогут реализовать свои замыслы⁸⁸.

Французский опыт в годы Второй мировой войны усилил уже имевшийся стратегический расчет — попытаться использовать различные ресурсы колоний для укрепления собственного влияния на приоритетных направлениях внешней политики, в первую очередь в Европе [Вторая мировая война..., 2020: 259]. Ш. де Голль считал нелишним напоминать о «106 миллионах людей, мирно существующих под французским флагом»⁸⁹. Посыл был ясен: Париж говорит от лица не только Франции-метрополии, но и более масштабного и могущественного образования. Как было отмечено в записке Кэ д'Орсэ от 1 марта 1945 г., «сообщество французских интересов, представленных по всему миру, является таким же неделимым блоком, как американский блок, британский блок и даже советский блок...» [Pearson, 2020: 44]. В 1950-е годы Ж.-Б. Дюрозель продолжал описывать заморские территории Франции как «надежду и будущее французской мощи» [Duroselle, 1954: 437].

Однако в первые послевоенные годы ситуация скорее была обратной: бывшие колонии не подкрепляли политику Парижа в Европе, а забирали дефицитные ресурсы, прежде всего в контексте войны в Индокитае (к 1949 г. там было задействовано около 115 тыс. военнослужащих французских ВС⁹⁰). Как подчеркивал французский историк Ж. Барьети, в 1947–1949 гг. «война в Индокитае была для французских правительств одной из ключевых проблем. Они не забывали о ней, даже определяя свою политику в “германском вопросе”» [Barièty, 1994: 30].

⁸⁷ Bonnet à Schuman, 28 janvier 1949 // DDF. 1949. T. 1. P. 175.

⁸⁸ Bonnet à Schuman, 23 septembre 1949 // DDF. 1949. T. 2. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2014. P. 318–319.

⁸⁹ Allocution de Gaulle, 5 février 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82.

⁹⁰ Projet de loi portant fixation du budget des dépenses militaires pour l'exercice 1949, 30 mars 1949 // Annales de l'Assemblée nationale. Documents parlementaires. Session de 1949. Paris: Imprimerie des Journaux officiels, 1951. P. 583.

Процессы сокращения французского военно-политического влияния наглядно проявились и в Центрально-Восточной Европе. Этот региональный пример также демонстрировал сложности, которые французская дипломатия испытывала при концептуальной адаптации к изменениям, иными словами, при трансформации внешнеполитического «габитуса». Остановимся подробнее на Чехословакии как показательном страновом случае.

Летом 1945 г. во французской дипломатической миссии в Праге весьма оптимистично смотрели на перспективы восстановления французского влияния в стране. В донесении от 9 июня, признавая «серьезное ослабление» французских позиций, поверенный в делах Франции Л. Келлер, тем не менее, верил в будущее: «Если в политическом отношении в настоящее время русской мощи ничего нельзя противопоставить, то в эмоциональном и интеллектуальном отношениях ситуация обстоит иначе. С этой точки зрения наше влияние несколько не сократилось, а, напротив, увеличилось»⁹¹. Президент Чехословакии Э. Бенеш, подчеркивавший приоритетную ориентацию Праги на Москву и отнюдь не забывший Мюнхенского унижения своей страны, всё же стимулировал Париж развивать контакты, начиная с культурно-интеллектуальной сферы⁹².

В феврале 1946 — ноябре 1947 г. между представителями двух государств велись переговоры о заключении договора о взаимопомощи, который рассматривался преимущественно чехословацкой, но также французской дипломатией как своеобразный мост между востоком и западом Европы. Такой альянс, дополнявший договор Парижа с Москвой, соответствовал линии Ж. Бидо на реализацию функции посредничества между СССР и его союзниками, с одной стороны, и англосаксонскими державами — с другой. Однако переговоры не привели к результату, став своеобразной жертвой холодной войны. На встрече с чехословацкой делегацией, которая состоялась 2 августа 1947 г. в Париже, Ж. Бидо заблокировал предложения Праги о включении в обсуждавшийся договор пункта о взаимопомощи на случай агрессии не только Германии, но и ее потенциальных союзников. Министр иностранных дел Франции выступил против идеи о том, что соглашение с Чехословакией станет своего рода «расши-

⁹¹ Keller à Bidault, 9 juin 1945 // DDF. 1945. T. 1. P. 759.

⁹² De Catroux, 2 avril 1945 // AN. 457 AP. Vol. 82; Keller à Bidault, 5 juillet 1945 // DDF. 1945. T. 2. P. 35.

рением франко-советского договора», и даже открыто говорил, что «Франция в настоящее время находится в противостоянии с СССР» [цит. по: Fejtö, 1976: 9].

Месяцем ранее, в июле 1947 г., М. Дежан, характеризуя реакцию Праги на приглашение присоединиться к плану Маршалла, описывал ситуацию оптимистично. Он полагал, что точка зрения министра иностранных дел Я. Масарика и его сторонников, видевших в Чехословакии «элемент великой демократической цепи, связывающей мир», а также поддерживавших присоединение страны к плану Маршалла, возобладала⁹³. Однако настрой сотрудников Восточно-европейского департамента Кэ д'Орсэ был пессимистичным. Там еще в июле 1946 г. фиксировали «растущую ориентацию внешней политики Чехословакии на Москву, а внутренней политики — на утверждение коммунизма». Французские аналитики не исключали того, что после смерти Э. Бенеша «Чехословакия де-факто станет n-й советской социалистической республикой»⁹⁴.

Приход коммунистов к власти в Чехословакии в феврале 1948 г. произвел сильное впечатление на французскую дипломатию. Пример М. Дежана — бывшего сторонника тесного советско-французского альянса, наблюдавшего за ситуацией из Праги в качестве посла — наглядно говорил о трансформации французских оценок. В донесении от 12 марта, отправленном в Париж, М. Дежан увидел в чехословацких событиях отказ СССР от попыток сотрудничества со странами Запада и подготовку к «возможному, если не близкому» вооруженному конфликту⁹⁵.

Можно констатировать, что установка на возвращение «величия», разделяемая не только Ш. де Голлем, но и более широким кругом людей во французском политическом руководстве, дипломатии и военной среде, вступала в определенное противоречие с реальным положением Франции в первые послевоенные годы. Боеспособность французских ВС оставалась на весьма низком уровне, а процесс экономического восстановления страны лишь начался. Попытки Парижа сохранить существенное влияние в Чехословакии в 1946–1947 гг. были примером «гистерезиса габитуса», а провал подобных попыток свидетельствовал о процессе болезненной адаптации к реалиям

⁹³ Dejean à Bidault, 9 juillet 1947 // DDF. 1947. T. 2. P. 108.

⁹⁴ Note de la Sous-direction de l'Europe orientale, 18 juillet 1946 // DDF. 1946. T. 2. P. 92.

⁹⁵ Dejean à Bidault, 12 mars 1948 // DDF. 1948. T. 1. P. 386–387.

холодной войны и советскому доминированию в Центрально-Восточной Европе.

* * *

Таким образом, французские дипломатические и стратегические оценки того, как будет выглядеть архитектура военно-политических отношений в Европе по итогам Второй мировой войны претерпели в 1943–1949 гг. целый ряд фундаментальных изменений. Ставка на альянс с Москвой и приоритет недопущения новой германской агрессии, характерные для настроений в 1943–1944 гг., сменил другой курс, становившийся всё более заметным на протяжении 1947–1948 гг. Его ключевыми элементами стали атлантическая солидарность и расчет на сохранение американских войск в Европе; заключение альянсов, имевших преимущественно антисоветскую направленность, с Великобританией и США; политика по примирению с Западной Германией в рамках европейского проекта. Создание НАТО и учреждение ФРГ были кульминацией этого процесса. Однако, как свидетельствовали переговоры по учреждению Североатлантического альянса, Париж стремился сохранить специфику собственной позиции. Полностью не исчезли и опасения по поводу «германской угрозы».

Императив восстановления французской мощи и возвращения «величия» оставался в 1943–1949 гг. константой. Его разделял отнюдь не только Ш. де Голль, хотя именно он и его сторонники готовы были осуществлять более независимый от Вашингтона и Лондона внешнеполитический курс (прежде всего по «германскому вопросу»). Однако в процессе возвращения часто иллюзорного «величия» всё более очевидно также сказывался «американский фактор»: от поставок вооружений и выделения кредитов до предоставления гарантий безопасности в рамках НАТО. Вместе с тем французские политики от Ш. де Голля до Ж. Монне, личные отношения между которыми были весьма напряженными, не планировали делать Францию сателлитом США и рассчитывали использовать внешнее содействие для последующего укрепления голоса Парижа в Европе и мире.

Указанные процессы можно трактовать как перестройку внешнеполитического «габитуса» Франции под влиянием общей трансформации международных отношений в 1943–1949 гг. Эта перестройка, нередко протекавшая болезненно (особенно в контексте постепенного ухода из бывших колоний), не означала полного отказа от некоторых стратегических установок прошлого.

Эффект «гистерезиса габитуса» проявлялся как в общей идее о возвращении «величия» Франции, так и в конкретных позициях Парижа по некоторым международным вопросам. В ряде случаев французское руководство вынуждено было отказаться от своих изначальных планов (например, по резкому ослаблению Германии или восстановлению своих позиций в Чехословакии), которые не вписывались в логику нарастающей холодной войны. Однако стремление восстановить «величие» страны оказалось более долговременным обстоятельством. Следы его проявления можно было найти как в попытках занять привилегированное положение в рамках западного блока в 1949 г., так и во внешнеполитических действиях Ш. де Голля в 1960-е годы. Нередко подобные попытки воспринимались лидерами сверхдержав как не соответствовавшие реальным возможностям Франции. Вместе с тем такая установка, подразумевавшая реализацию амбициозных целей (пусть последние удавалось достичь отнюдь не всегда), оставалась важным компонентом как собственной внешнеполитической идентичности, так и позиционирования страны на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзаканян М.Ц. Великий де Голль. «Франция — это я!» М.: Язуз; Эксмо, 2012.
2. Белоусов Л.С., Манькин А.С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 5. С. 97–117.
3. Болдырева О.М. Жан Монне. У истоков единой Европы. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2008.
4. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
5. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Издательство Московского университета, 2020.
6. Канинская Г.Н. Колониальные войны в Индокитае и Алжире и французское общество // Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 3: Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века / Сост. О.А. Ржешевский. М.: Наука, 2008. С. 132–175.
7. Канинская Г.Н. Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. М.: Наука, 1999.
8. Магадеев И.Э. Французский вектор внешней политики СССР (февраль 1943 г. — февраль 1945 г.) // История Великой Победы: В 3 т. Т. 3. Война

и дипломатия / Под общ. ред. А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2020. С. 285–370.

9. Наринский М.М. Берлинский кризис 1948–1949 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1 (16). С. 162–172. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-1-16-162-172.

10. Наумова Н.Н. Разработка европейской идеи в рамках французского движения Сопротивления // Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945 гг.: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.П. Карпов, И.И. Тучков. М.: Издатель Степаненко, 2015. С. 320–326.

11. Наумова Н.Н., Фалалеев П.И. Европейская идея во Франции в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 18–33.

12. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012.

13. Суту Ж.-А. «Свободная Франция» и место СССР в европейской системе // СССР и Франция в годы Второй мировой войны / Отв. ред. М.М. Наринский. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 154–181.

14. Фалалеев П.И. Внешняя политика Французского комитета национального освобождения и Временного правительства Французской Республики (1943–1946 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2016.

15. Фалалеев П.И. План Маршалла и западноевропейская интеграция: эволюция позиций Великобритании и Франции (1947–1948) // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 3. С. 165–190. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-165-190.

16. Фалалеев П.И. Позиция Франции по вопросу образования Североатлантического альянса — НАТО // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 109–127. DOI: 10.31857/S013038640005855-8.

17. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции: кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг. М.: Наука, 1985.

18. Шмелев Д.В. Жорж Бидо: интеллектуал, политик, дипломат (штрихи к биографии) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1 / Гл. ред. М.Х. Салахов. Казань: Казанский государственный университет, 2010. С. 262–273.

19. Allard M. La France face à la soviétisation de l'Europe de l'Est: le cas tchécoslovaque (1944–1948) // Relations internationales et stratégie: De la guerre froide à la guerre contre le terrorisme / Dir. by F. Bozo. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2005. P. 13–28.

20. Bariéty J. La France et la crise internationale du blocus de Berlin // Histoire, économie et société. 1994. Vol. 13. No. 1. P. 29–44.

21. Bézias J.-R. Georges Bidault et la politique étrangère de la France. États-Unis, Europe, Proche-Orient, 1944–1948. Paris: Harmattan, 2006.

22. Bézias J.-R. Prélude au Conseil de l'Europe: la déclaration de Georges Bidault à La Haye (19 juillet 1948) // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2005. No. 220. P. 115–128. DOI: 10.3917/gmcc.220.0115.

23. Bossuat G. Aux origines du Plan Marshall // *Histoire, économie et société*. 1999. Vol. 18. No. 2. P. 275–296.

24. Bossuat G. L'aide américaine à la France après la Seconde guerre mondiale // *Vingtième siècle*. 1986. No. 9. P. 17–36.

25. Bossuat G. Le rêve français d'une Europe franco-britannique // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 1990. No. 18. P. 3–11. DOI: 10.3406/mat.1990.401609.

26. Bossuat G. L'Europe des Français, 1943–1959: La IVe République aux sources de l'Europe communautaire. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1997.

27. Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945. Paris: Flammarion, 2019.

28. Buffet C. Mourir pour Berlin: La France et l'Allemagne, 1945–1949. Paris: Armand Collin, 1991.

29. Ciappi E. A Reappraisal of the origins of European integration: From wartime planning to the Schuman plan // *Journal of Contemporary History*. 2023. Vol. 58. No. 4. P. 676–696. DOI: 10.1177/00220094231200453.

30. Ciappi E. Transatlantic relations and public diplomacy: The Council on Foreign Relations, Jean Monnet, and Post-WWII France and Europe // *History of European Ideas*. 2022. Vol. 48. No. 6. P. 848–864. DOI: 10.1080/01916599.2021.2009363.

31. Creswell M., Trachtenberg M. France and the German question, 1945–1955 // *Journal of Cold War Studies*. 2003. Vol. 5. No. 3. P. 5–28. DOI: 10.1162/152039703322286746.

32. Davieau-Pousset S. Maurice Dejean, diplomate atypique // *Relations internationales*. 2015. No. 162. P. 79–94. DOI: 10.3917/ri.162.0079.

33. Dockrill M. British attitudes towards France as a military ally // *Diplomacy & Statecraft*. 1990. Vol. 1. No. 1. P. 49–70. DOI: 10.1080/09592299008405782.

34. Doise J., Vaisse M. Diplomatie et outil militaire: Politique étrangère de la France, 1871–2015. Paris: Points, 2015.

35. Duroselle J.B. The crisis in French foreign policy // *The Review of Politics*. 1954. Vol. 16. No. 4. P. 412–437.

36. Duroselle J.B. German-Franco relations since 1945 // *The Review of Politics*. 1952. Vol. 14. No. 4. P. 501–519.

37. Duroselle J.B. The turning point in French politics: 1947 // *The Review of Politics*. 1951. Vol. 13. No. 3. P. 302–328.

38. Europe brisée, Europe retrouvée: nouvelles réflexions sur l'unité européenne au XXe siècle / Dir. by G. Bossuat, R. Girault. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1994.

39. Fejtö F. Un pont qui n'a pu être construit: le projet de traité franco-tchécoslovaque // *Politique étrangère*. 1976. Vol. 41. No. 1. P. 5–11.

40. France and the German question, 1945–1990 / Ed. by F. Bozo, Ch. Wenkel. New York: Berghahn Books, 2019.

41. Heyde V. De l'esprit de la Résistance jusqu'à l'idée de l'Europe: Projets européens et américains pour l'Europe de l'après-guerre (1940–1950). Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2010.

42. Histoire de France, 1750–1995. In 2 vols. Vol. 2: Société, culture / Dir. by R. Souriac. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 1996.

43. Hitchcock W.I. France restored: Cold War diplomacy and the quest for leadership in Europe, 1944–1954. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1998.

44. Hitchcock W.I. France, the Western alliance, and the origins of the Schuman plan // *Diplomatic History*. 1997. Vol. 21. No. 4. P. 603–630.

45. Hudemann R. Le général Kœnig commandant en chef français en Allemagne (1945–1949) // *Revue historique des Armées*. 2002. No. 227. P. 85–94.

46. Hüser D. Charles de Gaulle, Georges Bidault, Robert Schuman et l'Allemagne 1944–1950. Conceptions — actions — perceptions // *Francia*. 1996. Vol. 23. No. 3. P. 49–73. DOI: 10.11588/fr.1996.3.60350.

47. Hüser D. Frankreichs 'doppelte Deutschlandpolitik'. Dynamik aus der Defensive — Planen, Entscheiden, Umsetzen in gesellschaftlichen und wirtschaftlichen, innen- und außenpolitischen Krisenzeiten 1944–1950. Berlin: Duncker & Humblot, 1996.

48. Ikenberry G.J. After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. Princeton: Princeton University Press, 2019.

49. Jackson J. A certain idea of France: The life of Charles de Gaulle. London: Allen Lane, 2018.

50. La puissance française en question (1945–1949) / Dir. by R. Girault, R. Frank. Paris: Publications de la Sorbonne, 1988.

51. Macher A. L'institutionnalisation de la présence culturelle occidentale en Hongrie de 1945 à 1963 // *Les relations culturelles internationales au XXe siècle: de la diplomatie culturelle à l'acculturation* / Dir. by A. Dulphy, R. Frank, M.-A. Matard-Bonucci, P. Ory. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2010. P. 79–112.

52. Margairaz M. Autour des accords Blum-Byrnes. Jean Monnet entre le consensus national et le consensus atlantique // *Histoire économie et société*. 1982. Vol. 1. No. 3. P. 439–470. DOI: 10.3406/hes.1982.1302.

53. Milward A.S. War, economy and society, 1939–1945. Berkeley: University of California Press, 1979.

54. Milza P. Les relations internationales de 1945 à 1973. Paris: Hachette, 1996.

55. Mongin D. Aux origines du programme atomique militaire français // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 1993. No. 31. P. 13–21.

56. Pearson J.L. The French Empire goes to San Francisco: The founding of the United Nations and the limits of colonial reform // *French Politics, Culture & Society*. 2020. Vol. 38. No. 2. P. 35–55. DOI: 10.3167/fpcs.2020.380203.

57. Pinkus B. Atomic power to Israel's rescue: French-Israeli nuclear cooperation, 1949–1957 // *Israel Studies*. 2002. Vol. 7. No. 1. P. 104–138. DOI: 10.1353/is.2002.0006.

58. Ratti L. Stepping up to reintegration: French security policy between transatlantic and European defence during and after the Cold War // *Journal of Transatlantic Studies*. 2014. Vol. 12. P. 367–378. DOI: 10.1080/14794012.2014.962784.

59. Robert Schuman et les pères de l'Europe: cultures politiques et années de formation / Dir. by S. Schirmann. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2008.

60. Shennan A. Rethinking France: Plans for renewal, 1940–1946. Oxford: Clarendon Press, 1989.

61. Soutou G.-H. La France Libre et la place de l'URSS dans le système européen // *L'URSS et l'Europe de 1941 à 1957* / Dir. by G.-H. Soutou, É.R. Hivert. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2008. P. 137–184.

62. Soutou G.-H. La Guerre froide de la France, 1941–1990. Paris: Tallandier, 2018.

63. Soutou G.-H. La perception du problème soviétique par le Quai d'Orsay entre 1945 et 1949 // *Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande*. 1998. Vol. 30. No. 3. P. 273–284. DOI: 10.3406/rev.1998.4073.

64. Ulrich-Pier R. René Massigli (1888–1988): une vie de diplomate. Vol. 1–2. Bruxelles: P.I.E. Peter-Lang, 2006.

65. Wall I.M. France in the Cold War // *Journal of European Studies*. 2008. Vol. 38. No. 2. P. 121–139. DOI: 10.1177/0047244108090206.

66. Wall I.M. The United States and the making of postwar France, 1945–1954. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

67. Williams A. France and the origins of the United Nations, 1944–1945: 'Si La France ne compte plus, qu'on nous le dise' // *Diplomacy & Statecraft*. 2017. Vol. 28. No. 2. P. 215–234. DOI: 10.1080/09592296.2017.1309880.

68. Young J.W. France, the Cold War, and the Western alliance, 1944–49: French foreign policy and post-war Europe. New York: St. Martin's Press, 1990.

REFERENCES

1. Arzakanyan M.Ts. 2012. *Velikii de Goll'. 'Frantsiya — eto ya!'* [Great de Gaulle. 'I am France!']. Moscow, Yauza, Eksmo Publ. (In Russ.)

2. Belousov L.S., Manykin A.S. 2021. 'Kholodnaya voina' kak forma konfliktogo vzaimodeistviya sverkhderzhav v bipolyarnom mire [Cold War as a form of conflict interaction between superpowers in a bipolar world]. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 5, pp. 97–117. (In Russ.)

3. Boldyreva O.M. 2008. *Zhan Monne. U istokov edinoi Evropy* [Jean Monnet. Origins of the united Europe]. Elets, Eletskiy gosudarstvennyi universitet im. I.A. Bunina Publ. (In Russ.)

4. Bourdieu P. 1989. *Le Sens pratique*. Paris, Lee Editions de Minuit [Russ. ed.: Burd'e P. 2001. *Prakticheskii smysl*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ.].

5. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2020. *Vtoraya mirovaya voina i transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [Second World War and transformation of the international relations: From multipolarity to bipolar world]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

6. Kaninskaya G.N. 2008. Kolonial'nye voiny v Indokitae i Alzhire i frantsuzskoe obshchestvo [Colonial wars in Indochina and Algeria, and reaction of the French society]. In: Rzheshhevskii O.A. (ed.). *Voina i obshchestvo v XX veke. V 3 kn. Kn. 3: Voina i obshchestvo v period lokal'nykh voyn i konfliktov vtoroi poloviny XX veka* [War and society in the 20th century. In 3 books. Book 3: War and society during local wars and conflicts of the second half of 20th century]. Moscow, Nauka Publ., pp. 132–175. (In Russ.)

7. Kaninskaya G.N. 1999. *Radikaly i radikalizm v poslevoennoi Frantsii* [Radicals and radicalism in the post-war France]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

8. Magadeev I.E. 2020. Frantsuzskii vektor vneshnei politiki SSSR (fevral' 1943 g. — fevral' 1945 g.) [French vector of the Soviet foreign policy (February 1943 — February 1945)]. In: Torkunov A.V. (ed.). *Istoriya Velikoi Pobedy. V 3 t. T. 3. Voina i diplomatiya* [History of the great victory. In 3 vols. Vol. 3: War and diplomacy]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 285–370. (In Russ.)

9. Narinskiy M.M. 2011. Berlinskii krizis 1948–1949 gg. [The Berlin Crises 1948–1949]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (16), pp. 162–172. DOI: 10.24833/2071-8160-2011-1-16-162-172. (In Russ.)

10. Naumova N.N. 2015. Razrabotka evropeiskoi idei v ramkakh frantsuzskogo dvizheniya Soprotivleniya: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Elaboration of the European projects within the French Resistance movement: Proceedings of the International Scientific Conference]. In: Karpov S.P., Tuchkov I.I. (eds.). *Vtoraya mirovaya voina v istorii chelovechestva. 1939–1945 gg.* [Second World War in the human history, 1939–1945]. Moscow, Izdatel' Stepanenko Publ., pp. 320–326. (In Russ.)

11. Naumova N.N., Falaleev P.I. 2016. Evropeiskaya ideya vo Frantsii v gody Vtoroi mirovoi voiny [The European idea in France in Second World War]. *Modern and Contemporary History*, no. 2, pp. 18–33. (In Russ.)

12. Obichkina E.O. 2012. *Vneshnyaya politika Frantsii ot de Gollya do Sarkozi (1940–2012)* [French foreign policy from de Gaulle to Sarkozy (1940–2012)]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

13. Soutou G.-H. 2006. 'Svobodnaya Frantsiya' i mesto SSSR v evropeiskoi sisteme ['Free France' and place of the USSR in the European system]. In:

Narinskiy M.M. (ed.). *SSSR i Frantsiya v gody Vtoroi mirovoi voiny* [USSR and France during the Second World War]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 154–181. (In Russ.)

14. Falaleev P.I. 2016. *Vneshniaia politika Frantsuzskogo komiteta natsional'nogo osvobozhdeniia i Vremennogo pravitel'stva Frantsuzskoi Respubliki (1943–1946 gg.)* [Foreign policy of the French Committee of National Liberation and the Provisional Government of the French Republic (1943–1946)]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

15. Falaleev P.I. 2020. 'Plan Marshalla' i zapadnoevropeiskaya integratsiya: evolyutsiya pozitsii Velikobritanii i Frantsii (1947–1948) [The Marshall plan and the European integration: The stance of Great Britain and France (1947–1948)]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 12, no. 3, pp. 165–190. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-165-190. (In Russ.)

16. Falaleev P.I. 2019. Pozitsiya Frantsii po voprosu obrazovaniya Severoatlanticheskogo al'yansa — NATO [French position towards the formation of the North Atlantic alliance]. *Modern and Contemporary History*, no. 5, pp. 109–127. DOI: 10.31857/S013038640005855-8. (In Russ.)

17. Cherkasov P.P. 1985. *Raspad kolonial'noi imperii Frantsii: krizis frantsuzskoi kolonial'noi politiki v 1939–1985 gg.* [Desintegration of the French colonial empire: Crisis of the French colonial policy in 1939–1985] Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

18. Shmelev D.V. 2010. Zhorzh Bido: intellektual, politik, diplomat (shtrikhi k biografii) [Georges Bidault: An intellectual, political leader and diplomat (biographical sketch)]. In: Salakhov M.Kh. (ed.). *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 152. Kn. 3. Ch. 1* [Scholarly memos of the Kazan State University, vol. 152, book 3, part 1]. Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 262–273. (In Russ.)

19. Allard M. 2005. La France face à la soviétisation de l'Europe de l'Est: le cas tchécoslovaque (1944–1948). In: Bozo F. (ed.). *Relations internationales et stratégie: De la guerre froide à la guerre contre le terrorisme*. Rennes, Presses universitaires de Rennes, pp. 13–28.

20. Bariéty J. 1994. La France et la crise internationale du blocus de Berlin. *Histoire, économie et société*, vol. 13, no. 1, pp. 29–44.

21. Bézias J.-R. 2006. *Georges Bidault et la politique étrangère de la France. États-Unis, Europe, Proche-Orient, 1944–1948*. Paris, Harmattan.

22. Bézias J.-R. 2005. Prélude au Conseil de l'Europe: la déclaration de Georges Bidault à La Haye (19 juillet 1948). *Guerres mondiales et conflits contemporains*, no. 220, pp. 115–128. DOI: 10.3917/gmcc.220.0115.

23. Bossuat G. 1999. Aux origines du Plan Marshall. *Histoire, économie et société*, vol. 18, no. 2, pp. 275–296.

24. Bossuat G. 1986. L'aide américaine à la France après la Seconde guerre mondiale. *Vingtième siècle*, no. 9, pp. 17–36.

25. Bossuat G. 1990. Le rêve français d'une Europe franco-britannique. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, no. 18, pp. 3–11. DOI: 10.3406/mat.1990.401609.

26. Bossuat G. 1997. *L'Europe des Français, 1943–1959: La IVe République aux sources de l'Europe communautaire*. Paris, Éditions de la Sorbonne.

27. Bozo F. 2019. *La politique étrangère de la France depuis 1945*. Paris, Flammarion.

28. Buffet C. 1991. *Mourir pour Berlin: La France et l'Allemagne, 1945–1949*. Paris, Armand Collin.

29. Ciappi E. 2023. A Reappraisal of the origins of European integration: From wartime planning to the Schuman plan. *Journal of Contemporary History*, vol. 58, no. 4, pp. 676–696. DOI: 10.1177/00220094231200453.

30. Ciappi E. 2022. Transatlantic relations and public diplomacy: The Council on Foreign Relations, Jean Monnet, and Post-WWII France and Europe. *History of European Ideas*, vol. 48, no. 6, pp. 848–864. DOI: 10.1080/01916599.2021.2009363.

31. Creswell M., Trachtenberg M. 2003. France and the German question, 1945–1955. *Journal of Cold War Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 5–28. DOI: 10.1162/152039703322286746.

32. Davieau-Pousset S. 2015. Maurice Dejean, diplomate atypique. *Relations internationales*, no. 162, pp. 79–94. DOI: 10.3917/ri.162.0079.

33. Dockrill M. 1990. British attitudes towards France as a military ally. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 1, no. 1, pp. 49–70. DOI: 10.1080/09592299008405782.

34. Doise J., Vaisse M. 2015. *Diplomatie et outil militaire: Politique étrangère de la France, 1871–2015*. Paris, Points.

35. Duroselle J.B. 1954. The crisis in French foreign policy. *The Review of Politics*, vol. 16, no. 4, pp. 412–437.

36. Duroselle J.B. 1952. German-Franco relations since 1945. *The Review of Politics*, vol. 14, no. 4, pp. 501–519.

37. Duroselle J.B. 1951. The turning point in French politics: 1947. *The Review of Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 302–328.

38. Bossuat G., Girault R. (eds.). 1994. *Europe brisée, Europe retrouvée: nouvelles réflexions sur l'unité européenne au XXe siècle*. Paris, Éditions de la Sorbonne.

39. Fejtő F. 1976. Un pont qui n'a pu être construit: le projet de traité franco-tchécoslovaque. *Politique étrangère*, vol. 41, no. 1, pp. 5–11.

40. Bozo F., Wenkel Ch. (eds.). 2019. *France and the German question, 1945–1990*. New York, Berghahn Books.

41. Heyde V. 2010. *De l'esprit de la Résistance jusqu'à l'idée de l'Europe: Projets européens et américains pour l'Europe de l'après-guerre (1940–1950)*. Bruxelles, P.I.E. Peter Lang.

42. Souriac R. (ed.). 1996. *Histoire de France, 1750–1995. In 2 vols. Vol. 2: Société, culture*. Toulouse, Presses Universitaires du Mirail.

43. Hitchcock W.I. 1998. *France restored: Cold War diplomacy and the quest for leadership in Europe, 1944–1954*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

44. Hitchcock W.I. 1997. France, the Western alliance, and the origins of the Schuman plan. *Diplomatic History*, vol. 21, no. 4, pp. 603–630.

45. Hudemann R. 2002. Le général Kœnig commandant en chef français en Allemagne (1945–1949). *Revue historique des Armées*, no. 227, pp. 85–94.

46. Hüser D. 1996a. Charles de Gaulle, Georges Bidault, Robert Schuman et l'Allemagne 1944–1950. Conceptions — actions — perceptions. *Francia*, vol. 23, no. 3, pp. 49–73. DOI: 10.11588/fr.1996.3.60350.

47. Hüser D. 1996b. *Frankreichs 'doppelte Deutschlandpolitik'. Dynamik aus der Defensive — Planen, Entscheiden, Umsetzen in gesellschaftlichen und wirtschaftlichen, innen- und außenpolitischen Krisenzeiten 1944–1950*. Berlin, Duncker & Humblot.

48. Ikenberry G.J. 2019. *After victory: Institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars*. Princeton, Princeton University Press.

49. Jackson J. 2018. *A certain idea of France: The life of Charles de Gaulle*. London, Allen Lane.

50. Girault R., Frank R. (eds.). 1988. *La puissance française en question (1945–1949)*. Paris, Publications de la Sorbonne.

51. Macher A. 2010. L'institutionnalisation de la présence culturelle occidentale en Hongrie de 1945 à 1963. In: Dulphy A., Frank R., Matard-Bonucci M.-A., Ory P. (eds.). *Les relations culturelles internationales au XXe siècle: de la diplomatie culturelle à l'acculturation*. Bruxelles, P.I.E. Peter Lang, pp. 79–112.

52. Margairaz M. 1982. Autour des accords Blum-Byrnes. Jean Monnet entre le consensus national et le consensus atlantique. *Histoire économie et société*, vol. 1, no. 3, pp. 439–470. DOI: 10.3406/hes.1982.1302.

53. Milward A.S. 1979. *War, economy and society, 1939–1945*. Berkeley, University of California Press.

54. Milza P. 1996. *Les relations internationales de 1945 à 1973*. Paris, Hachette.

55. Mongin D. 1993. Aux origines du programme atomique militaire français. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, no. 31, pp. 13–21.

56. Pearson J.L. 2020. The French Empire goes to San Francisco: The founding of the United Nations and the limits of colonial reform. *French Politics, Culture & Society*, vol. 38, no. 2, pp. 35–55. DOI: 10.3167/fpcs.2020.380203.

57. Pinkus B. 2002. Atomic power to Israel's rescue: French-Israeli nuclear cooperation, 1949–1957. *Israel Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 104–138. DOI: 10.1353/is.2002.0006.

58. Ratti L. 2014. Stepping up to reintegration: French security policy between transatlantic and European defence during and after the Cold War. *Journal of Transatlantic Studies*, vol. 12, pp. 367–378. DOI: 10.1080/14794012.2014.962784.

59. Schirmann S. (ed.). 2008. *Robert Schuman et les pères de l'Europe: cultures politiques et années de formation*. Bruxelles, P.I.E. Peter Lang.

60. Shennan A. 1989. *Rethinking France: Plans for renewal, 1940–1946*. Oxford, Clarendon Press.

61. Soutou G.-H. 2008. La France Libre et la place de l'URSS dans le système européen. In: Soutou G.-H., Hivert É.R. (eds.). *L'URSS et l'Europe de 1941 à 1957*. Paris, Presses de l'Université Paris-Sorbonne, pp. 137–184.

62. Soutou G.-H. 2018. *La Guerre froide de la France, 1941–1990*. Paris, Talandier.

63. Soutou G.-H. 1998. La perception du problème soviétique par le Quai d'Orsay entre 1945 et 1949. *Revue d'Allemagne et des pays de langue allemande*, vol. 30, no. 3, pp. 273–284. DOI: 10.3406/real.1998.4073.

64. Ulrich-Pier R. 2006. *René Massigli (1888–1988): une vie de diplomate*. Vol. 1–2. Bruxelles, P.I.E. Peter-Lang.

65. Wall I.M. 2008. France in the Cold War. *Journal of European Studies*, vol. 38, no. 2, pp. 121–139. DOI: 10.1177/0047244108090206.

66. Wall I.M. 1991. *The United States and the making of postwar France, 1945–1954*. Cambridge, Cambridge University Press.

67. Williams A. 2017. France and the origins of the United Nations, 1944–1945: 'Si La France ne compte plus, qu'on nous le dise'. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 28, no. 2, pp. 215–234. DOI: 10.1080/09592296.2017.1309880.

68. Young J.W. 1990. *France, the Cold War, and the Western alliance, 1944–49: French foreign policy and post-war Europe*. New York, St. Martin's Press.

Статья поступила в редакцию 31.12.2024;
одобрена после рецензирования 24.03.2025;
принята к публикации 07.04.2025

The paper was submitted 31.12.2024;
approved after reviewing 24.03.2025;
accepted for publication 07.04.2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-141-161

Научная статья / Research paper

Д.А. Нестеров*

БУДУЩЕЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ СОВЕТА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Самарский государственный социально-педагогический университет»
443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67*

*Самарский филиал Государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
443081, г. Самара, ул. Стара Загора, 76*

В годы Второй мировой войны проблема колоний занимала одно из ключевых мест в противостоянии антигитлеровской коалиции странам «оси», она же оказалась в центре обсуждения союзниками перспектив послевоенного мирового устройства. В этом контексте особого внимания заслуживают взгляды представителей американского экспертного сообщества, аффилированных с Советом по международным отношениям. Объединив правительственных чиновников, финансистов, промышленников, юристов с Уолл-стрит и преподавателей университетов Лиги плюща, Совет превратился в уникальную экспертную площадку, которая оказывала значительное влияние не только на ход общественно-политических дискуссий по вопросу о будущем миропорядке, но и непосредственно на процесс принятия внешнеполитических решений в США. В настоящей статье предпринята попытка выявить особенности взглядов экспертов на перспективы развития

* *Нестеров Дмитрий Александрович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, права и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета, старший преподаватель кафедры истории и социально-политических дисциплин самарского филиала Московского городского педагогического университета (e-mail: dmitriynesterov1994@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7431-4673).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011-П «Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны» (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

и трансформации колониальной системы после Второй мировой войны. В первом разделе дано подробное описание членов Совета, принявших активное участие в обсуждении этих вопросов. Во втором разделе обозначены два основных подхода экспертов Совета к решению колониального вопроса, предполагавших соответственно либо реформирование существующей колониальной системы, либо ее значительную ревизию. При этом, как отмечает автор, все эксперты признавали неизбежным существенное ослабление позиций европейских метрополий к моменту окончания Второй мировой войны и указывали на необходимость активизации политики США в колониальном вопросе, не в последнюю очередь для парирования возможной угрозы со стороны СССР. В то же время, как показано в третьем разделе, эксперты Совета также высказывали определенные опасения, что проникновение американского капитала в бывшие европейские колонии сопряжено с экономическими рисками, которые могут превысить возможные дивиденды. Автор заключает, что хотя большая часть рассмотренных прогнозов и рекомендаций носила весьма общий и размытый характер, Совет в целом смог верно спрогнозировать развитие тенденций к деколонизации и в годы войны в очередной раз подтвердил статус одной из самых авторитетных экспертных площадок по вопросам международных отношений.

Ключевые слова: аналитический центр, фабрика мысли, Совет по международным отношениям, деколонизация, колониализм, колониальная система, империализм, антиколониализм, США, Британская империя

Для цитирования: Нестеров Д.А. Будущее колониальной системы в оценках экспертов Совета по международным отношениям во время Второй мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 141–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-141-161.

Dmitry A. Nesterov

**THE FUTURE OF THE COLONIAL SYSTEM AS ASSESSED
BY EXPERTS OF THE COUNCIL ON FOREIGN RELATIONS
DURING THE SECOND WORLD WAR**

*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, Maksim Gorky Str., Samara, Russia, 443090*

*Samara Campus, Moscow City University,
76, Stara Zagora street, Samara, Russia, 443081*

During World War II, the colonial issue was at the forefront of both the fight of the anti-Hitler coalition against the Axis powers and the inter-allied discussion

of the prospects for the post-war world order. In this context, the perspectives of the U.S. experts affiliated with the Council on Foreign Relations deserve special attention. Having brought together government officials, bankers, industrialists, Wall Street lawyers, and Ivy League professors, the Council turned into a unique expert platform that exerted a significant influence not only on the course of public discussions about the future world order, but also on the foreign policy decision-making in the United States itself. This article identifies the specific features of experts' perspectives on the prospects of the development and transformation of the colonial system after World War II. The first section profiles the Council's members who actively participated in the discussion of these issues. The second section outlines the two main approaches of the Council's experts to resolving the colonial issue, which involved either reforming the existing colonial system or significantly revising it. At the same time, as the author notes, all experts recognized that the positions of the European colonial powers would be inevitably weakened by the end of World War II and emphasized the need for the U.S. to play a more active role in the colonial issue, not least to counter a possible threat from the USSR. That said, some experts also voiced certain concerns that the inflow of American capital into the former European colonies would be fraught with economic risks that could exceed potential benefits. The author concludes that although most of the forecasts and recommendations considered were fairly general and vague, the Council in general was able to correctly predict the decolonization trend and during the war years reaffirmed its status as one of the most authoritative expert platforms on international relations.

Keywords: analysis center, think tank, Council on Foreign Relations, decolonization, colonialism, colonial system, imperialism, anti-colonialism, United States, British Empire

About the author: *Dmitry A. Nesterov* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of World History, Law and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education; Senior Lecturer at the Chair of History and Socio-Political Disciplines, Samara Campus, Moscow City University (e-mail: dmitriynesterov1994@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7431-4673).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00011-P (<http://rscf.ru/project/22-18-00011>).

For citation: Nesterov D.A. 2025. The future of the colonial system as assessed by experts of the Council on Foreign Relations during the Second World War. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 141–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-141-161. (In Russ.)

Колониальная система и Совет по международным отношениям в годы Второй мировой войны

В годы Второй мировой войны проблема колоний занимала одно из центральных мест в противостоянии антигитлеровской коалиции странам «оси», поскольку действия Германии, Японии и Италии в Азии и Африке были направлены не только на нанесение стратегического поражения оппонентам, но и на ревизию колониального вопроса [Мырсина, 1974]. Как справедливо показывают многочисленные исследования, именно события Второй мировой войны стали одной из ведущих причин деколонизации. Боевые действия во Франции и Нидерландах, оккупация Японией всех колоний в Восточной и Юго-Восточной Азии серьезно ослабили остальные метрополии. Более того, в годы сопротивления японской оккупации в ряде стран региона возникли боевые организации, которые получили опыт ведения современной (партизанской) войны [Фурсов, 2015: 6–7; Ntabeni, 2008; Hawksley, Ward, 2019: 2; Lahiri, 2024; Metschl, 2024].

Всё это потребовало от европейских метрополий провести переоценку методов и характера управления своими колониальными владениями и взаимодействия с ними [Брагинский, 1965: 90; Долматова, 2010: 60; Stockwell, 1974: 333]. На этот процесс оказывала влияние и позиция президента США Ф. Рузвельта о необходимости демонтажа колониальных империй и их замены объединением «четырёх полицейских»: США, Великобритании, СССР и Китая [Orders, 2000: 63].

В этом контексте особый интерес представляет изучение позиции США [Sebrega, 1986; Nwaubani, 2003; Smith, 2011; Presto, 2017], что обусловлено рассекречиванием американских архивов за 1940–1950-е годы, продолжающимися дискуссиями о причинах участия Вашингтона во Вьетнамской войне, осмыслением истоков деколонизации и роли Соединенных Штатов в этом процессе. Авторы, исследовавшие эти вопросы, опирались преимущественно на широкий круг документов Государственного департамента, Пентагона, Управления стратегических служб, Федерального бюро расследований, источников личного происхождения и материалов периодической печати [Буранок, 2018]. При этом экспертные заключения по вопросам будущего колониальных систем во время Второй мировой войны за редким исключением [Barnes, 2015] оставались неохваченными.

В то же время именно в годы Второй мировой войны усилилось влияние многочисленных экспертных групп на принятие полити-

ческих решений. Деятельность данных аналитических центров, в более позднюю эпоху получивших наименование «фабрики мысли», осмысливали историки и политологи, прежде всего с позиций институционализма [Shepardson, 1960; Abelson, 2014; Roberts, 2015; Cox, 2022]. В рамках устоявшейся историографической традиции в центре таких исследований традиционно находятся вопросы аффилированности экспертов и особенности профессионального дискурса, содержание же их аналитических докладов и степень их влияния на стратегическое планирование, как правило, оказываются в тени [Medvetz, 2010, 2024; Hauck, 2017; Lindquist, 2021; Wellstead, Howlett, 2022]. Однако в последнее время наблюдается рост интереса к изучению содержания экспертных заключений при анализе формирования внешнеполитического курса США, отношения политических элит к важнейшим событиям международных отношений [Юнгблуд, Рычкова, 2012; Малкин, Буранок, 2022].

К началу Второй мировой войны в США действовало около 20 тысяч экспертных групп, специализировавшихся на международных отношениях. Они отличались друг от друга численным составом, уровнем профессионализма и степенью влияния на лиц, ответственных за принятие важных внешнеполитических решений [Barnes, 2015: 90]. Но среди этого большого количества аналитических институций совершенно особое место занимал Совет по международным отношениям (далее — Совет; СМО), в состав которого входили правительственные чиновники, финансисты, промышленники, юристы с Уолл-стрит и преподаватели университетов Лиги плюща [Shepardson, 1960: 11–15].

Как утверждает преподаватель Университета Канзаса Э. Эйзенах, такие организации, как СМО, приобрели «черты полугосударственных» институтов, выступавших, по их же словам, за «коллективные национальные интересы общества» [Eisenach, 1994: 131]. Совет с момента своего основания стремился реализовать данные цели [Grose, 1996: xiv] посредством создания дискуссионных групп, экспертных исследований, а также издания журнала «Foreign Affairs» и научных монографий по международным отношениям. Осенью 1939 г. им был утвержден «Проект по изучению проблем войны и мира» [Юнгблуд, Рычкова, 2012: 88]. Именно в годы Второй мировой войны усилилось влияние СМО на формирование внешнеполитического курса США, что подтверждается его аффилированностью с Госдепартаментом, Управлением стратегических служб и Фондом Рокфеллера. Так,

одним из кураторов «Проекта по изучению проблем войны и мира» был руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне Аллен Даллес [Barnes, 2015: 89].

Круг рассматриваемых Советом проблем включал анализ и прогнозирование боевых действий на всех фронтах Второй мировой войны, территориальных изменений в различных регионах мира и связанных с ними политических, экономических и финансовых трансформаций. К данному процессу подключались эксперты не только из США, но также из союзных стран. При этом необходимо иметь в виду двойственную природу экспертной деятельности, заключающейся в том, что аналитик одновременно выступает в качестве и публичного интеллектуала, представляющего собственные выводы, и наемного работника, лоббиста определенных интересов и идей [Medvetz, 2010; Nauck, 2017: 13–14], что неизбежно накладывало отпечаток на содержание их заключений.

Особое место в экспертной деятельности СМО на протяжении всей Второй мировой войны занимала проблема ревизии колониального вопроса, так как от ее решения прямо зависели послевоенная расстановка сил, мировая экономика и политическое развитие европейских империй. После коренного перелома в военных действиях в пользу союзников эксперты приступили к уже непосредственному стратегическому прогнозированию и планированию будущей трансформации колониальной системы с учетом геополитических интересов Соединенных Штатов. Многие из их предложений легли в основу внешнеполитического курса США по отношению к странам «третьего мира» в годы холодной войны [Магадеев, 2020; Чикаидзе, 2020], включая «Пункт-4» президента Г. Трумэна [Шенин, 2016].

Цель данной статьи — выявить позиции экспертов СМО в годы Второй мировой войны относительно политических и экономических перспектив развития колониальной системы и проблемы самоопределения народов зависимых стран.

С точки зрения методологии исследования в рамках данной статьи был использован системный подход к анализу исторических явлений, которые рассмотрены в динамике, взаимосвязи и взаимовлиянии с другими событиями и процессами. Автор опирался и на методологические принципы интеллектуальной истории, позволившие сосредоточиться не на анализе конкретных исторических событий, а на выявлении причин возникновения тех или иных идей и теорий, особенностей их развития, а также взаимосвязей

с современным для них культурным, социальным и политическим контекстом.

Состав экспертов

Во время Второй мировой войны к анализу будущего колониальной системы СМО привлек 27 экспертов, которых можно условно разделить на четыре группы.

1. Представители интересов европейских империй. В их число входили колониальные чиновники (бывший член Совета Индии сэръ Роберт Холланд, бывший губернатор Пенджаба лорд Хейли, губернатор Чада П.О. Лапье, бывший член Законодательного собрания Индии Джон Коутман, уполномоченный по реформам в Индии при правительстве Г.В. Хадсон).

2. Индийские интеллектуалы и политические деятели, такие как министр иностранных дел княжеского штата Биканер К.М. Паникар, публицист Б. Рао, один из лидеров Индийского национального конгресса, участник Движения несотрудничества и гражданского неповиновения, основатель партии «Сватантра» Ч. Раджагопалачария.

3. Представители академического сообщества, профессора ведущих университетов мира. В их число входили профессор публичного права в Мельбурнском университете К.Х. Бейли, профессор Лондонской школы экономики П.Т. Бауэр, профессор социологии в Университете Атланты, идеолог panaфриканского движения У.Э.Б. Дюбуа, преподаватель кафедры международных отношений Колумбийского университета Н. Пеффер, преподаватель Оксфордского университета Г.А.Р. Гибб и др.

4. Государственные служащие США и Великобритании. В их число входили министр иностранных дел Великобритании Э. Иден, политический советник генералиссимуса Чан Кайши О. Латтимор, директор Отдела территорий и островных владений в Министерстве внутренних дел Соединенных Штатов Р. Эмерсон, сотрудник Внешнеэкономического управления Ф. Лоример, специальный советник военного министра Г. Фейс, энсин¹ ВМС США Дж. Кармайкл и сотрудник Британской военной миссии в Багдаде полковник Дж. де Гори.

Подобный состав экспертов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, СМО в годы Второй мировой войны выступал

¹Энсин — младшее офицерское звание в сухопутных и военно-морских силах некоторых западных стран [*Прим. ред.*].

скорее дискуссионной площадкой, на которой представители различных заинтересованных групп могли озвучить свои взгляды на проблему колониализма. Во-вторых, данная экспертная институция стремилась к условной объективности, привлекая к анализу в том числе специалистов, не имевших явных связей с заинтересованными сторонами, прежде всего из числа академических ученых. В-третьих, состав экспертов показывает, что в центре внимания находились прежде всего вопросы будущего Британской империи, особенно ее главной колонии — Индии.

Модели реформирования колониальной системы

Рассматривая будущее колониальной системы, большая часть представителей американского экспертного сообщества исходили из положений Атлантической хартии², которая предусматривала право всех народов на самоопределение. При этом отмечалось, что данный принцип не носит универсального характера [Borgwardt, 2005: 29].

Как подчеркивал Р. Холланд, один из сторонников ограниченного прочтения данной концепции, корнями уходящей к «14 пунктам» В. Вильсона, «вино независимости — это пьянящий напиток для примитивных народов и неуправляемых групп, совершенно непригодных для того, чтобы занимать позицию суверенных государств»³. При этом Р. Холланд не был противником права народов на самоопределение как такового, но полагал, что его, во-первых, нужно заслужить, а во-вторых, что оно должно иметь международное признание. И в этом вопросе эксперт склонялся к мысли о реформировании колониальной системы «сверху вниз», путем контролируемой передачи суверенитета колониям от метрополий.

В целом эксперты СМО разделились по вопросу о будущем колоний на две группы.

Представители первой исходили из невозможности сохранения status quo в колониальных отношениях между метрополиями и периферией. В частности, известный американский востоковед, советник Чан Кайши в 1941 г. О. Латтимор писал: «...мир больше не может выживать наполовину демократическим и наполовину колониальным, наполовину подвластным и наполовину свободным»⁴.

² Atlantic Charter, August 14, 1941 // The Avalon Project. Available at: <https://avalon.law.yale.edu/wwii/atlantic.asp> (accessed: 15.02.2025).

³ Holland R. Trusteeship aspirations // Foreign Affairs. 1946. Vol. 25. No. 1. P. 121.

⁴ Lattimore O. The fight for democracy in Asia // Foreign Affairs. 1942. Vol. 20. No. 4. P. 704.

Да и править колониями только на основании прежних символов европейцы уже не могли, так как после оккупации странами «оси» их колониальных владений имперские власти утратили свой авторитет в глазах местных жителей⁵.

Помимо констатации фактического положения европейских империй эксперты предлагали свои варианты ревизии колониальной системы. В основном рекомендации сводились к предложениям модернизировать существующую мандатную систему, включив при этом в нее все колониальные владения и расширив тем самым сферу международного контроля. Обновленная мандатная система подразумевала создание региональных политических и экономических союзов, систем коллективной безопасности, программ местного развития⁶.

Данные предложения, на первый взгляд, не сильно меняли мандатную систему, но на деле усиливали позиции США и Австралии, ограничивая действия колониальных держав в регионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, распространяя на их владения, не входившие ранее в мандатную систему, положения Атлантической хартии и принципы политики «открытых дверей»⁷. Данные взгляды отстаивали директор Отдела территорий и островных владений в Министерстве внутренних дел США Р. Эмерсон, представитель французской резиновой промышленности Г. Рюэфф и австралийский юрист, ученый и политический деятель К.Х. Бейли, являвшийся советником делегации Австралии в Сан-Франциско.

Вторая группа экспертов прогнозировала активизацию национально-освободительных движений на окраинах европейских империй, прежде всего в Юго-Восточной и Восточной Азии, а также на Ближнем Востоке, что должно было стать новым вызовом международной системе безопасности⁸. В этом контексте следует отметить, что после 1943 г. эксперты СМО стали всё больше акцентировать внимание на влиянии СССР на эти процессы: по их мнению, Москва

⁵ Peffer N. Southeastern Asia in escrow // *Foreign Affairs*. 1942. Vol. 20. No. 3. P. 506.

⁶ Bailey K.H. Dependent areas of the Pacific: An Australian view // *Foreign Affairs*. 1946. Vol. 24. No. 3. P. 495–497, 504; Rueff G. The future of French Indo-China // *Ibid*. 1944. Vol. 23. No. 1. P. 145; Emerson R. The Dutch East Indies adrift // *Ibid*. 1940. Vol. 18. No. 4. P. 735–738; Bois Du B.W.E. The realities in Africa: European profit or Negro development? // *Ibid*. 1943. Vol. 21. No. 4. P. 732.

⁷ Bailey K.H. *Op. cit.* P. 504.

⁸ Peffer N. *Op. cit.* P. 514–516; Holland R. *Op. cit.* P. 126; Barents J. New trends in Dutch foreign policy // *Foreign Affairs*. 1947. Vol. 25. No. 2. P. 330; Bauer P.T. Nationalism and politics in Malaya // *Ibid*. 1947. Vol. 25. No. 3. P. 512–513.

стремилась активизировать деколонизационные процессы путем поддержки наиболее радикальных националистических групп, а борьба между западной и советской системами должна развернуться именно в колониях⁹.

Эксперты заявляли, что подобная ситуация могла привести колониальные администрации к искушению использовать прежние империалистические методы подавления мятежей, и предостерегали, что физическая ликвидация повстанцев и их лидеров в новых условиях послевоенного мира приведет к обратному эффекту. Подобные предложения основывались еще и на том, что, во-первых, мировая общественность не примет старые колониальные методы подавления мятежей, а во-вторых, экономическое состояние европейских империй не позволит вести масштабные боевые действия в колониях. Можно отметить, что данные положения экспертных докладов фактически являлись изложением стратегии «завоевания сердец и умов» [Малкин, 2023].

В ходе экспертной дискуссии между аналитиками СМО выкристаллизовалось несколько подходов к методам нейтрализации национально-освободительных движений.

Часть экспертов предлагали увеличить представительство местного населения в законодательных собраниях и органах исполнительной власти, тем самым передавая власть сверху вниз¹⁰. Одновременно с этим метрополии должны были продолжать обеспечивать внутреннюю и внешнюю безопасность своих колоний, сохранять равновесие между различными политическими, религиозными, национальными группами и экономико-социальными классами, а также способствовать росту благосостояния местного населения¹¹.

В свою очередь влиятельные политические деятели европейских империй — министр иностранных дел Великобритании Э. Иден, губернатор Чада П. Лапье и уполномоченный по реформам в Индии при правительстве Г.В. Хадсон — выступили с позиции дальнейшего увеличения количества самоуправляющихся колоний и расширения их полномочий. Так, Э. Иден предлагал немедленно после окончания войны предоставить статус доминиона Южной Родезии,

⁹ Bauer P.T. Op. cit. P. 503–517; Barents J. Op. cit. P. 328–333; Emerson R. Op. cit. P. 735–738; MacFadyen E. A political future for British Malaya // Pacific Affairs. 1944. Vol. 17. No. 1. P. 53.

¹⁰ Peffer N. Op. cit. P. 512.

¹¹ Hodson H.V. Responsibilities in India // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21. No. 4. P. 734.

Индии и Бирме¹², а Г. Хадсон — дать им больше прав в организации собственной обороны и взаимодействия с Британией¹³. П. Лапье выступал за реорганизацию Французской империи в федерацию¹⁴.

Часть экспертов вообще скептически относились к самой идее, что европейские империи способны самостоятельно реформировать системы отношений с колониями¹⁵. Так, Р. Эмерсон задавался вопросом: «...каким образом колониальный администратор может поддерживать контроль и власть, неся ответственность как перед своим колониальным ведомством, так и перед народом колонии, и в то же время лишиться себя контроля и полномочий путем предоставления туземным администраторам полного опыта самоуправления?»¹⁶.

При всех различиях в позициях экспертов СМО (часть которых выступали за усиление роли США в международных отношениях, а другие — за сохранение европейскими империями контроля над своими колониальными владениями), всех их объединяло одно — понимание того, что метрополии экономически будут не в состоянии сохранять довоенный уровень инвестиций в свои колониальные владения¹⁷. Отсюда и попытки спланировать возможные модели ревизии колониальной системы, которые могли бы одновременно сохранить влияние западных либеральных демократий, не допустив усиления позиций СССР, предотвратить новые вооруженные конфликты, а также способствовать большей интеграции бывших колониальных владений в мировую экономику.

Экономические аспекты послевоенной колониальной системы

Депутат Палаты общин от Оксфорда Кв. Хогг, выступая с докладом на заседании СМО, так суммировал ключевые экономические вопросы для будущего британской колониальной системы: «Можем ли мы [*британцы*] жить без наших африканских владений? Можем

¹²Eden A. Britain and the modern world // Foreign Affairs. 1947. Vol. 26. No. 1. P. 17.

¹³Hodson H.V. British foreign policy and the dominions // Foreign Affairs. 1939. Vol. 17. No. 4. P. 759.

¹⁴Lapie P.O. The new colonial policy of France // Foreign Affairs. 1944. Vol. 23. No. 1. P. 104–111.

¹⁵Broek J.O.M. Indonesia and the Netherlands // Pacific Affairs. 1943. Vol. 16. No. 3. P. 329.

¹⁶Emerson R. Destinies for Southeast Asia // Pacific Affairs. 1943. Vol. 16. No. 1. P. 75.

¹⁷Lord Hailey. India in the modern world: A British view // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21. No. 3. P. 401–411; Hall H.D. The British Commonwealth as a great power // Ibid. 1945. Vol. 23. No. 4. P. 594–608; Emerson R. Destinies for Southeast Asia... P. 79.

ли мы развивать наши африканские владения без европейской рабочей силы и американского капитала? Может ли американская торговля функционировать в Африке и Азии без политической помощи Великобритании?»¹⁸. В этом выступлении британского политика усматривался важный прогноз относительно возможных направлений послевоенной ревизии колониальной системы за счет активизации американской экономической деятельности в бывших колониях европейских держав и формирования «особых отношений» между Великобританией и США.

Подобные предложения, однако, шли вразрез с позицией, которую в тот момент занимал президент Ф. Рузвельт, намеревавшийся радикально снизить международную роль Европы [Приходько, 2021: 21]. В этих условиях эксперты, аффилированные с европейскими союзниками, пытались через СМО оказать давление на американские элиты, чтобы с их помощью сохранить политическое влияние колониальных держав, предоставив США в обмен необходимые ресурсы и рынки сбыта¹⁹.

В целом американские чиновники, входившие в состав СМО, такие как, например, директор Отдела территорий и островных владений в Министерстве внутренних дел Соединенных Штатов Р. Эмерсон и бывший советник по международным экономическим вопросам в Государственном департаменте, а в годы войны — специальный советник военного министерства Г. Фейс, благосклонно воспринимали такого рода предложения. Однако они требовали от колониальных властей увеличить покупательскую способность населения колоний и предоставить исчерпывающую информацию о природных ресурсах, находящихся на данных территориях²⁰. А американский демограф Ф. Лаример к этому добавлял необходимость ограничения рождаемости в странах Азии и Африки²¹. В связи с этим можно отметить существование в американских элитах определенных опасений, что экономические риски, связанные

¹⁸ Hogg Q. British policy: A conservative forecast // *Foreign Affairs*. 1943. Vol. 22. No. 1. P. 35.

¹⁹ Benson W. Labor problems in Southeast Asia // *Pacific Affairs*. 1943. Vol. 16. No. 4. P. 389.

²⁰ Emerson R. The Dutch East Indies adrift... P. 737–738; Feis H. The future of British imperial preferences // *Foreign Affairs*. 1946. Vol. 24. No. 4. P. 671.

²¹ Lorimer F. Population trends in the Orient // *Foreign Affairs*. 1945. Vol. 23. No. 4. P. 668–674.

с проникновением американского капитала в бывшие европейские колонии, могут превысить возможные преференции и доходы.

В этом контексте привлеченные Советом эксперты сосредоточили свое внимание прежде всего на тех странах и регионах, которые представляли несомненный интерес для Соединенных Штатов. Речь в первую очередь шла об Индии и Ближнем Востоке.

Индия рассматривалась экспертами как колония с большим количеством природных ресурсов, развитыми экономическими и политическими институтами, способная к стабильному росту экономики и обеспечению внутренней безопасности²². Даже возможное отделение Пакистана не ставило под сомнение данные выводы²³. Более того, Индия воспринималась в качестве гаранта стабильности в Азиатском регионе, как альтернатива Китаю и Японии²⁴.

Ближневосточные колонии также признавались одним из приоритетных направлений внешнеэкономической политики США, что было обусловлено как имеющимися там природными ресурсами, так и их стратегически важным географическим положением. Однако эксперты Совета видели риск в их политической разобщенности, который предлагали парировать созданием Ближневосточной федерации. В ее состав должны были войти Сирия, Ливан, Палестина, Трансиордания, Ирак, Египет и Саудовская Аравия²⁵. Данное государственное образование должно было находиться под влиянием США, а не бывших метрополий. Тем более что, как отмечал один из экспертов, «арабы смотрят на американцев как на великодушный народ, а на Соединенные Штаты — как на свободные от империалистических амбиций»²⁶. В таких высказываниях фактически

²² Coatman J. India today and tomorrow // *Foreign Affairs*. 1940. Vol. 18. No. 2. P. 314–323; Panikkar K.M. The princes and India's future // *Ibid*. 1943. Vol. 21. No. 3. P. 571–573; Behre C.H. India's mineral wealth and political future // *Ibid*. 1943. Vol. 22. No. 1. P. 80–81; Mitchell K.L. India today and tomorrow // *Pacific Affairs*. 1943. Vol. 16. No. 2. P. 185–188; Hodson H.V. Responsibilities in India... P. 733.

²³ Rao B.S. New social forces in India // *Foreign Affairs*. 1945. Vol. 23. No. 4. P. 635–643; Idem. After the war in India // *Pacific Affairs*. 1945. Vol. 18. No. 2. P. 179.

²⁴ Rajagopalacharia C. Reconciliation in India // *Foreign Affairs*. 1945. Vol. 23. No. 3. P. 424.

²⁵ Carmichael J. Prince of Arabs // *Foreign Affairs*. 1942. Vol. 20. No. 4. P. 731; Idem. Notes on Arab unity // *Ibid*. 1943. Vol. 22. No. 1. P. 153; Gibb H.A.R. Toward Arab unity // *Ibid*. 1945. Vol. 24. No. 1. P. 119–129; Gaury de G. The end of Arabian isolation // *Ibid*. 1946. Vol. 25. No. 1. P. 88.

²⁶ Julien C.-A. French difficulties in the Middle East // *Foreign Affairs*. 1946. Vol. 24. No. 2. P. 336.

содержался призыв к американским властям воспользоваться напряженными отношениями между европейскими колониальными державами и арабским населением, обманутым в надеждах получить независимость сразу после окончания Первой мировой войны.

Таким образом, анализ экономических аспектов возможной послевоенной ревизии колониальной системы экспертами СМО вращался вокруг вопросов ускоренной экспансии США на рынки бывших владений европейских империй, сопряженных с этим рисков и путей их преодоления. Именно в этом контексте следует рассматривать их повышенное внимание к Индии и Ближнему Востоку.

* * *

В целом можно констатировать, что в годы Второй мировой войны среди экспертов СМО сложился консенсус относительно неизбежности ревизии колониальной системы. В то же время они призывали к тому, чтобы процесс деколонизации был контролируемым: это должно было позволить избежать ожесточенных локальных конфликтов, потенциально угрожавших международной безопасности, а также усиления влияния в бывших колониальных владениях европейских империй как СССР, так и радикальных националистов.

Несмотря на всё разнообразие предлагаемых проектов и вариантов ревизии колониальной системы в послевоенное время — от реформирования существовавшей ранее мандатной системы, преобразования империй в федерации самоуправляющихся колоний до моментального предоставления независимости, все они основывались на необходимости формирования Pax Americana, вовлечения бывших колониальных владений в сферу влияния Соединенных Штатов. Предлагаемые экспертами модели будущего были направлены на утверждение Бреттон-Вудской системы, продвижение ценностей и принципов либеральной рыночной демократии.

В качестве опасного соперника в борьбе за сферы влияния в бывшем колониальном мире эксперты СМО рассматривали как Советский Союз (особенно после 1943 г.), так и европейских партнеров США. Представители европейских империй пытались доказать необходимость сохранения политического влияния метрополий над бывшими колониями в качестве гарантии их стабильного экономического развития и безопасности американского капитала, настаивая на способности европейских держав продолжать играть ведущую роль в мировой политике и на необходимости формирования «осо-

рых отношений» между ними и США. Наибольшую активность на этом направлении проявляли представители Британской империи.

Индийские политические и общественные деятели в свою очередь пытались убедить Соединенные Штаты в том, что они не просто готовы к независимости, но имеют все основания стать новым центром силы в Азиатском регионе как в экономическом, так и в политическом плане.

При этом большая часть экспертных заключений была лишена конкретики. Проекты, модели, рекомендации, изложенные в них, носили преимущественно общий характер, что, вероятно, объяснялось стремлением оставить широкое поле для маневров в плане как теоретических трактовок, так и их практического воплощения.

В целом эксперты Совета верно спрогнозировали общие тенденции развития колониальной системы в эпоху холодной войны, процессов деколонизации, борьбы за сферы влияния в странах Азии и Африки, рынки сбыта и ресурсы. Сам же Совет продемонстрировал свою роль значимой дискуссионной площадки для обсуждения различных проектов и предложений, что подтверждалось привлечением к экспертной деятельности не только представителей академического сообщества, но и влиятельных чиновников, государственных и общественных деятелей США, Великобритании, Франции и Индии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский М.И. Британские колонии Восточной Африки в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 1965. № 10. С. 89–98.
2. Буранок С.О. Колониальная система в оценках американской прессы: баланс и перспективы в 1945 г. // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 96–109.
3. Долматова Е.А. Шарль де Голль и формирование новой колониальной политики Франции в годы Второй мировой войны // Наука и современность. 2010. № 7–1. С. 57–63.
4. Магадеев И.Э. «Уроки войны» и стратегическое планирование держав «большой тройки» (1945–1949) // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 3. С. 45–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-45-84.
5. Малкин С.Г. Доктрина малых войн Корпуса морской пехоты США и колониальный опыт европейских держав // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 3. С. 87–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-87-124.

6. Малкин С.Г., Буранок С.О. Разработка корпорацией РЭНД практических рекомендаций для вооруженных сил США во Вьетнаме на основе анализа опыта борьбы Японии с маньчжурскими повстанцами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 81–89. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.7.

7. Мырсина Е.М. Подготовка к осуществлению колониальных планов фашистской Германии в первый период Второй мировой войны (сентябрь 1939 г. — декабрь 1940 г.) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. 1974. № 3. С. 80–100.

8. Приходько О.В. США — Великобритания: «особые отношения» и современные вызовы // Россия и Америка в XXI веке. 2021. № 2. DOI: 10.18254/S207054760015893-9.

9. Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 2. С. 5–19.

10. Чикаидзе Ц.М. Великие державы на Ближнем Востоке (1945–1956 годы): спектр взаимодействия // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 83–97. DOI: 10.31857/S013038640010326-6.

11. Шенин С.Ю. Реализация американской программы «пункта-4»: региональная специфика (1950–1953 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 449–453. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-449-453.

12. Юнгблюд В.Т., Рычкова О.В. «Foreign Affairs»: освещение войны на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 4. С. 88–93.

13. Abelson D.E. Old world, new world: The evolution and influence of foreign affairs think-tanks // International Affairs. 2014. Vol. 90. No. 1. P. 125–142. DOI: 10.1111/1468-2346.12099.

14. Barnes D. Think tanks and a new order in East Asia: The Council of Foreign Relations and the Institute of Pacific Relations during World War II // Journal of American-East Asian Relations. 2015. Vol. 22. No. 2. P. 89–119. DOI: 10.1163/18765610-02202002.

15. Borgwardt E. A new deal for the world: America's vision for human rights. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005.

16. Cox M. What do think tanks do? Chatham House in search of the United States // International Politics. 2022. Vol. 59. P. 206–226. DOI: 10.1057/s41311-021-00295-3.

17. Eisenach E.J. The lost promise of progressivism. Lawrence: Kansas University Press, 1994.

18. Grose P. Continuing the inquiry: The Council on Foreign Relations from 1921 to 1996. New York: Council on Foreign Relations, 1996.

19. Hauck J.C.R. What are 'think tanks'? Revisiting the dilemma of the definition // *Brazilian Political Science Review*. 2017. Vol. 11. No. 2. P. 1–30. DOI: 10.1590/1981-3821201700020006.

20. Hawksley C., Ward R. Ripples of decolonisation in the Asia-Pacific // *Portal: Journal of Multidisciplinary International Studies*. 2019. Vol. 16. No. 1/2. P. 1–10. DOI: 10.5130/pjmis.v16i1-2.6824.

21. Lahiri S. Performing anti-colonial military identities in the Rani of Jhansi Regiment, 1943–1945: War, diasporic women and decolonisation // *Gender & History*. 2024. Vol. 36. No. 2. P. 602–619. DOI: 10.1111/1468-0424.12677.

22. Lindquist E. Think tanks and policy communities: Analysing policy influence and learning from the analogue to the digital era // *Handbook on think tanks in public policy* / Ed. by D.E. Abelson, C.J. Rastrick. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 100–118.

23. Medvetz T. On the strength of lesser fields: A reflection on public policy think tanks and the concept of interstitial fields // *Bringing Bourdieu's theory of fields to critical policy analysis* / Ed. by V. Dubois. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024. P. 173–187.

24. Medvetz T. 'Public policy is like having a vaudeville act': Languages of duty and difference among think tank-affiliated policy experts // *Qualitative Sociology*. 2010. Vol. 33. P. 549–562. DOI: 10.1007/s11133-010-9166-9.

25. Metschl V.L. 'They did not die for France!' Deportation under collaboration and colonialism during the Second World War // *NAQD*. 2024. Vol. 43. No. 1. P. 58–72. DOI: 10.3917/naqd.043.0058.

26. Ntabeni M.N. Military labour mobilisation in colonial Lesotho during World War II, 1940–1943 // *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*. 2008. Vol. 36. No. 2. P. 36–59. DOI: 10.5787/36-2-51.

27. Nwaubani E. The United States and the liquidation of European colonial rule in Tropical Africa, 1941–1963 // *Cahiers d'études africaines*. 2003. Vol. 171. P. 505–551. DOI: 10.4000/etudesafricaines.214.

28. Orders P. 'Adjusting to a new period in world history': Franklin Roosevelt and European colonialism // *The United States and decolonization: Power and freedom* / Ed. by D. Ryan, V. Pungong. London: Macmillan Press Ltd., 2000. P. 63–84.

29. Presto A. Franklin D. Roosevelt and America's empire of anti-imperialism // *Rhetorics of empire: Languages of colonial conflict after 1900* / Ed. by M.C. Thomas, R. Toye. Manchester: Manchester University Press, 2017. P. 75–90.

30. Roberts P. A century of international affairs think tanks in historical perspective // *International Journal*. 2015. Vol. 70. No. 4. P. 535–555. DOI: 10.1177/0020702015590591.

31. Sebraga J.J. The anticolonial policies of Franklin D. Roosevelt: A reappraisal // *Political Science Quarterly*. 1986. Vol. 101. No. 1. P. 65–84. DOI: 10.2307/2151444.

32. Shepardson W.H. Early history of the Council on Foreign Relations. Stamford: The Overbrook Press, 1960.

33. Smith T.O. Churchill, America and Vietnam, 1941–45. London: Palgrave Macmillan, 2011.

34. Stockwell A.J. Colonial planning during World War II: The case of Malaya // *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1974. Vol. 2. No. 3. P. 333–351. DOI: 10.1080/03086537408582416.

35. Wellstead A.M., Howlett M. (Re)Thinking think tanks in the age of policy labs: The rise of knowledge-based policy influence organisations // *Australian Journal of Public Administration*. 2022. Vol. 81. No. 1. P. 224–232. DOI: 10.1111/1467-8500.12528.

REFERENCES

1. Braginskii M.I. 1965. Britanskii kolonii Vostochnoi Afriki v gody Vtoroi mirovoi voiny [The British colonies in East Africa during the Second World War]. *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 89–98. (In Russ.)

2. Buranok S.O. 2018. Kolonial'naya sistema v otsenkakh amerikanskoi pressy: balans i perspektivy v 1945 g. [The colonial system: Balance and its future as seen in the American press of 1945]. *Dialog so vremenem*, no. 63, pp. 96–109. (In Russ.)

3. Dolmatova E.A. 2010. Sharl' de Goll' i formirovanie novoi kolonial'noi politiki Frantsii v gody Vtoroi mirovoi voiny [Charles de Gaulle and the formation of France's new colonial policy during World War II]. *Nauka i sovremennost'*, no. 7–1, pp. 57–63. (In Russ.)

4. Magadeev I.E. 2020. 'Uroki voiny' i strategicheskoe planirovanie derzhav 'bol'shoi troiki' (1945–1949) [Lessons of World War II and strategic planning of the Big Three (1945–1949)]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 12, no. 3, pp. 45–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-45-84. (In Russ.)

5. Malkin S.G. 2023. Doktrina malykh voyn Korpusa morskoi pekhoty SShA i kolonial'nyi opyt evropeiskikh derzhav [The small wars doctrine of the US Marine Corps and colonial experience of the European powers]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 3, pp. 87–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-3-87-124. (In Russ.)

6. Malkin S.G., Buranok S.O. 2022. Razrabotka korporatsiei REND prakticheskikh rekomendatsii dlya vooruzhennykh sil SShA vo V'etname na osnove analiza opyta bor'by Yaponii s man'chzhurskimi povstantsami [Development by RAND Corporation of practical guidelines for the U.S. Armed Forces in Vietnam based on analysis of Japanese experience with the Manchurian rebels]. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 27, no. 2, pp. 81–89. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.7. (In Russ.)

7. Myrsina E.M. 1974. Podgotovka k osushchestvleniyu kolonial'nykh planov fashistskoi Germanii v pervyi period Vtoroi mirovoi voiny (sentyabr' 1939 g. —

dekabr' 1940 g.) [Preparation for the implementation of Nazi Germany's colonial plans during the initial phase of World War II (September 1939 — December 1940)]. *Balkany i Blizhnii Vostok v noveishee vremya*, no. 3, pp. 80–100. (In Russ.)

8. Prikhod'ko O.V. 2021. SSHa — Velikobritaniya: 'osobyie otnosheniya' i sovremennye vyzovy [US-UK: 'Special relationship' and current challenges]. *Russia and America in the 21st century*, no. 2. DOI: 10.18254/S207054760015893-9. (In Russ.)

9. Fursov K.A. 2015. Dekolonizatsiya afro-aziatskogo mira: predposylki, etapy, modeli [Decolonization of the Afro-Asian world: Prerequisites, stages and models]. *Vostok (Oriens)*, no. 2, pp. 5–19. (In Russ.)

10. Chikaidze Ts.M. 2020. Velikie derzhavy na Blizhnem Vostoke (1945–1956 gody): spektr vzaimodeistviya [The great powers in the Middle East (1945–1956): The range of interaction]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 83–97. DOI: 10.31857/S013038640010326-6. (In Russ.)

11. Shenin S.Yu. 2016. Realizatsiya amerikanskoi programmy 'punkta-4': regional'naya spetsifika (1950–1953 gg.) [The realization of the American 'Point-4' program: The regional specificity (1950–1953)]. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 16, no. 4, pp. 449–453. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-449-453. (In Russ.)

12. Yungblyud V.T., Rychkova O.V. 2012. 'Foreign Affairs': osveshchenie voyny na sovetsko-germanskom fronte v 1941–1945 gg. ['Foreign Affairs': Publicizing of war on the Soviet-German front in 1941–1945]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, vol. 1, no. 4, pp. 88–93. (In Russ.)

13. Abelson D.E. 2014. Old world, new world: The evolution and influence of foreign affairs think-tanks. *International Affairs*, vol. 90, no. 1, pp. 125–142. DOI: 10.1111/1468-2346.12099.

14. Barnes D. 2015. Think tanks and a new order in East Asia: The Council of Foreign Relations and the Institute of Pacific Relations during World War II. *Journal of American-East Asian Relations*, vol. 22, no. 2, pp. 89–119. DOI: 10.1163/18765610-02202002.

15. Borgwardt E. 2005. *A new deal for the world: America's vision for human rights*. Cambridge, The Belknap Press of Harvard University Press.

16. Cox M. 2022. What do think tanks do? Chatham House in search of the United States. *International Politics*, vol. 59, pp. 206–226. DOI: 10.1057/s41311-021-00295-3.

17. Eisenach E.J. 1994. *The lost promise of progressivism*. Lawrence, Kansas University Press.

18. Grose P. 1996. *Continuing the inquiry: The Council on Foreign Relations from 1921 to 1996*. New York, Council on Foreign Relations.

19. Hauck J.C.R. 2017. What are 'think tanks'? Revisiting the dilemma of the definition. *Brazilian Political Science Review*, vol. 11, no. 2, pp. 1–30. DOI: 10.1590/1981-3821201700020006.

20. Hawksley C., Ward R. 2019. Ripples of decolonisation in the Asia-Pacific. *Portal: Journal of Multidisciplinary International Studies*, vol. 16, no. 1/2, pp. 1–10. DOI: 10.5130/pjmis.v16i1-2.6824.

21. Lahiri S. 2024. Performing anti-colonial military identities in the Rani of Jhansi Regiment, 1943–1945: War, diasporic women and decolonization. *Gender & History*, vol. 36, no. 2, pp. 602–619. DOI: 10.1111/1468-0424.12677.

22. Lindquist E. 2021. Think tanks and policy communities: Analysing policy influence and learning from the analogue to the digital era. In: Abelson D.E., Rastrick C.J. (eds.). *Handbook on think tanks in public policy*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 100–118.

23. Medvetz T. 2024. On the strength of lesser fields: A reflection on public policy think tanks and the concept of interstitial fields. In: Dubois V. (ed.). *Bringing Bourdieu's theory of fields to critical policy analysis*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 173–187.

24. Medvetz T. 2010. 'Public policy is like having a vaudeville act': Languages of duty and difference among think tank-affiliated policy experts. *Qualitative Sociology*, vol. 33, pp. 549–562. DOI: 10.1007/s11133-010-9166-9.

25. Metschl V.L. 2024. 'They did not die for France!' Deportation under collaboration and colonialism during the Second World War. *NAQD*, vol. 43, no. 1, pp. 58–72. DOI: 10.3917/naqd.043.0058.

26. Ntabeni M.N. 2008. Military labour mobilisation in colonial Lesotho during World War II, 1940–1943. *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*, vol. 36, no. 2, pp. 36–59. DOI: 10.5787/36-2-51.

27. Nwaubani E. 2003. The United States and the liquidation of European colonial rule in Tropical Africa, 1941–1963. *Cahiers d'études africaines*, vol. 171, pp. 505–551. DOI: 10.4000/etudesafricaines.214.

28. Orders P. 2000. 'Adjusting to a new period in world history': Franklin Roosevelt and European colonialism. In: Ryan D., Pungong V. (eds.). *The United States and decolonization: Power and freedom*. London, Macmillan Press Ltd., pp. 63–84.

29. Presto A. 2017. Franklin D. Roosevelt and America's empire of anti-imperialism. In: Thomas M.C., Toye R. (eds.). *Rhetorics of empire: Languages of colonial conflict after 1900*. Manchester, Manchester University Press, pp. 75–90.

30. Roberts P. 2015. A century of international affairs think tanks in historical perspective. *International Journal*, vol. 70, no. 4, pp. 535–555. DOI: 10.1177/0020702015590591.

31. Sebrega J.J. 1986. The anticolonial policies of Franklin D. Roosevelt: A reappraisal. *Political Science Quarterly*, vol. 101, no. 1, pp. 65–84. DOI: 10.2307/2151444.

32. Shepardson W.H. 1960. *Early history of the Council on Foreign Relations*. Stamford, The Overbrook Press.

33. Smith T.O. 2011. *Churchill, America and Vietnam, 1941–45*. London, Palgrave Macmillan.

34. Stockwell A.J. 1974. Colonial planning during World War II: The case of Malaya. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*, vol. 2, no. 3, pp. 333–351. DOI: 10.1080/03086537408582416.

35. Wellstead A.M., Howlett M. 2022. (Re)Thinking think tanks in the age of policy labs: The rise of knowledge-based policy influence organisations. *Australian Journal of Public Administration*, vol. 81, no. 1, pp. 224–232. DOI: 10.1111/1467-8500.12528.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 19.03.2025

The paper was submitted 21.11.2024;
approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 19.03.2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-162-202

Научная статья / Research paper

А.А. Сидоров*

«ТИХООКЕАНСКАЯ ПАКТОМАНИЯ»: У ИСТОКОВ САН-ФРАНЦИССКОЙ СИСТЕМЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, г. Москва, Ленинские горы, 1*

В течение почти 80 лет после окончания Второй мировой войны военно-политические союзы Соединенных Штатов находились в центре регионального порядка как в Западной Европе, так и в Восточной Азии. В настоящее время послевоенная сеть альянсов США остается ключевым компонентом их политики в области международной безопасности, в основе которой лежит сохранение военного превосходства над нынешними и потенциальными соперниками на Евразийском континенте. При этом подходы США к выстраиванию союзнических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе с самого начала отличались ярко выраженной спецификой. Чтобы лучше понять ее, а также выявить общие принципы формирования региональной политики США, представляется целесообразным обратиться к изучению генезиса так называемой Сан-Францисской системы — комплекса военно-политических договоренностей Вашингтона с азиатскими странами, сложившегося в первые годы холодной войны. Ядром этой системы стала серия соглашений между США и рядом региональных игроков, включая Японию, Филиппины, Австралию, Новую Зеландию, Республику Корея и Тайвань. В статье подробно проанализированы ход переговоров и содержание договоров между Соединенными Штатами и каждой из указанных стран. Эти договоры, по мнению автора, можно условно разделить на «гарантийные» и «перестраховочные». Примером договора первого типа служит тройственный Тихоокеанский пакт безопасности с Австралией и Новой Зеландией, который обеспечивал союзникам гарантии со стороны США в случае возрождения японского милитаризма. К «перестраховочным» следует отнести договоры о взаимной безопасности с Республикой Корея и Тайванем. Заключая их, США стремились, с одной стороны, обе-

* Сидоров Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aas107@mail.ru).

спечить безопасность важных для стратегии «отбрасывания коммунизма» союзников, а с другой — застраховаться на случай авантюрных шагов их руководителей, минимизировав риск собственного вовлечения в ядерную войну с «коммунистическим блоком». Для описания получившейся структуры союзнических отношений стали использовать образ «колеса с втулкой и спицами». Такая «геометрия» связей «тихоокеанского кольца» оказалась достаточно устойчивой, и, как следствие, Сан-Францисская система, которая первоначально носила ситуативный характер, продолжает, пусть и в несколько измененном виде, существовать по сей день.

Ключевые слова: Сан-Францисская система, Ялтинско-Потсдамский порядок, модель «втулки и спиц», Тихоокеанский пакт, США, Япония, АНЗЮС, холодная война, Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр, Дж.Ф. Даллес, Ли Сын Ман, Чан Кайши, военный союз

Для цитирования: Сидоров А.А. «Тихоокеанская пактомания»: у истоков Сан-Францисской системы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 162–202. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-162-202.

Andrey A. Sidorov

**THE PACIFIC PACTOMANIA:
AT THE ORIGINS OF THE SAN FRANCISCO SYSTEM**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

For almost 80 years after the end of World War II, the U.S. military and political alliances formed the core of the regional order in both Western Europe and East Asia. Nowadays, the post-war network of American alliances remains a key component of their international security policy, aimed at ensuring military superiority over existing and potential rivals on the Eurasian continent. At the same time, the U.S. approaches to alliance building in the Pacific had certain peculiarities from the very beginning. In order to better understand them, as well as to identify the general principles of U.S. regional policymaking, it seems appropriate to study the genesis of the so-called San Francisco system, a complex of military-political arrangements between the United States and Asian states that developed in the early years of the Cold War. The core of this system is a series of agreements between the United States and a number of regional actors, including Japan, the Philippines, Australia, New Zealand, the Republic of Korea, and Taiwan. The article examines the course of negotiations and the content of

agreements between the United States and each of these countries. According to the author, these agreements can be roughly divided into 'guarantee' and 're-insurance' treaties. The former can be exemplified by the triple Pacific Security Treaty engaging Australia and New Zealand, which provided the allies with U.S. guarantees in the event of resurging Japanese militarism; mutual security agreements with the Republic of Korea and Taiwan stand for the latter. By concluding them, the United States sought, on the one hand, to guarantee the security of the allies crucial for the 'Roll-back of Communism' strategy, and, on the other, to ensure against any reckless steps by their leaders, minimizing the risk of the U.S. involvement in a nuclear war with the 'Communist bloc'. The image of a 'wheel with a hub and spokes' was used to describe the established structure of allied relations. This 'geometry' of the links within the Pacific Rim appeared to be quite stable and, as a result, the San Francisco system, which was initially ad hoc, continues to exist today, albeit in a somewhat modified form.

Keywords: San Francisco system, Yalta-Potsdam order, hub-and-spoke system, Pacific Pact, United States, Japan, ANZUS, Cold War, Harry Truman, Dwight Eisenhower, John Dulles, Syngman Rhee, Chiang Kai-shek, military alliance

About the author: *Andrey A. Sidorov* — PhD (History), Associate Professor, Head of the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aas107@mail.ru).

For citation: Sidorov A.A. 2025. The Pacific pactomania: At the origins of the San Francisco system. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 162–202. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-162-202. (In Russ.)

Среди крупных держав современного мира только Соединенные Штаты Америки располагают широкой сетью оформленных договорами военно-политических союзов, многие из которых возникли еще в первые годы холодной войны. Самым крупным и известным среди них была созданная в 1949 г. Организация Североатлантического договора (НАТО), которая в период биполярного противостояния с Советским Союзом являлась несущей конструкцией в архитектуре «сдерживания коммунизма». Она и по сей день остается важным инструментом американской внешней политики, и именно ей отдается пальма первенства при рассмотрении системы военно-политических альянсов, ключевым участником которых являются США. Гораздо

меньше внимания уделяется союзам, которые Вашингтон заключил со странами, расположенными на противоположной оконечности Евро-Азиатского континента. В конце 1940-х годов на Дальнем Востоке Соединенные Штаты предпринимали попытки формирования Тихоокеанского пакта, своего рода «азиатской НАТО», который должен был строиться по образу и подобию Североатлантического блока и выполнять аналогичные задачи [Сидоров, 2020]. Однако эти попытки оказались тщетными, и вместо многостороннего объединения в Тихоокеанском бассейне возникла целая система двусторонних альянсов во главе с Соединенными Штатами, получившая название «Сан-Францисская система».

Изначально ее ядром были двусторонние соглашения США по безопасности с Филиппинами и Японией, а также трехсторонний договор с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС; Australia, New Zealand, United States — ANZUS), подписанные на полях международной конференции в Сан-Франциско в сентябре 1951 г., где был заключен мирный договор с Японией. В следующие три года Сан-Францисская система была дополнена еще двумя двусторонними пактами США — с Южной Кореей и Тайванем. Ее качественной характеристикой стало наличие безусловного лидера в лице Вашингтона, который объединял других участников, не состоявших в союзных отношениях друг с другом. Для описания сложившейся структуры стали использовать образ «колеса с втулкой и спицами» (*hub-and-spoke alliance*). США («втулка») были в нем главным элементом, посредством которого осуществлялась связь между остальными союзными государствами («спицами»). Такая «геометрия» связей «тихоокеанского кольца» оказалась достаточно устойчивой и продолжает существовать по сей день.

Разрушение установленного после окончания холодной войны однополярного мирового порядка во главе с США и возвращение к великодержавному соперничеству, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе, обусловили повышение интереса к прошлому и настоящему Сан-Францисской системы, доказавшей свою жизнеспособность [см., например: The San Francisco System..., 2015; Denmark, 2020; Tow, Anwar, 2020; Rethinking the San Francisco System..., 2022; Barbantan, 2024]. Почему Соединенные Штаты, создававшие во всех других регионах мира многосторонние альянсы, в Восточной Азии предпочли заключать двусторонние договоры? Конструктивисты, например, говорят об отсутствии коллективной идентичности

между США и их азиатскими союзниками [Hemmer, Katzenstein, 2002], о чувствительности последних к любым проявлениям посягательства крупных держав на их вновь обретенный суверенитет [Acharya, 2009], а также об «исторической памяти», хранящей воспоминания о зверствах японской военщины до и во время Второй мировой войны [Shin, Sneider, 2016]. Реалисты фокусируют внимание на материальной стороне вопроса, считая, что Вашингтон предпочел двусторонний подход многостороннему, стремясь при меньших затратах добиться большего влияния на своих не вполне «адекватных» союзников [Press-Barnathan, 2003; Cha, 2016]. В данной статье предпринята попытка выяснить мотивы, которыми руководствовались создававшие Сан-Францисскую систему Соединенные Штаты, а также рассмотреть методы, использованные для достижения своих целей администрациями Гарри Трумэна и Дуайта Эйзенхауэра.

Администрация Г. Трумэна и Тихоокеанский пакт

Холодная война изначально была европейским феноменом, хотя организующий принцип биполярности, который олицетворяли отношения США и СССР в Европе, оказывал заметное влияние на формирование послевоенного устройства и в других регионах мира, включая Восточную Азию. Однако в силу своей удаленности и неопределенности перспектив развития она тогда не представляла для Вашингтона и Москвы большого интереса ни с экономической, ни с военной точки зрения. Хотя нарастание противоречий между двумя сверхдержавами, конечно, затрудняло работу межсоюзнических органов, таких как Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии, они вплоть до конца 1940-х годов демонстрировали явное нежелание вступать друг с другом в военно-политическую конфронтацию в регионе. Изначально обе державы не хотели восстановления сильной Японии, которой американцы управляли единолично, в отличие от поделенной на зоны и ставшей «яблоком раздора» между бывшими союзниками Германии. США и СССР де-факто признали разделение на два государства Кореи и относительно легко осуществили вывод своих войск с ее территории [см. подробнее: Тихомиров, 1998]. Они не были заинтересованы в возобновлении «замороженной» ради борьбы с японскими оккупантами гражданской войны в Китае, с новой силой вспыхнувшей в 1946 г. Обе державы придерживались в целом негативной позиции по вопросу сохранения колониальных империй и фактически дис-

танцировались от постколониальных конфликтов в Юго-Восточной Азии во второй половине 1940-х годов.

Учитывая расстановку сил на дальневосточном театре, вашингтонские стратеги не считали нужным формировать здесь мощный противовес СССР, ожидая исхода гражданской войны в Китае. Несмотря на попытки отдельных политических деятелей, например австралийского министра иностранных дел Герберта В. Эватта, создать структуры по обеспечению безопасности в Тихоокеанском бассейне [см. подробнее: Barclay, 1977], администрация Г. Трумэна не желала нарушать сложившийся баланс сил и намеревалась обеспечить стабильность в регионе посредством механизмов ООН [цит. по: Thompson, 2017: 2]. 25 апреля 1946 г. исполнявший обязанности госсекретаря США Дин Ачесон сообщил американскому послу в Лондоне, что Госдепартамент считает «преждевременным» и «нецелесообразным» создание региональной оборонительной структуры¹. Аналогичного мнения придерживались и военные, полагавшие, что «завоевание Советским Союзом <...> Азии даст ему мало военных преимуществ и существенно не увеличит его общей военной потенциал» [цит. по: Gaddis, 1987: 78].

Поскольку основным средством проецирования американской мощи в Восточной Азии служили военно-морские и военно-воздушные силы, ключевым условием закрепления там США и недопущения появления нового гегемона было установление полного контроля над островными и прибрежными территориями. К такому выводу еще летом 1945 г. пришли эксперты Объединенного комитета военного планирования, предлагавшие создать барьер из военных баз, размещенных на островах вдоль азиатского побережья Тихого океана [цит. по: McIntyre, 1995: 91–96]. В конце 1940-х годов эта идея оформилась в концепцию «тихоокеанского оборонительного периметра», суть которой состояла в том, что США следует размещать вооруженные силы не на материке, а на островах от Японии до Филиппин, опираясь на свою авиацию и флот [цит. по: Gaddis, 1987: 74].

При таком подходе неудивительно, что Государственный департамент последовательно отклонял любые попытки азиатских поли-

¹ The Acting Secretary of State to the Ambassador in the United Kingdom (Harriman), Washington, April 27, 1946 // Foreign relations of the United States, 1946. Vol. 5: The British Commonwealth, Western and Central Europe. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1969. P. 34. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/BJWNOR72HB7DK8T/E/file-fbf0a.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

тиков и дипломатов обсудить вопрос о заключении регионального оборонительного пакта с участием США. Американцы отвергли инициативу образования «могущественной постоянной организации азиатских стран для охраны Дальнего Востока от коммунизма или другой иностранной идеологии»², выдвинутую филиппинским послом в ООН Карлосом Ромуло на проходившей в январе 1949 г. в Дели конференции государств Азии и Ближнего Востока. 20 марта 1949 г., т.е. через два дня после публикации проекта договора о создании НАТО, президент Филиппин Эльпидио Кирино в интервью для прессы вновь озвучил идею образования Тихоокеанского пакта и через поверенного в делах США в Маниле Томаса Локетта обратился к Вашингтону с просьбой ее поддержать³.

Администрация Г. Трумэна оказалась в очень непростой ситуации. Долгое время Филиппины были, по сути, колонией США и даже после обретения в июле 1946 г. суверенитета продолжали зависеть от Вашингтона. 14 марта 1947 г. между странами был подписан договор о размещении на филиппинской территории американских военных баз, который стал первым военным соглашением США в Азии⁴. Однако внутривосточная обстановка на Филиппинах оставалась крайне сложной: на фоне хозяйственной разрухи и падения уровня жизни страну захлестнула волна стачек и крестьянских волнений. Э. Кирино, занявший президентский пост в апреле 1948 г. после смерти своего предшественника, силой подавлял народные выступления [см. подробнее: Левтонова, 1979: 155–157]. Выдвигая идею пакта, он, по мнению американских дипломатов в Маниле, хотел добиться увеличения военной помощи США в преддверии

² Asians urged to form bloc against aggression // *The Argus*. January 21, 1949. No. 31. P. 1. Available at: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/page/1717692> (accessed: 05.03.2025). Участниками конференции были Афганистан, Австралия, Бирма, Цейлон, Египет, Эфиопия, Индия, Ирак, Иран, Ливан, Пакистан, Филиппины, Саудовская Аравия, Сирия, Йемен и в качестве наблюдателей — Непал, Новая Зеландия, Таиланд и Тайвань.

³ The Chargé in the Philippines (Lockett) to the Secretary of State, Manila, March 22, 1949 // *Foreign relations of the United States, 1949*. Vol. 7: The Far East and Australasia. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1976. P. 1125. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/NBQI2WRWVSMCS8F/E/file-b0acd.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁴ Agreement Concerning Military Bases, Manila, March 14, 1947 // U.S. Naval War College Digital Commons. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2158&context=ils> (accessed: 05.03.2025).

намеченных на осень 1949 г. президентских выборов и отвлечь внимание избирателей от коррупции в своем кабинете. В итоге 16 апреля 1948 г. Госдепартамент поручил американскому послу уведомить филиппинского лидера, чтобы тот не питал иллюзий относительно поддержки его идеи Вашингтоном⁵.

Отвергая пакт, США учитывали позицию других азиатских стран, многие из которых без энтузиазма встретили филиппинскую инициативу и желали получить от Америки прежде всего экономическую, а не военную помощь. Из азиатских лидеров эта идея заинтересовала только президента вновь образованной Республики Корея Ли Сын Мана и главу правительства Китайской Республики Чан Кайши, которые увидели в ней инструмент для решения собственных проблем. В Вашингтоне прекрасно понимали их истинные намерения, поэтому 20 июля 1949 г. Д. Ачесон отправил в дипмиссии США на Дальнем Востоке специальную телеграмму, в которой отмечалось, что «департамент рассматривает предложение Чан Кайши — Кирино о Тихоокеанском союзе прежде всего как инициативу Чана и Ли [Сын Мана], направленную на поиск дополнительных средств для обращения за американской военной помощью и влияния с этой целью на американское общественное мнение»⁶. Удовлетворять амбиции этих двух азиатских лидеров в Госдепартаменте не собирались. Точка в дискуссиях о Тихоокеанском пакте была поставлена 12 января 1950 г., когда в своем выступлении в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне Д. Ачесон публично и четко обозначил границы «тихоокеанского оборонительного периметра», оставив вне его пределов Южную Корею и Тайвань⁷.

Однако во второй половине 1949 — начале 1950 г. в регионе произошли события, которые вынудили США скорректировать свое отношение к военным альянсам на Дальнем Востоке. В августе 1949 г. СССР впервые провел испытание атомной бомбы. Война за независимость в Индонезии завершилась поражением голландских колонизаторов. Успехи национально-освободительных сил во Вьетнаме поставили в тяжелое положение французский экспе-

⁵ Ibid. P. 1142.

⁶ Ibid. P. 1170.

⁷ Crisis in Asia — An examination of U.S. policy: Remarks by Secretary Acheson // The Department of State Bulletin. January 23, 1950. Vol. XXII. No. 551. P. 111–119. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=msu.31293000897037&seq=111> (accessed: 05.03.2025).

диционный корпус, воевавший за сохранение владений Франции в Индокитае. Но самым тревожным сигналом для США стала победа коммунистов в гражданской войне в Китае, в результате которой 1 октября 1949 г. официально было объявлено создание Китайской Народной Республики (КНР). Соединенные Штаты попытались организовать дипломатическую кампанию по непризнанию «коммунистического Китая», но оказались в меньшинстве. Даже их верный союзник Великобритания 6 января 1950 г. де-юре признала КНР [цит. по: Tang, 1967: 371], а заключение 14 февраля 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, подтвердившего выбор внешнеполитической ориентации КНР, окончательно расставило всё по своим местам. Выход на мировую арену союзной с СССР державы с населением, составлявшим около четверти жителей планеты, кардинально изменил ситуацию как в регионе, так и в мире в целом.

Под влиянием событий в Китае в США ускорился процесс пересмотра американской политики на дальневосточном направлении. Если прежде она формировалась на двусторонней основе с каждой страной в отдельности, то с конца 1949 г. Восточную Азию и Тихий океан в Вашингтоне начали рассматривать как единый регион, и проводимая там политика обрела комплексный характер. Новый подход нашел отражение в секретных директивах Совета национальной безопасности (СНБ) — СНБ-48/1 и СНБ-48/2, утвержденных президентом Г. Трумэнном 23 и 29 декабря 1949 г. соответственно. Главной целью американской политики на Дальнем Востоке отныне стало предотвращение распространения «влияния коммунистов» на восток от азиатского материка. Для ее достижения правительству США рекомендовалось поддерживать «оборонительный периметр», использовать любые меры для усиления «разногласий между китайскими коммунистами и СССР», обеспечивать безопасность Японии и оказывать военную помощь Южной Корее и Тайваню⁸. Окончательно распространение принципа сдерживания на Дальний Восток подтвердила появившаяся в апреле 1950 г. директива СНБ-68⁹.

⁸ Memorandum by the Executive Secretary of the National Security Council (Souers) to the National Security Council. Annex: A report to the President by the National Security Council (NSC 48/2), Washington, December 30, 1949 // Foreign relations of the United States, 1949. Vol. 7: The Far East and Australasia... P. 1215–1220.

⁹ NSC-68: A report to the National Security Council by the Executive Secretary on United States objectives and programs for national security, April 14, 1950 // Naval War

Потеря Китая заставила американское руководство в ином свете посмотреть на Японию. Она, по словам главы Отдела планирования внешней политики Госдепартамента и идейного вдохновителя стратегии сдерживания Джорджа Кеннана, должна была стать «ключом к Азии» — так же, как Германия была «ключом к Европе», и цель состояла в том, чтобы «завоевать ее как союзника»¹⁰. Еще в декабре 1948 г. штаб американских оккупационных войск получил указание Белого дома срочно начать реализацию плана экономической стабилизации страны. Японии выделялась солидная финансовая помощь, был аннулирован «промежуточный план» взимания с нее репараций, пересмотрен антимонопольный закон, распущена комиссия по декартелизации и т.д. Поворот в экономической политике оккупационной администрации, творцами которого считались банкир Дж. Додж и экономист К. Шоуп, получил название «обратный курс» [подробнее см.: Nester, 1996].

Аналогичный пересмотр произошел и в военно-политической сфере. В подготовленном Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) в июне 1949 г. меморандуме СНБ-49 отмечалось, что Япония имеет «большое стратегическое значение для [обеспечения] интересов безопасности Соединенных Штатов на Дальнем Востоке <...> вследствие [ее] географического положения», «рабочей силы и <...> промышленного потенциала»¹¹. В документе также было указано, что «при запланированной первоначальной помощи США [можно] ожидать, что Япония по крайней мере защитит себя и <...> внесет крупный вклад <...> в военные операции против Советов в Азии»¹². Фактически Вашингтон рассматривал возможность заключения двустороннего соглашения о безопасности с Токио еще до начала Корейской войны¹³. Однако «возвращение Японии в со-

College Review. 1975. Vol. 28. No. 3. P. 51–108. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol28/iss3/7> (accessed: 05.03.2025).

¹⁰ Kennan G.F. *Memoirs, 1950–1963*. Boston: Little, Brown and Company, 1972. P. 41.

¹¹ Report by the Joint Chiefs of Staff, Washington, June 9, 1949 // *Foreign relations of the United States, 1949*. Vol. 7: *The Far East and Australasia*... P. 774–775.

¹² *Ibid.* P. 774.

¹³ Проанализировав архивные документы США, японский исследователь Аяко Кусуноки утверждал, что и Пентагон, и Госдепартамент рассматривали необходимость договоренностей о безопасности с Японией, но не могли договориться о том, как обезопасить американские базы после того, как Япония восстановит свой суверенитет. Kusunoki A. *Yoshida Shigeru to Anzenhosho Seisaku no Keisei*. Kyoto: Minerva, 2009. P. 92–96, 99–102. (In Japan.)

дружество наций» и превращение ее в союзника были возможны лишь при достижении взаимопонимания со странами, которые в годы войны пострадали от японского милитаризма и крайне настороженно относились к идее восстановления ее мощи.

В начале 1950 г. в Госдепартаменте была сформирована рабочая группа во главе с помощником госсекретаря Джоном Говардом, которая должна была выработать рекомендации по созданию региональной системы безопасности с участием Японии. «Такой подход, — писал Дж. Говард, — впервые открыл перспективы для Тихоокеанского пакта, который ранее рассматривался как противоречивший американской политике. Типом пакта, который обладал наибольшей привлекательностью, был «офшорный» Тихоокеанский пакт, который не возлагал бы на США военные обязательства в отношении азиатского материка»¹⁴. Группа подготовила проект объединения, в общих чертах напоминавшего НАТО, включая принцип коллективной обороны, согласно которому нападение на одного участника автоматически считалось нападением на всех. Членами пакта должны были стать США, Канада, Япония, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия. Однако эта идея не нашла понимания у руководства дипломатического ведомства США.

Одним из ее критиков был видный государственный деятель, главный внешнеполитический эксперт Республиканской партии Джон Фостер Даллес, 6 апреля 1950 г. назначенный «двухпартийным» советником Госдепартаamenta по вопросам мирного урегулирования с Японией. Он не был противником региональных объединений, в том числе военных, но предлагал не спешить с их созданием, изложив свои взгляды в вышедшей весной 1950 г. книге «Война или мир»¹⁵. Применительно к Дальнему Востоку автор выступал за образование «ассоциации свободных наций Азии и Тихого океана», которая «не была бы, по крайней мере на начальном этапе, военным альянсом», подобным НАТО¹⁶. На встрече с Дж. Говардом 7 апреля

¹⁴ Memorandum by the Special Assistant to the Secretary (Howard) to the Minister in France (Bohlen), Washington, March 31, 1950 // Foreign relations of the United States, 1950. Vol. 6: East Asia and the Pacific. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1976. P. 1159. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/715THJONIBE4A83/E/file-56c13.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

¹⁵ См. подробнее: Dulles J.F. War or peace. New York: The Macmillan Company, 1950. P. 88–99.

¹⁶ Ibid. P. 229–230.

Дж.Ф. Даллес отклонил проект Тихоокеанского пакта, сославшись на трудности, которые создадут включение в него одних стран и отказ в этом другим, а также на угрозу вовлечения США в войну, если СССР нападет на одного из членов альянса. Исходя из опыта ратификации Договора о НАТО, Дж.Ф. Даллес сомневался, что Сенат США будет готов предложить бывшему противнику США Японии участие в пакте на основе принципа «один за всех и все за одного», тогда как многие американские союзники не имели таких гарантий¹⁷.

Пересмотр Вашингтоном позиции в отношении союзов на Дальнем Востоке в контексте Корейской войны

Вспыхнувшая в конце июня 1950 г. война на разделенном Корейском полуострове стала «точкой невозврата» в переходе к биполярной конфронтации в Азии. Она ускорила поляризацию сил на Дальнем Востоке, и США всё более стали склоняться к решению проблемы регионального устройства без участия СССР и Китая. Важнейшей задачей было создание структуры, способной обеспечить безопасность на Тихом океане, поэтому в Вашингтоне и в азиатских столицах вновь пробудился интерес к Тихоокеанскому пакту. Многие политические деятели, включая Дж.Ф. Даллеса, утверждали, что нападение КНДР на Южную Корею продемонстрировало «истинную природу коммунистической угрозы», вследствие чего необходимость заключения многостороннего договора для обеспечения безопасности стала очевидной. Пакт, по мнению Дж.Ф. Даллеса, должен был облегчить решение японского вопроса, поскольку тихоокеанские союзники «смогут убедиться, что перевооружение Японии не выйдет из-под контроля и не станет угрозой» [цит. по: Schonberger, 1989: 260].

Несмотря на рост интереса к многостороннему формату с участием Токио, Вашингтон не исключал возможности подписания с ним двустороннего соглашения, опираясь на которое, США могли бы использовать территорию Японии в качестве базы для проведения операций во всем регионе. Отправляя в конце января 1951 г. Дж.Ф. Даллеса в качестве своего посланника на Дальний Восток, Г. Трумэн поручил ему обсудить данный вопрос с японцами. Идею пакта президент предлагал использовать для убеждения других

¹⁷ Memorandum of conversation, by the Special Assistant to the Secretary (Howard), New York, April 7, 1950 // Foreign relations of the United States, 1950. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 1162, 1164.

государств в необходимости включения Японии в региональные структуры, подчеркнув, однако, что многосторонний договор не является *quid pro quo* американо-японского сотрудничества¹⁸. Главной целью азиатского вояжа Дж.Ф. Даллеса было создание благоприятных международных условий для заключения мирного договора с Токио. Показательно, что, когда на закрытом совещании членов делегации его помощник Джон Эллисон спросил о пределах информирования японцев о предполагаемом Тихоокеанском пакте, Дж.Ф. Даллес ответил: «...мы бы не хотели болтать с ними о пакте, поскольку пока еще не знаем, будет ли реализовываться эта идея»¹⁹.

В ходе своей поездки Дж.Ф. Даллес согласовал условия мирного договора с главой японского правительства Сигэру Ёсида, стремившегося к более тесным связям с США и умело подводившего американцев к мысли о необходимости вступить в союзные отношения с Японией и вкладывать средства в обеспечение ее безопасности [цит. по: Уткин, 1990: 129]. В беседе с премьер-министром Дж.Ф. Даллес заявил, что ввиду слабости Японии о «взаимных гарантиях безопасности» речи не идет. К идее же заключения многостороннего соглашения японская сторона отнеслась отрицательно, опасаясь быть вовлеченной в борьбу против КНР, например, в Индокитае или Корее [цит. по: Welfield, 1988: 51]. В конечном счете договорились, что в случае нарастания «коммунистической угрозы» Япония обратится с просьбой об оставлении американских вооруженных сил на своей территории, а США благожелательно ответят на нее, что и было оформлено соответствующим соглашением 9 февраля 1951 г.²⁰

Покинув Токио, Дж.Ф. Даллес посетил Филиппины, Австралию и Новую Зеландию с целью получить их согласие с американскими условиями мира с Японией. В Маниле он легко добился желаемого, но в Канберре, где в середине февраля прошли трехсторонние

¹⁸ Memorandum by Mr. John Foster Dulles, the Consultant to the Secretary, to the Ambassador at Large (Jessup), Washington, January 4, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1977. P. 134–135. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/KGXUB34WDRDHQ8L/E/file-382ee.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

¹⁹ Memorandum by Mr. Robert A. Fearey of the Office of Northeast Asian Affairs, February 5, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 858.

²⁰ Administrative Agreement between the United States of America and Japan to Implement the Provisions of the Agreement They Have Entered into for Collective Defense // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: Asia and the Pacific... P. 876–879.

американо-австрало-новозеландские переговоры, ситуация оказалась совершенно иной. Австралийское и новозеландское правительства были тогда наиболее жесткими оппонентами «мягкого» договора с Японией. Они опасались, что в случае реализации идеи многостороннего пакта будет «размыта» ответственность США за ремилитаризацию Страны восходящего солнца²¹. Только после обещания Вашингтона оказать им поддержку при возможном нападении Японии их возражения, как следовало из опубликованного 18 февраля 1951 г. коммюнике²², были сняты. Не радовала Австралию и Новую Зеландию и перспектива союза со слабыми в военном отношении Филиппинами. Предпочтительным вариантом для них был бы трехсторонний договор с США, возможность заключения которого обсуждалась еще в октябре 1950 г. [см. подробнее: Robb, Gill, 2015: 139–140].

Самым жестким противником пакта оказалась Великобритания, участие которой в нем изначально вообще не предусматривалось. Как полагали в Госдепартаменте, ее включение в азиатскую региональную структуру приведет к тому, что о стремлении к членству заявят также Франция и Нидерланды, в результате чего она окажется слишком «колониальной». Однако британское правительство не хотело ничего слышать об организации, которая оставляла бы Англию за бортом²³. В конечном счете Лондон согласился на трехсторонний формат с участием США, Австралии и Новой Зеландии [см. подробнее: Ovendale, 1985: 232–233]. Вместе с тем трудности, возникшие при обсуждении пакта, привели к тому, что интерес к нему американской стороны заметно остыл. По мнению Дж.Ф. Даллеса, основу системы безопасности на Дальнем Востоке должен был составлять именно американо-японский тандем. В одной из записок в марте 1951 г. он писал: «Соединенные Штаты и Япония являются единственными

²¹ Memorandum by Mr. Robert A. Fearey of the Office of Northeast Asian Affairs, Canberra, February 17, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 170–171.

²² Conference on the Japanese Peace Treaty and Security in the Pacific: Joint communique by the representatives of the United States of America, Australia and New Zealand at Canberra, February 18, 1951 // Current Notes on International Affairs. February 1951. Vol. 22. No. 2. P. 106. Available at: <https://nla.gov.au/nla.obj-1193023835/view?partId=nla.obj-1193060996#page/n0/mode/1up> (accessed: 05.03.2025).

²³ The United States Political Adviser to SCAP (Sebald) to the Secretary of State, Tokyo, February 2, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 144.

весомыми центрами силы на Тихом океане, мы фактически, а они потенциально. Если мы сможем наладить совместную работу, менее крупные тихоокеанские державы обретут безопасность и рано или поздно, формально или неформально, одобряют это соглашение. Если Соединенные Штаты и Япония разойдутся, то ситуация в западной части Тихого океана будет тяжелой в течение долгого времени»²⁴.

Сознавая невозможность создания на данном этапе многостороннего пакта, Дж.Ф. Даллес в ходе февральской встречи с министрами иностранных дел Австралии и Новой Зеландии для описания вероятной архитектуры безопасности в Азии впервые использовал ставшее впоследствии очень популярным ее образное сравнение с «втулкой и спицами» [цит. по: Mabon, 1988: 164]. По возвращении в Америку он сообщил о своих выводах главам внешнеполитического и оборонного ведомств, которые в меморандуме Г. Трумэну указывали: «Рассмотрение этого вопроса [Тихоокеанского пакта], особенно в ходе визитов посла Даллеса в Японию, на Филиппины, в Австралию и Новую Зеландию, показало, что желаемые результаты скорее могут быть достигнуты серией договоренностей, а не единым соглашением»²⁵. Таким образом, судьба Тихоокеанского пакта, возглавляемого США и построенного по образу и подобию Североатлантического альянса, была предreshена. Его место заняла система двусторонних соглашений и «малых договоров» о безопасности, ни один из которых не мог сравниться с НАТО ни по числу участников, ни по серьезности принятых ими на себя обязательств.

Ключевое значение для реализации этих планов имело урегулирование с Японией, которое было невозможно без достижения понимания с некоммунистическими государствами региона, пострадавшими от японской агрессии в годы войны. Конференция по заключению мирного договора с Токио была назначена на сентябрь 1951 г. Перед американской дипломатией стояла двуединая задача: подготовить проекты договора с Японией и фактически антияпонские соглашения с Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами. Решить ее, тем более в столь короткие сроки, было непростым делом. Канберра и Веллингтон настаивали на максимально жестком вари-

²⁴ Mr. John Foster Dulles, the Consultant to the Secretary, to the Supreme Commander for Allied Powers (MacArthur), March 18, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 931.

²⁵ The Secretary of State to the Secretary of Defense (Marshall), April 5, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 184–185.

анте мирного соглашения с Японией, тогда как Вашингтон устами Дж.Ф. Даллеса призывал их заключить «договор, который взывал бы к духу прощения, чтобы преодолеть дух мстительности» [Robb, Gill, 2015: 128].

На трехсторонних переговорах во время визита Дж.Ф. Даллеса в Австралию в феврале 1951 г. министр иностранных дел Новой Зеландии Фредерик Дойдж заявил ему, что «Японии была кошмаром для Новой Зеландии и возможность ее возрождения рассматривалась с ужасом»²⁶. Его австралийский коллега Перси Спендер откровенно сказал, что «Австралия по-прежнему боится Японии»²⁷. Дж.Ф. Даллес попытался успокоить собеседников, подчеркнув, что военное присутствие США исключает возможность возвращения Токио к прежней политике, тогда как ограничения в плане перевооружения страны ослабят коллективные усилия по недопущению распространения коммунизма. По его словам, для эффективной борьбы с «коммунистической агрессией» в Восточной Азии необходимо скорейшее заключение мирного договора с Японией, который позволит ей занять место в сообществе стран «свободного мира»²⁸, а безопасность Австралии и Новой Зеландии будет обеспечена соответствующими соглашениями с США. Правда, австралийцы хотели получить обязывающий пакт по типу НАТО, а новозеландцы были согласны на президентскую декларацию, выражавшую готовность Вашингтона защищать их в случае нападения. Член австралийской делегации Ральф Гарри подготовил первый вариант текста, который с последующей серьезной корректировкой, учитывавшей пожелания Дж.Ф. Даллеса, был представлен правительствам для дальнейшей доработки [Watt, 1967: 181–182].

Однако даже после того, как текст будущего договора был в общих чертах согласован, оставались две проблемы, которые угрожали сорвать весь проект. Первой была позиция Великобритании: ее руководство считало, что договор с США двух членов ее Содружества подчеркнет ее неспособность обеспечить их безопасность. В Лондоне были возмущены исключением страны из переговоров.

²⁶ Notes on conversation among Ambassador Dulles, ministers for external affairs of Australia and New Zealand, and staffs, Canberra, February 17, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 171.

²⁷ Ibid. P. 170.

²⁸ Spender P. Exercises in diplomacy: The ANZUS treaty and the Colombo Plan. Sydney: Sydney University Press, 1969. P. 114–115.

«Мы, безусловно, тихоокеанская держава, — утверждал министр иностранных дел Герберт Моррисон, — и для нас было бы желательно стать частью предлагаемого пакта» [цит. по: Robb, Gill, 2015: 144]. Как члены кабинета, так и лидеры оппозиции полагали, что ее исключение было связано с решением кабинета Клементы Эттли признать КНР в январе 1950 г. Однако этот довод выглядел неубедительно, поскольку США продолжали сотрудничать с Великобританией в сфере безопасности в Европе и в других регионах мира [см. подробнее: Xiang, 1992]. Британская дипломатия всеми силами стремилась помешать официальному оформлению договора или по крайней мере заменить его на президентскую декларацию, но ее усилия не увенчались успехом.

В самих Соединенных Штатах исключение их главного союзника по НАТО из переговоров о тихоокеанском альянсе объясняли стремлением избежать нежелательных ассоциаций со стороны государств региона, которые могли увидеть в нем «англосаксонский союз» или «клуб белых держав» [цит. по: Beisner, 2006: 502; см. подробнее: Vucetic, 2011: 54–73]. По мнению сотрудников Госдепартамента, ограниченное трехстороннее соглашение лучше отвечало интересам борьбы против СССР в сфере пропаганды, не проводило параллелей с внутренним расизмом в США и не давало пищу для его критиков потенциальными союзниками, такими как Филиппины, с которыми в тот период тоже шли переговоры о соглашении в сфере безопасности [цит. по: McMahon, 1996: 82–84]. Кроме того, в Вашингтоне не хотели создавать на Тихом океане военно-политический союз типа НАТО, поскольку это неизбежно повлекло бы за собой крупные финансовые и материальные затраты [см. подробнее: Zelizer, 2010: 126–134]. Еще одним аргументом противников британского участия было то, что Лондон уже вел борьбу против повстанцев в Малайе. В правящих кругах США опасались, что это могло побудить другие европейские державы под видом борьбы с коммунизмом добиваться американского содействия для защиты своих колониальных владений в данном регионе [см. подробнее: Prados, 2009: 24–54].

Второй принципиальной угрозой трехстороннему пакту была позиция американского военного истеблишмента. Министерство обороны США выступало против привлечения будущих союзников к стратегическому планированию и консультированию с ними по поводу конкретных действий, на чем настаивала австралийская

сторона. На совместном заседании Госдепартамента и ОКНШ 11 апреля 1951 г. руководитель военно-морских операций Форрест Шерман указал на «ценность неформальности в налаживании совместного планирования» и отметил, что он предпочитает «оставить такие договоренности вне соглашения» [цит. по: Kelly, 2018: 88]. Дипломаты приняли во внимание мнение военного руководства и позаботились о том, чтобы в тексте договора не было и намек на совместное военное планирование. «В случае трехстороннего соглашения с Австралией и Новой Зеландией, — заявил Дж.Ф. Даллес в разговоре с Д. Ачесоном, — мы можем, я думаю, дать понять, что в соответствии с ним никакая организация не получит права требовать информации и участия в планировании»²⁹. ОКНШ согласился с подобной формулировкой, прекрасно понимая, что заключение пакта является необходимым условием для получения одобрения Австралией и Новой Зеландией мирного договора с Японией³⁰.

Сан-Францисский дебют: заключение АНЗЮС и двусторонних договоров с Японией и Филиппинами

Первый осенний день 1951 г. был ознаменован подписанием в Сан-Франциско Тихоокеанского пакта безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США, оформившего военный союз трех государств и получившего по первым буквам стран-подписантов название АНЗЮС. Договор, состоявший всего из 11 статей, был довольно компактным по форме и весьма расплывчатым по содержанию. В отличие от НАТО с ее принципом «один за всех и все за одного», каждая страна — участница АНЗЮС признавала лишь, что «вооруженное нападение на одну из сторон в зоне Тихого океана представляло бы угрозу для ее собственного мира и безопасности»³¹. В случае возникновения такой угрозы договор предусматривал консультации

²⁹ Memorandum by the Consultant to the Secretary (Dulles) to the Secretary of State, April 13, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 203.

³⁰ Memorandum for the Secretary of Defense, Washington, April 17, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 6: East Asia and the Pacific... P. 992.

³¹ Australia, New Zealand and United States of America: Security treaty, signed at San Francisco, September 1, 1951 // Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 131. No. 1736. P. 86. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20131/v131.pdf> (accessed: 05.03.2025).

трех стран (ст. 3) и обязывал их «действовать с тем, чтобы противостоять общей опасности в соответствии с конституционными процедурами каждой стороны» (ст. 4). Действие его распространялось не только на национальную территорию, но также на вооруженные силы, морские и воздушные суда стран-участниц (ст. 5), а значит, включало и американские войска, дислоцированные в Японии, на Филиппинах и в других местах бассейна Тихого океана.

Фактически договор связывал Австралию и Новую Зеландию обязательством как минимум оказывать поддержку США в случае конфликта в регионе, тогда как американская сторона просто давала гарантию обсудить конкретные формы военного сотрудничества при возникновении опасности. В тексте не содержалось прямого указания на Японию как на возможный источник такой угрозы, но Канберра и Веллингтон были убеждены, что АНЗЮС обеспечит им гарантии безопасности именно против нее, и только поэтому согласились поддержать Вашингтон в вопросе мирного урегулирования с Токио.

По условиям договора учреждался Совет Тихоокеанского пакта, состоявший из министров иностранных дел стран-участниц. АНЗЮС стал образцом для всех последующих военно-политических договоров Соединенных Штатов в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе.

Накануне его подписания, 30 августа 1951 г., в Вашингтоне был заключен американо-филиппинский Договор о взаимной безопасности (US-Philippine Mutual Security Treaty), который был идентичен тройственному соглашению и составил единую договорную базу вместе с Договором об основах отношений между двумя странами от 4 июля 1946 г.³² Соглашение с Филиппинами утверждало право США использовать базы на территории партнера «в интересах взаимной защиты» (ст. 1). По сути, трехсторонний Тихоокеанский пакт безопасности и двусторонний американо-филиппинский договор были «гарантийными», т.е. обеспечивавшими их участникам получение американской помощи в случае новой японской агрессии

³²United States of America and Philippines: Mutual defense treaty, signed at Washington, August 30, 1951 // Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations. Vol. 131. No. 2315. P. 134–138. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20177/volume-177-I-2315-English.pdf> (accessed: 05.03.2025).

сии. В совокупности они стали первыми звеньями разветвленной системы военно-политических союзов США на Дальнем Востоке.

Ключевым ее элементом выступал двусторонний американо-японский Договор безопасности, подписанный 8 сентября 1951 г., через пять часов после окончания Сан-Францисской международной конференции, где был заключен мирный договор с Японией³³. Если считать с сентября 1947 г., когда японский министр иностранных дел Асида Хитоси передал американской стороне меморандум, в котором Токио впервые изъявил желание установить союзнические отношения с США, то на подготовку этого документа ушло долгих четыре года [Izumikawa, 2020: 22]. Помимо создания благоприятной международной атмосферы для заключения мира с бывшим противником и включения его в региональную политическую и экономическую систему администрации Г. Трумэна пришлось преодолеть немало трудностей внутри самих США. Одним из самых чувствительных был вопрос о сохранении американских военных баз в Японии после окончания периода оккупации. Вашингтон опасался, что, обретя суверенитет, японское правительство потребует их вывода со своей территории. Добиваясь заключения союза с США, премьер-министр С. Ёсида заверял, что его кабинет не только не будет возражать против размещения американских баз на японской земле, но даже готов просить Вашингтон об их сохранении. Подобное решение вопроса о базах сняло все возражения Пентагона против окончания оккупации Японии [см. подробнее: Вербицкий, 1972].

Договор безопасности между США и Японией был еще более лаконичен, чем Тихоокеанский пакт, — всего 5 статей³⁴. В преамбуле отмечалось: поскольку после вступления в силу мирного договора «Япония не располагает эффективными средствами для осуществления своего неотъемлемого права на самооборону, так как она была разоружена», она желает, чтобы Соединенные Штаты «содержали свои вооруженные силы в Японии и вблизи нее для предотвращения вооруженного нападения на Японию». Тем самым японские острова становились одним из звеньев американского «периметра сдер-

³³ О перипетиях подготовки и проведения конференции в Сан-Франциско см.: История дипломатии: В 5 т. Т. 5. Кн. 1 / Под ред. В.С. Семёнова, М.А. Харламова. М.: Политиздат, 1974. С. 304–319.

³⁴ Security Treaty between the United States and Japan, September 8, 1951 // American foreign policy, 1950–1955: Basic documents. Vol. 1. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1957. P. 885–886.

живания». Равноправным данный договор, конечно, назвать было нельзя, поскольку он ограничивал суверенитет Японии, запрещая ей заключать любые военные соглашения с другими государствами без предварительного согласия Вашингтона. Более того, он допускал возможность вмешательства США во внутренние дела страны благодаря наличию в тексте пункта о помощи, «предоставляемой по просьбе японского правительства, для подавления крупных бунтов, беспорядков в Японии». Таким образом, договор преследовал сразу две цели: служил инструментом в борьбе с коммунизмом и позволял держать под контролем бывшего противника [Cha, 2010: 185].

На основании ст. 3 Договора безопасности Вашингтон и Токио в феврале 1952 г. подписали Административное соглашение, в соответствии с которым США не только сохраняли все свои базы и другие военные объекты в Японии, но и могли получить «дополнительные средства обслуживания и территории» (ст. 2)³⁵. Согласно ст. 9 Административного соглашения «личный состав вооруженных сил Соединенных Штатов, вольнонаемные служащие и их иждивенцы будут изъяты из-под действия японских законов и постановлений о регистрации и контроле над иностранцами», а ст. 17 фактически устанавливала право экстерриториальности для американских военнослужащих, проступки которых могли разбирать только военные суды и власти США. Все три документа — мирный договор, Договор безопасности и Административное соглашение — вступили в силу 28 апреля 1952 г. Тогда же администрация Г. Трумэна в одностороннем порядке объявила о роспуске Союзного совета для Японии и Дальневосточной комиссии. Оккупационный режим в стране формально был прекращен, хотя на деле мало что изменилось.

Позднее в развитие военного союза двух стран 8 марта 1954 г. США и Япония заключили Договор о помощи в обеспечении взаимной обороны. Согласно этому документу японское правительство взяло на себя обязательство принимать «меры, которые могут оказаться необходимыми для развития своей обороноспособности, и <...> соответствующие шаги для обеспечения эффективного использования любой помощи, предоставленной правительством Соединенных

³⁵ Administrative Agreement under Article III of the Security Treaty between the United States of America and Japan // United States treaties and other international agreements. Vol. 3. Part 3. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1952. P. 3341–3362.

Штатов Америки» (ст. 8)³⁶. В целях дальнейшего укрепления военно-политических связей с Японией 19 января 1960 г. в Вашингтоне был подписан новый Договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности, который по сей день составляет договорно-правовую базу союза двух стран³⁷. В совокупности заключенные в Сан-Франциско договоры способствовали структурированию отношений США с государствами Восточной Азии и бассейна Тихого океана, а созданный ими региональный порядок получил название «Сан-Францисский».

Создание американско-южнокорейского альянса

Пришедшая в январе 1953 г. к власти республиканская администрация Д. Эйзенхауэра подтвердила приверженность США заключенным союзам. Пост госсекретаря занял Дж.Ф. Даллес, которого президент считал «очевидной» кандидатурой, учитывая его опыт в международных делах³⁸. Корейская война убедила его в том, что мир перестал зависеть от стабильности в Европе, поскольку СССР распространил свое влияние далеко за пределами своей территории, поэтому борьбу с ним следует вести в масштабах всего Евро-Азиатского континента. Обогадив американскую политическую мысль доктриной «отбрасывания коммунизма», команда Д. Эйзенхауэра планировала окружить СССР по периметру внешних границ сфер его влияния, а затем заставить Москву отступить. Важная роль в реализации этого плана, судя по появившемуся в октябре 1953 г. докладу СНБ 162/2, отводилась сети оборонных пактов с союзными государствами, с которыми предполагалось разделить бремя «сдерживания», чтобы избежать «новой Кореи» [Prados, 2007: 229–230].

Однако первым пунктом повестки дня новой администрации стояло прекращение затяжной и дорогостоящей Корейской войны³⁹. В конце 1952 г., еще до вступления в должность, Д. Эйзенхауэр вы-

³⁶ Mutual Defense Assistance Agreement between the United States of America and Japan, signed at Tokyo, March 8, 1954 // UN-iLibrary. Available at: <https://www.un-ilibrary.org/deliver?redirecturl=/content/books/9789210455312s003-c001/read&isPreview=true&itemId=/content/books/9789210455312s003-c001> (accessed: 05.03.2025).

³⁷ Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States of America and Japan, January 19, 1960 // Asia for Educators. Available at: https://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/mutual_cooperation_treaty.pdf (accessed: 05.03.2025).

³⁸ Eisenhower D.D. Mandate for change, 1953–1956. New York: Doubleday & Company, 1963. P. 86.

³⁹ Ibid. P. 171.

полнил свое предвыборное обещание и посетил Корею, хотя ясного представления о том, как можно закончить войну, он тогда не имел. Когда США вступили в переговоры о прекращении огня с КНДР, Ли Сын Ман открыто выразил свое недовольство таким шагом и даже упрекнул американцев: «[Как] вы сможете добиться путем убеждения на политической конференции того, что вы не смогли получить силой на поле боя?»⁴⁰. Участвовавший в переговорах командующий американскими войсками в составе сил ООН в Корее генерал Марк Кларк был очень обеспокоен настроением южнокорейского лидера и жаловался в Вашингтон, что на дипломатическом поприще ему приходится бороться сразу на два фронта — с коммунистами в Пханмунджоме (деревня на границе «двух Корей», где проходили переговоры) и с Ли Сын Маном в Сеуле, причем последний представлял «самую большую проблему» [цит. по: Park, 1975: 97]. Возникли даже опасения, что он может вывести южнокорейские войска из подчинения ООН, т.е. фактически из-под американского командования, и предпринять односторонние военные акции против Северной Кореи.

Воинственные заявления и непредсказуемые шаги склонного к авантюризму южнокорейского президента очень беспокоили американских политиков, поскольку такие действия могли торпедировать переговоры, а после подписания 27 июля 1953 г. соглашения о перемирии вызвать новый виток противостояния. В Вашингтоне рассматривали два варианта превентивных мер, которые считали вынужденными: заменить Ли Сын Мана на более лояльного лидера, т.е. организовать государственный переворот, либо предложить ему нечто в обмен на обязательство соблюдать перемирие. План устранения южнокорейского президента (под кодовым названием «Everready») разрабатывался еще при Г. Трумэне и предусматривал объявление от имени ООН военного положения в стране и арест Ли Сын Мана [см. подробнее: Садаков, 2018]. Однако, изучив возможные последствия первого варианта, администрация Д. Эйзенхауэра решила отдать предпочтение второму, согласившись провести с Сеулом переговоры о заключении двустороннего договора о безопасности.

О военно-политическом союзе с Соединенными Штатами Ли Сын Ман начал задумываться еще до вывода американских войск

⁴⁰ Syngman Rhee through Western eyes. Seoul: Office of Public Information, 1954. P. 2.

с Корейского полуострова в 1949 г. и даже несколько раз пытался прозондировать этот вопрос. Весной 1953 г., когда шли переговоры о перемирии, южнокорейское правительство предприняло очередную попытку. 3 апреля министр иностранных дел Южной Кореи Пён Ёнтэ заявил американским переговорщикам, что пакт о безопасности с США «будет ценой признания Республикой Корея усилий по перемирию» [цит. по: Kotch, 1983: 241–242]. Эту же мысль Ли Сын Ман изложил в письмах Д. Эйзенхауэру от 14 апреля и М. Кларку от 30 апреля 1953 г.⁴¹ В Вашингтоне отреагировали на южнокорейский зондаж довольно пассивно, поскольку даже в конце Корейской войны продолжали сомневаться в геополитической значимости Южной Кореи для своих интересов. В июле 1953 г. в СНБ рассматривался документ 157/1, в котором анализировались последствия двух возможных вариантов развития событий: Республика Корея в качестве военно-политического союзника США и «единая нейтральная Корея», откуда будут выведены американские войска⁴². После анализа всех издержек и выгод, связанных с обоими вариантами, в документе был сделан вывод о том, что второй является более желательным. В результате 22 мая 1953 г. Госдепартамент отклонил просьбу Сеула о заключении двустороннего договора о безопасности⁴³.

Не сумев убедить Вашингтон вступить с ним в союзные отношения, Ли Сын Ман прибег к весьма рискованному шагу [см. подробнее: Park, 1975: 105–106; Kim, 2001: 95–99, 106–114]. 18 июня 1953 г. он приказал освободить 27 тыс. северокорейских «военнопленных-антикоммунистов» и разрешил тем, кто не хотел возвращаться на Север или в КНР, остаться на территории Республики Корея. Это решение угрожало сорвать уже наметившиеся договоренности,

⁴¹The President of the Republic of Korea (Rhee) to the Commander in Chief, United Nations Command (Clark), April 30, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 955–956. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/J6NIM3HNBVYHLI86/E/file-c479c.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁴²Report by the National Security Council (NSC 157/1), Washington, July 7, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 1344–1346. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/AUSSJWV6UXFIZ8Z/E/file-c637e.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁴³The Acting Secretary of State to the Embassy in Korea, Washington, May 22, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 1... P. 1086–1090.

так как делегация КНДР на переговорах настаивала не просто на освобождении, а на репатриации своих граждан [см. подробнее: Kim, 2001: 287, 291–294]. Американский посол в Южной Корее Эверетт Бриггс утверждал, что Ли Сын Ман шел на риск из страха, что без пакта о безопасности с Соединенными Штатами «Корея может быть принесена в жертву какой-нибудь великой державе» [цит. по: Kotch, 1983: 243]. Желая сохранить достигнутое перемирие и руководствуясь собственными соображениями, США решили заключить американо-южнокорейский альянс, который был призван выполнить несколько функций. Во-первых, он укреплял Сан-Францисскую систему и по крайней мере внешне «примирял» Южную Корею с Японией. Во-вторых, двусторонний договор о безопасности выступал определенной гарантией того, что КНДР не предпримет попытки объединить страну силой. И в-третьих, он позволял Соединенным Штатам надеяться, что договор удержит Сеул от новых авантюр.

Спустя два месяца после заключения перемирия в Пханмунджоме, 1 октября 1953 г., был подписан Договор о взаимной обороне между США и Республикой Корея, состоявший из 6 статей⁴⁴. В преамбуле стороны подтвердили свою готовность к совместной защите против любого возможного агрессора и к активизации усилий по формированию более широкой и эффективной региональной системы безопасности. Участники признали, «что любое вооруженное нападение в Тихоокеанском регионе на одну из сторон на территориях, которые в настоящее время находятся под административным контролем <...>, поставит под угрозу мир и безопасность ее собственной территории», и обязались принять необходимые меры для устранения общей опасности (ст. 3). Правда, в данной статье содержалась оговорка, что «ничто в настоящем договоре не может быть истолковано как обязывающее Соединенные Штаты оказывать помощь Корее, за исключением случая вооруженного нападения на территорию, признанную Соединенными Штатами законно находящейся под контролем администрации Республики Корея». Иными словами, США обязались защищать Южную Корею только в том случае, если будет атакована ее территория. Сеул в свою очередь

⁴⁴ Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of Korea, October 1, 1953 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (accessed: 05.03.2025).

предоставлял американскому правительству право размещать свои войска на территории страны и в прилегающих к ней регионах (ст. 4).

Несмотря на то что южнокорейский режим, получив гарантии защиты, не мог рассчитывать на помощь США в достижении своей цели по объединению Кореи силой, опасения по этому поводу у Вашингтона еще оставались. Для того чтобы окончательно их устранить, в ноябре 1953 г. в Сеул отправился вице-президент Ричард Никсон с письмом от Д. Эйзенхауэра. В нем американский президент предупреждал своего южнокорейского коллегу о том, что не передаст договор на ратификацию в Конгресс до тех пор, пока не получит от него письменные гарантии того, что Сеул не будет предпринимать никакие внешнеполитические шаги без консультаций с Вашингтоном⁴⁵. Напутствуя Р. Никсона, Дж.Ф. Даллес отмечал: «Необходимо получить от Ли какие-нибудь ясные письменные заверения в том, что он не собирается вновь начать войну в той азартной игре, которую он может разыграть при нашем участии в его усилиях по насильственному объединению Кореи»⁴⁶. По возвращении 13 ноября 1953 г. Р. Никсон сообщил о получении от Ли Сын Мана обещания всегда обсуждать свои действия на региональной арене с США⁴⁷. В специальном меморандуме южнокорейское правительство согласилось оставить свои войсковые соединения в оперативном подчинении главнокомандующего войсками ООН в Корею (т.е. США), как это было во время войны⁴⁸.

Сохранение Соединенными Штатами контроля над вооруженными силами Республики Корея было инструментом удержания ее правящего режима от опасных, с точки зрения Вашингтона, действий в отношении КНДР и КНР, что, по сути, стало ограничением суверенитета их союзника. В секретном документе СНБ-170 «Цели и курс действий США в Корею», датированном 20 ноября 1953 г.,

⁴⁵ President Eisenhower to the President of the Republic of Korea (Rhee), Washington, November 4, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2... P. 1592.

⁴⁶ The Secretary of State to the Vice President, Washington, November 4, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2... P. 1590.

⁴⁷ Draft telegram from the Vice President to the Secretary of State, Seoul, November 13, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2... P. 1609–1610.

⁴⁸ Results of Secretary Dulles' consultations with President Rhee // The Department of State Bulletin. August 17, 1953. Vol. XXIX. No. 738. P. 203. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077178112&seq=181> (accessed: 05.03.2025).

подчеркивалось, что если Южная Корея в одностороннем порядке начнет военные операции против китайских или северокорейских сил, то (1) командование войск ООН не будет оказывать ей помощи ни прямо, ни косвенно; (2) США не предоставят никакой военной или материально-технической поддержки таким операциям; (3) вся американская экономическая помощь Южной Корее будет немедленно свернута; и (4) командующий войсками ООН примет меры, необходимые для предотвращения участия международных сил в возобновлении боевых действий и для обеспечения безопасности⁴⁹.

Поскольку японские правящие круги по-прежнему уклонялись от участия страны в обеспечении региональной безопасности, администрация Д. Эйзенхауэра стала больше ценить своего южнокорейского союзника, и отношение Вашингтона к Сеулу постепенно начало меняться в более благоприятном для последнего направлении. На заседании СНБ 28 мая 1954 г. госсекретарь Дж.Ф. Даллес заявил, что «если бы в Индокитае понадобилась дополнительная дивизия», то он бы предпочел, «чтобы туда направилась дивизия РК, а не сухопутные войска США», с чем сразу согласился председатель ОКНШ Артур Рэдфорд⁵⁰. Общая численность южнокорейских войск в то время достигла 650 тыс. человек, значительно превосходя японские вооруженные силы, насчитывавшие только 180 тыс. [данные приводятся по: Ham, 1999: 67–70]. В таких условиях США пришли к выводу, что «Корею следует рассматривать как нашу “силу” на Дальнем Востоке» [цит. по: Gallicchio, 1990: 70]. В меморандуме СНБ-5514 от 25 февраля 1955 г. прямо подчеркивалась необходимость более широкого вовлечения Южной Кореи в обеспечение коллективной обороны в западной части Тихого океана⁵¹.

⁴⁹ Report by the Executive Secretary (Lay) to the National Security Council (NSC 170/1), Washington, November 20, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 15. Korea: In 2 parts. Part 2... P. 1621.

⁵⁰ Memorandum of conversation, by Rober Cutler, Special Assistant to the President for National Security Affairs, Washington, May 28, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 12. East Asia and the Pacific: In 2 parts. Part 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 525. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/KE3LEQIYFANAA85/E/file-37865.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁵¹ National Security Council report (NSC 5514), Washington, February 25, 1955 // Foreign relations of the United States, 1955–1957. Vol. 23. Part 2: Korea. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1993. P. 47. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/ERH7XUPFYV5PT9B/E/file-c837a.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

Американо-тайваньский договор о взаимной обороне 1954 г.

Во многом в сходном с Республикой Корея положении находился Тайвань: он также был частью «разделенной» страны, его существование практически целиком зависело от США, а во главе стояло антикоммунистическое правительство Чан Кайши, который не скрывал своего желания вернуться на материк любым путем, включая военный⁵². Он неоднократно публично объявлял о вторжении на континент, приказывал совершать рейды в Китай из Бирмы, направлял свои войска на близкорасположенные к побережью КНР острова и утверждал, что там дислоцированы партизанские отряды, готовые по первому его зову восстать против коммунистического режима в Пекине [Clough, 1978: 10; Tucker, 1994: 19, 68]. Американские военные инструкторы на Тайване рапортовали в Вашингтон о стремлении Чан Кайши спровоцировать войну с КНР, подчеркивая, что США «практически не контролируют силы националистов на Формозе»⁵³.

Первое время после перехода власти в Китае в руки коммунистов и бегства гоминьдановцев на Тайвань администрация Г. Трумэна была готова признать сложившиеся реалии и отказаться от поддержки режима Чан Кайши [Clough, 1978: 7]. Неприязненно относившийся к нему госсекретарь Д. Ачесон в своей речи в январе 1950 г. не включил остров в пределы «тихоокеанского оборонительного периметра» и поклялся, что Чан Кайши никогда не втянет Америку в новую гражданскую войну в Китае [Tucker, 1994: 22, 32]. В то же время Г. Трумэн и его советники не исключали возможности использования гоминьдановских войск для вооруженного противостояния КНР, и Корейская война лишь усилила это желание⁵⁴. Передислоцировав Седьмой флот США в Тайваньский

⁵² The Chargé in Republic of China (Jones) to the Department of State, Taipei, July 22, 1952 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1985. P. 76–77. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/2LWVT7DTTEDZP8W/E/file-5a4e9.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025).

⁵³ Memorandum of conversation, by Leonard H. Price of the Office of the Special Assistant for Mutual Security Affairs, Washington, February 20, 1952 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 13.

⁵⁴ National intelligence estimate (NIE-10), Washington, January 17, 1951 // Foreign relations of the United States, 1951. Vol. 7. Korea and China: In 2 parts. Part 2. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1983. P. 1513. Available at: <https://asset.library.wisc.edu/1711.dl/6KIW6T74T4FMS8M/E/file-c5264.pdf?dl> (accessed: 05.03.2025);

пролив в июле 1950 г., Вашингтон тем самым фактически дезавуировал свои прежние заявления о «периметре». Объясняя свои действия, 3 июля 1950 г. Г. Трумэн заявил: «Оккупация Формозы коммунистическими силами станет прямой угрозой безопасности Тихоокеанского района и войскам Соединенных Штатов, выполняющим законные и необходимые функции в данной зоне. Соответственно я приказал Седьмому флоту предотвратить любое нападение на Формозу. Как следствие этой акции, я призываю китайское правительство на Формозе прекратить все воздушные и морские операции против материка»⁵⁵.

Приход к власти республиканца Д. Эйзенхауэра воодушевил Чан Кайши, который увидел в этом возможность укрепить связи с США в области безопасности. В декабре 1952 г. он довел до сведения избранного президента две свои заветные цели: заключение с США союзного договора и продолжение получения американской военной помощи [Lin, 2013: 979]. В Вашингтоне его услышали и правильно поняли. В принятом в ноябре 1953 г. документе СНБ-166/1 отмечалось, что гоминьдановский режим является «важным активом для укрепления позиций США на Дальнем Востоке», где его вооруженные силы «обеспечивают единственный легкодоступный стратегический резерв»⁵⁶, насчитывавший на тот момент около 500 тыс. солдат⁵⁷. Кроме того, в отличие от Южной Кореи, защищать остров было гораздо легче. Американские стратеги пришли к заключению, что тайваньские войска «представляют собой очевидный источник людской силы» в случае, если вторжение китайских коммунистов в Индокитай или Корею «вынудит США к крупномасштабным дей-

Memorandum by the Assistant Secretary of State for Far Eastern Affairs (Rusk) to the Secretary of State, Washington, January 17, 1951 // Ibid. P. 1517.

⁵⁵U.S. Air and Sea Forces ordered into supporting action: Statement by President Truman // The Department of State Bulletin. July 3, 1950. Vol. XXIII. No. 574. P. 5. Available at: [https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077178146&seq=1&q1=F](https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077178146&seq=1&q1=Formosa)ormosa (accessed: 05.03.2025).

⁵⁶Statement of policy by the National Security Council (NSC 166/1), Washington, November 6, 1953. Enclosure: NSC staff study on U.S. policy toward Communist China // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 300.

⁵⁷National intelligence estimate (NIE-43-54): Probable developments in Taiwan through mid-1956, Washington, September 14, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 636–640.

ствиям против Китая»⁵⁸. Еще одним фактором, повышавшим геополитическое значение Тайваня, было нежелание Японии играть роль главной ударной силы в регионе [Garver, 1997: 63–65]. В отличие от южнокорейского лидера, Чан Кайши проявлял гораздо более терпимое отношение к американским планам «возрождения» Японии, что было обусловлено его другим подходом к обеспечению безопасности страны, связанным с островным положением Тайваня. Учитывая эти обстоятельства, США решили продолжать оказывать сторонникам Чан Кайши военную помощь «под постоянным контролем в свете развития японских сил»⁵⁹.

Вместе с тем администрация Д. Эйзенхауэра, хотя и отказалась от прежнего подхода к Тайваню, интегрировала его в «оборонный периметр», а также согласилась и дальше оказывать ему военную помощь, но она по-прежнему отрицательно относилась к перспективе подписания с ним союзного договора, особенно учитывая амбиции Чан Кайши⁶⁰. Весной 1953 г. он убеждал американского президента, что может мобилизовать 60 дивизий в качестве «острия копья» для вторжения на материк, и просил поддержать их путем блокады побережья и бомбардировок объектов материкового Китая⁶¹. Добиваясь перемирия в Корее, Вашингтон опасался реализации такого сценария и беспокоился о том, что подобные действия «союзника» могут не только нарушить его планы, но и втянуть США в прямой конфликт с КНР. Таким образом, новая администрация столкнулась с дилеммой «двойного сдерживания». Она должна была, с одной стороны, демонстрировать решимость противостоять Китаю, а с другой — добиваться того, чтобы Чан Кайши не воспринял это как поддержку и сигнал к началу агрессивных действий против КНР [Cha, 2010: 170]. Когда в начале 1953 г. Седьмой флот покинул Тайваньский пролив, на заседании СНБ Д. Эйзенхауэр выразил обеспокоенность тем, что «реальная беда и опасность [не в Китае, а]

⁵⁸ Statement of policy by the National Security Council (NSC 146/2), Washington, November 6, 1953. Enclosure: NSC staff study on United States objectives and courses of action with respect to Formosa and the Chinese National Government // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 318.

⁵⁹ Ibid. P. 308.

⁶⁰ Ibid. P. 308, 318.

⁶¹ The Charge in the Republic of China (Jones) to the Department of State, Taipei, May 27, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 197.

в том, что Чан Кайши может выйти на тропу войны»⁶². Дж.Ф. Даллес предупредил, что лидер Гоминьдана вполне способен использовать против КНР американские реактивные бомбардировщики, которые должны были быть поставлены Тайваню, и заявил, что «Министерство обороны обязано приостановить любые поставки самолетов, способных атаковать материк, пока мы не получим политическое соглашение, которое мы хотим»⁶³.

Чан Кайши продолжал давить. В марте 1953 г. его посол в США Веллингтон Ку предложил Дж.Ф. Даллесу обсудить идею подписания договора о союзе. Госсекретарь ушел от прямого ответа, подчеркнув необходимость регионального соглашения о безопасности для всей Азии и сославшись на осложнения, которые могут возникнуть в случае, если американо-тайваньский альянс будет сформирован до запланированной на весну 1954 г. Женевской конференции по Индокитаю [Lin, 2013: 983]. Не получив ясного ответа, Чан Кайши 28 июня 1954 г. сам представил идею союза американскому послу на Тайване Карлу Ранкину, однако и эта инициатива не нашла поддержки в Государственном департаменте [Qiang, 1994: 157–158]. Нежелание дипломатов идти на формальные договоренности с правительством Чан Кайши в целом совпадало с настроениями, царившими в Пентагоне, который в принципе выступал против увеличения оборонных обязательств США в Тихоокеанском регионе [Garver, 1997: 55].

Переломным моментом в американо-тайваньском диалоге по поводу заключения союзного договора стал начавшийся в сентябре 1954 г. вооруженный конфликт между КНР и Тайванем из-за группы прибрежных островов, находившихся под юрисдикцией Китайской Республики. 9 сентября на встрече с Дж.Ф. Даллесом Чан Кайши вновь поднял вопрос о союзе и высказался за скорейшее заключение соответствующего договора⁶⁴. Пару недель спустя, 21 сентября, он говорил о том же с послом К. Ранкиным, упрекнув США в пере-

⁶² Memorandum of discussion at the 139th meeting of the National Security Council, Washington, April 8, 1953 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 181.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ The Ambassador in the Republic of China (Rankin) to the Department of State, Taipei, September 9, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 581–582.

шительности⁶⁵. Для того чтобы предотвратить прямое нападение Народно-освободительной армии Китая на Тайвань и заручиться поддержкой усилий американской дипломатии по деэскалации кризиса со стороны Чан Кайши, администрация Д. Эйзенхауэра решила пойти ему навстречу.

Переговоры прошли в ускоренном темпе, и 2 декабря 1954 г. был подписан Китайско-американский договор о взаимной обороне⁶⁶. Он состоял из 10 основных статей, включая положение о том, что при нападении на одну страну другая окажет ей помощь и военную поддержку. Договор поддерживал претензии Китайской Республики на роль единственного законного правительства Китая. В территориальном плане действие пакта ограничивалось только защитой острова Тайвань и Пескадорских островов, что само по себе было определенным предупреждением для чанкайшистского режима не начинать какие-либо односторонние военные действия против КНР. При ратификации документа американский Сенат одобрил резолюцию об использовании президентом США вооруженных сил для выполнения вытекающих из договора обязательств без санкции Конгресса, что предусматривала Конституция страны. Договор не содержал каких-либо ограничений по срокам, а в ст. 10 говорилось, что любая сторона может расторгнуть его через год после уведомления партнера.

Связанную с Тайванем дилемму администрация Д. Эйзенхауэра смогла успешно разрешить, согласовав секретный протокол, который обеспечивал контроль США за тем, как и когда Китайская Республика могла применить силовой подход. В ходе обмена нотами между госсекретарем Дж.Ф. Даллесом и министром иностранных дел Тайваня Джорджем Йе (Йе Кунг-чао) 10 декабря 1954 г. было решено, что использование силы требует «совместного соглашения» между Тайбэем и Вашингтоном: «С учетом обязательств обеих сторон по указанному Договору и того факта, что применение силы в любом из этих районов одной из сторон затрагивает другую сторону, достигнута договоренность о том, что такое применение силы будет

⁶⁵ The Ambassador in the Republic of China (Rankin) to the Department of State, Taipei, September 21, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 652.

⁶⁶ Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of China, December 2, 1954 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/chin001.asp (accessed: 05.03.2025).

предметом совместного соглашения при условии осуществления действий чрезвычайного характера, которые определенно являются реализацией неотъемлемого права на самооборону»⁶⁷. В записке Д. Эйзенхауэру после парафирования договора в ноябре 1954 г. Дж.Ф. Даллес раскрыл его истинную политическую подоплеку: «Договор касается нападения непосредственно на Формозу <...> без нашего согласия китайцы не будут применять силу ни с Формозы, ни с Пескадоров, ни с прибрежных островов. <...> [Этот договор] безоговорочно застолбил наши интересы на Формозе и Пескадорах, причем на такой основе, которая не позволит китайским националистам вовлечь нас в войну с коммунистическим Китаем»⁶⁸.

* * *

Подписание пакта с Республикой Китай стало заключительным штрихом в формировании Сан-Францисской системы. Стержнем ее служили американо-японские договоренности, обеспечивавшие Японии не только защиту, но и экономическую поддержку со стороны США, включая доступ на богатый и емкий внутренний американский рынок. Эти договоры дополняли заключенные с другими дальневосточными странами соглашения, которые условно можно разделить на «гарантийные» и «перестраховочные». К первым относились двусторонний американо-филиппинский договор о взаимной безопасности и тройственный Тихоокеанский пакт безопасности с Австралией и Новой Зеландией, которые были подписаны накануне и в первый день конференции в Сан-Франциско и обеспечивали союзникам гарантии со стороны США в случае возрождения японского милитаризма. Вторая часть системы, а именно договоры о взаимной безопасности с Южной Кореей и Тайванем, появилась в 1953–1954 гг. Закljučая эти соглашения, Вашингтон учитывал, что обе страны являлись, по сути, «разделенными нациями», руководство которых хотело выступать в качестве объединительной силы и, опираясь на мощь США, вполне могло развязать вооруженный конфликт с КНР или КНДР, чреватый серьезными последствиями. Стремясь обеспечить безопасность и выживание важных для стратегии «от-

⁶⁷ United States treaties and other international agreements. Vol. 6. Part 1. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1956. P. 454.

⁶⁸ Memorandum by the Secretary of State to the President, Washington, November 23, 1954 // Foreign relations of the United States, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan: In 2 parts. Part 1... P. 929.

брасывания коммунизма» союзников, одновременно не повышая риска вовлечения Соединенных Штатов в ядерную войну со всем «коммунистическим блоком», администрация Д. Эйзенхауэра решила «перестраховаться». Выходом из столь непростой ситуации стали отдельные протоколы к подписанным договорам, в соответствии с которыми обязательства США фактически аннулировались в том случае, если власти Южной Кореи или Тайваня совершали неугодные Вашингтону внешнеполитические акции.

Построенная по схеме «втулки и спиц» Сан-Францисская система первоначально носила ситуативный характер. Ни в военные, ни в первые послевоенные годы никто из американских планировщиков не собирался выстраивать отношения с азиатскими странами на двусторонней основе. Администрации Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра отдавали предпочтение многосторонним альянсам наподобие НАТО как оптимальному формату международного сотрудничества. Несмотря на реальные трудности в процессе складывания Тихоокеанского пакта, основной причиной его свертывания была начавшаяся война в Корее. В 1954 г. по инициативе и при активном участии США был подписан Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии, на основе которого была образована соответствующая организация (СЕАТО; South-East Asia Treaty Organization — SEATO), в общих чертах напоминавшая НАТО [см. подробнее: Нестеров, 1961]. Ее член Таиланд в 1962 г. также заключил с США двусторонний договор, согласно которому Вашингтон брал на себя обязательство защищать его и поддерживать его армию [см. подробнее: Theeravit, 1979]. Однако попытка дополнить «вертикальные альянсы» восточноазиатских государств с Соединенными Штатами «горизонтальными» связями между ними самими в очередной раз оказалась неудачной. СЕАТО просуществовала до 1977 г., и ее распад еще раз подтвердил правильность принципов, на которых строилась оказавшаяся весьма устойчивой Сан-Францисская система.

В настоящее время она включает пять государств: Японию, Австралию, Южную Корею, Филиппины и Таиланд, с которыми у США есть официальные договоры, а также Сингапур, Новую Зеландию и Тайвань, которые при отсутствии юридически обязывающих документов правильнее назвать военно-политическими партнерами [Лукин, Коротич, 2017: 5]. Новая Зеландия, ранее состоявшая в трехстороннем союзе с США и Австралией, была исключена из него в 1986 г. после создания безъядерной зоны в своих территориальных

водах. Договор о взаимной обороне с Китайской Республикой потерял силу после установления в 1979 г. дипломатических отношений между США и КНР. Американско-тайваньские связи в настоящее время регулирует Закон об отношениях с Тайванем (1979). В широком историческом плане Сан-Францисская система сыграла такую же важную роль в Тихоокеанском бассейне, как НАТО в Атлантическом. Она «соединила» Америку со странами Восточной Азии, благодаря чему на месте «исторического» Дальнего Востока после Второй мировой войны сформировался новый Азиатско-Тихоокеанский регион.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вербицкий С.И. Японо-американский военно-политический союз (1951–1970 гг.). М.: Наука, 1972.
2. История дипломатии: В 5 т. Т. 5. Кн. 1 / Под ред. В.С. Семёнова, М.А. Харламова. М.: Политиздат, 1974.
3. Левтонова Ю.О. История Филиппин: Краткий очерк. М.: Наука, 1979.
4. Лукин А.Л., Коротич С.А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 4. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15.
5. Нестеров С.М. США и СЕАТО. М.: Издательство АН СССР, 1961.
6. Садаков Д.А. «На крайний случай»: США, Ли Сын Ман и операция «Everready» в годы Корейской войны (1952–1953 гг.) // *Вестник Пермского университета. История*. 2018. № 4 (43). С. 40–49. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-40-49.
7. Сидоров А.А. Несостоявшийся альянс: США и Тихоокеанский пакт 1949–1951 годов // *Новая и новейшая история*. 2020. № 1. С. 127–146. DOI: 10.31857/S013038640008191-8.
8. Тихомиров В.Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М.: Восточная литература, 1998.
9. Уткин А.И. США — Япония: вчера, сегодня, завтра. М.: Наука, 1990.
10. Acharya A. *Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism*. Ithaca: Cornell University Press, 2009.
11. Barbantan A. *Pacific dream? The evolution of US strategic culture and alliances in the Indo-Pacific*. Cham: Palgrave MacMillan, 2024.
12. Barclay G.St.J. *Australia looks to America: The wartime relationship, 1939–1942* // *Pacific Historical Review*. 1977. Vol. 46. No. 2. P. 251–271. DOI: 10.2307/3637934.
13. Beisner R.L. *Dean Acheson: A life*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

14. Cha V.D. *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*. Princeton: Princeton University Press, 2016.
15. Cha V.D. *Powerplay: Origins of the U.S. alliance system in Asia // International Security*. 2010. Vol. 34. No. 3. P. 158–196. DOI: 10.1162/isec.2010.34.3.158.
16. Clough R.N. *Island China*. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
17. Denmark A.M. *U.S. strategy in the Asian century: Empowering allies and partners*. New York: Columbia University Press, 2020.
18. Gaddis J.L. *The long peace: Inquiries into the history of the Cold War*. New York: Oxford University Press, 1987.
19. Gallicchio M.S. *The best defense is a good offense: The evolution of American strategy in East Asia, 1953–1960 // The great powers in East Asia, 1953–1960 / Ed. by W.I. Cohen, A. Iriye*. New York: Columbia University Press, 1990.
20. Garver J.W. *The Sino-American alliance: Nationalist China and American Cold War strategy in Asia*. Armonk: M.E. Sharpe, 1997.
21. Hamm T.-Y. *Arming the two Koreas: State, capital, and military power*. London: Routledge, 1999.
22. Hemmer Ch., Katzenstein P.J. *Why is there no NATO in Asia? Collective identity, regionalism, and the origins of multilateralism // International Organization*. 2002. Vol. 56. No. 3. P. 575–607. DOI: 10.1162/002081802760199890.
23. Izumikawa Y. *Network connections and the emergence of the hub-and-spokes alliance system in East Asia // International Security*. 2020. Vol. 45. No. 2. P. 7–50. DOI: 10.1162/isec_a_00389.
24. Kelly A.M. *ANZUS and the early Cold War: Strategy and diplomacy between Australia, New Zealand and the United States, 1945–1956*. Cambridge: Open Book Publishers, 2018.
25. Kim S. J.-W. *Master of manipulation: Syngman Rhee and the Seoul-Washington alliance, 1953–1960*. Seoul: Yonsei University Press, 2001.
26. Kotch J. *The origins of the American security commitment to Korea // Child of conflict: The Korean-American relationship, 1943–1953 / Ed. by B. Cumings*. Seattle: University of Washington Press, 1983. P. 239–259.
27. Kusunoki A. *Yoshida Shigeru to Anzenhosho Seisaku no Keisei*. Kyoto: Minerva, 2009. (In Japan.)
28. Lin H.-T. *U.S.-Taiwan military diplomacy revisited: Chiang Kai-shek, Baituan, and the 1954 Mutual Defense Pact // Diplomatic History*. 2013. Vol. 37. No. 5. P. 971–994. DOI: 10.1093/dh/dht047.
29. Mabon D.W. *Elusive agreements: The Pacific Pact proposals of 1949–1951 // Pacific-Historical Review*. 1988. Vol. 57. No. 2. P. 147–177. DOI: 10.2307/4492264.
30. McIntyre W.D. *Background to the ANZUS pact: Policy-makers, strategy and diplomacy, 1945–55*. London: Palgrave Macmillan, 1995.
31. McMahan R.J. *The Cold War on the periphery: The United States, India and Pakistan*. New York: Columbia University Press, 1996.

32. Nester W.R. The reverse course, 1947–52 // *Power across the Pacific: A diplomatic history of American relations with Japan* / W.R. Nester. London: Palgrave Macmillan, 1996. P. 224–260.

33. Owendale R. The English-speaking alliance: Britain, the United States, the dominions and the Cold War, 1945–1951. London: George Allen & Unwin, 1985.

34. Park C.J. The influence of small states upon the superpowers // *World Politics*. 1975. Vol. 28. No. 1. P. 97–117. DOI: 10.2307/2010031.

35. Prados J. Assessing Dien Bien Phu // *The first Vietnam War: Colonial conflict and Cold War crisis* / Ed. by M.A. Lawrence, F. Logevall. Cambridge: Harvard University Press, 2007. P. 215–239.

36. Prados J. Vietnam: The history of an unwinnable war, 1945–1975. Lawrence: University Press of Kansas, 2009.

37. Press-Barnathan G. Organizing the world: The United States and regional cooperation in Asia and Europe. New York: Routledge, 2003.

38. Qiang Z. The dragon, the lion, and the eagle: Chinese-British-American relations, 1945–1958. Kent: Kent State University Press, 1994.

39. Rethinking the San Francisco System in Indo-Pacific security: Enduring legacies, structural contradictions and geopolitical rivalry / Ed. by Y. Sugita, V. Teo. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022.

40. Robb T.K., Gill D.J. The ANZUS treaty during the Cold War: A reinterpretation of U.S. diplomacy in the Southwest Pacific // *Journal of Cold War Studies*. 2015. Vol. 17. No. 4. P. 109–157. DOI: 10.1162/JCWS_a_00599.

41. The San Francisco System and its legacies: Continuation, transformation, and historical reconciliation in the Asia-Pacific / Ed. by H. Kimie. New York: Routledge, 2015.

42. Schonberger H.B. Aftermath of war: Americans and the remaking of Japan, 1945–1952. Kent: Kent State University Press, 1989.

43. Shin G.-W., Sneider D. Divergent memories: Opinion leaders and the Asia-Pacific war. Stanford: Stanford University Press, 2016.

44. Tang T. America's failure in China, 1941–1950. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

45. Theeravit K. Thailand: An overview of politics and foreign relations // *Southeast Asian Affairs*. 1979. Vol. 6. No. 1. P. 299–311.

46. Thompson S. The evolution of Southeast Asian regionalism: Security, economic development, and foreign power support for regional initiatives, 1947–77 // *JAS (Journal of ASEAN Studies)*. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 1–22. DOI: 10.21512/jas.v5i1.4160.

47. Tow W.T., Anwar Z. Why has the San Francisco System survived? Historical and theoretical perspectives // *Asian Politics & Policy*. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 8–26. DOI: 10.1111/aspp.12515.

48. Tucker N.B. Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: Uncertain friendships. New York: Twayne Publishers, 1994.

49. Vucetic S. *The Anglosphere: A genealogy of a racialized identity in international relations*. Stanford: Stanford University Press, 2011.
50. Watt A. *The evolution of Australian foreign policy, 1938–1965*. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
51. Welfield J. *An empire in eclipse: Japan in the postwar American alliance system*. London: The Athlone Press, 1988.
52. Xiang L. The recognition controversy: Anglo-American relations in China, 1949 // *Journal of Contemporary History*. 1992. Vol. 27. No. 2. P. 319–343. DOI: 10.1177/002200949202700206.
53. Zelizer J.E. *Arsenal of democracy: The politics of national security — From World War II to the war on terrorism*. New York: Basic Books, 2010.

REFERENCES

1. Verbitskii S.I. 1972. *Yapono-amerikanskii voenno-politicheskii soyuz (1951–1970 gg.)* [The Japanese-American military and political alliance, 1951–1970]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
2. Semenov V.S., Kharlamov M.A. (eds.). 1974. *Istoriya diplomatii: V 5 t. T. 5. Kn. 1* [The history of diplomacy: In 5 vols. Vol. 5. Book 1]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)
3. Levtonova Yu.O. 1979. *Istoriya Filippin. Kratkii ocherk* [History of the Philippines. A sketch]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
4. Lukin A.L., Korotich S.A. 2017. Mezhdunarodnye soyuzy SShA i Pekinoma: chtozhdet aziatsko-tikhookeanskiesoyuzy SShA? [The Asia-Pacific alliances of the United States: Between balancing, neutralization and hedging]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15. (In Russ.)
5. Nesterov S.M. 1961. *SShA i SEATO* [USA and SEATO]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ. (In Russ.)
6. Sadakov D.A. 2018. 'Na krainii sluchai': SShA, Li Syn Man i operatsiya 'Everready' v gody Koreiskoi voiny (1952–1953 gg.) [For the extreme case: USA, Syngman Rhee and the Everready operation in the Korean War (1952–1953)]. *Perm University Herald. History*, no. 4 (43), pp. 40–49. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-40-49. (In Russ.)
7. Sidorov A.A. 2020. Nesostoyavshii soyuz SShA i Tikhookeanskii pakt 1949–1951 godov [Frustrated alliance: The United States and the Pacific Pact, 1949–1951]. *Modern and Contemporary History*, no. 1, pp. 127–146. DOI: 10.31857/S013038640008191-8. (In Russ.)
8. Tikhomirov V.D. 1998. *Koreiskaya problema i mezhdunarodnye faktory (1945 — nachalo 80-kh godov)* [The Korean problem and international factors (1945 — early 80s)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. (In Russ.)
9. Utkin A.I. *SShA — Yaponiya: vchera, segodnya, zavtra* [USA — Japan: yesterday, today, tomorrow]. Moscow, Nauka. (In Russ.)

10. Acharya A. 2009. *Whose ideas matter? Agency and power in Asian regionalism*. Ithaca, Cornell University Press.

11. Barbantan A. 2024. *Pacific dream? The evolution of US strategic culture and alliances in the Indo-Pacific*. Cham, Palgrave MacMillan.

12. Barclay G.St.J. 1977. Australia looks to America: The wartime relationship, 1939–1942. *Pacific Historical Review*, vol. 46, no. 2, pp. 251–271. DOI: 10.2307/3637934.

13. Beisner R.L. 2006. *Dean Acheson: A life*. Oxford, Oxford University Press.

14. Cha V.D. 2016. *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*. Princeton, Princeton University Press.

15. Cha V.D. 2010. Powerplay: Origins of the U.S. alliance system in Asia. *International Security*, vol. 34, no. 3, pp. 158–196. DOI: 10.1162/isec.2010.34.3.158.

16. Clough R.N. 1978. *Island China*. Cambridge, Harvard University Press.

17. Denmark A.M. 2020. *U.S. strategy in the Asian century: Empowering allies and partners*. New York, Columbia University Press.

18. Gaddis J.L. 1987. *The long peace: Inquiries into the history of the Cold War*. New York, Oxford University Press.

19. Gallicchio M.S. 1990. The best defense is a good offense: The evolution of American strategy in East Asia, 1953–1960. In: Cohen W.I., Iriye A. (eds.). *The great powers in East Asia, 1953–1960*. New York, Columbia University Press.

20. Garver J.W. 1997. *The Sino-American alliance: Nationalist China and American Cold War strategy in Asia*. Armonk, M.E. Sharpe.

21. Hamm T.-Y. 1999. *Arming the two Koreas: State, capital, and military power*. London, Routledge.

22. Hemmer Ch., Katzenstein P.J. 2002. Why is there no NATO in Asia? Collective identity, regionalism, and the origins of multilateralism. *International Organization*, vol. 56, no. 3, pp. 575–607. DOI: 10.1162/002081802760199890.

23. Izumikawa Y. 2020. Network connections and the emergence of the hub-and-spokes alliance system in East Asia. *International Security*, vol. 45, no. 2, pp. 7–50. DOI: 10.1162/isec_a_00389.

24. Kelly A.M. 2018. *ANZUS and the early Cold War: Strategy and diplomacy between Australia, New Zealand and the United States, 1945–1956*. Cambridge, Open Book Publishers.

25. Kim S. J.-W. 2001. *Master of manipulation: Syngman Rhee and the Seoul-Washington alliance, 1953–1960*. Seoul, Yonsei University Press.

26. Kotch J. 1983. The origins of the American security commitment to Korea. In: Cumings B. (ed.). *Child of conflict: The Korean-American relationship, 1943–1953*. Seattle, University of Washington Press, pp. 239–259.

27. Kusunoki A. 2009. *Yoshida Shigeru to Anzenhoshō Seisaku no Keisei* [Shigeru Yoshida and the formation of security policy]. Kyoto, Minerva. (In Japan.)

28. Lin H.-T. 2013. U.S.-Taiwan military diplomacy revisited: Chiang Kai-shek, Baituan, and the 1954 Mutual Defense Pact. *Diplomatic History*, vol. 37, no. 5, pp. 971–994. DOI: 10.1093/dh/dht047.

29. Mabon D.W. 1988. Elusive agreements: The Pacific Pact proposals of 1949–1951. *Pacific-Historical Review*, vol. 57, no. 2, pp. 147–177. DOI: 10.2307/4492264.
30. McIntyre W.D. 1995. *Background to the ANZUS pact: Policy-makers, strategy and diplomacy, 1945–55*. London, Palgrave Macmillan.
31. McMahon R.J. 1996. *The Cold War on the periphery: The United States, India and Pakistan*. New York, Columbia University Press.
32. Nester W.R. 1996. The reverse course, 1947–52. In: Nester W.R. *Power across the Pacific: A diplomatic history of American relations with Japan*. London, Palgrave Macmillan, pp. 224–260.
33. Owendale R. 1985. *The English-speaking alliance: Britain, the United States, the dominions and the Cold War, 1945–1951*. London, George Allen & Unwin.
34. Park C.J. 1975. The influence of small states upon the superpowers. *World Politics*, vol. 28, no. 1, pp. 97–117. DOI: 10.2307/2010031.
35. Prados J. 2007. Assessing Dien Bien Phu. In: Lawrence M.A., Logevall F. (eds.). *The first Vietnam War: Colonial conflict and Cold War crisis*. Cambridge, Harvard University Press, pp. 215–239.
36. Prados J. 2009. *Vietnam: The history of an unwinnable war, 1945–1975*. Lawrence, University Press of Kansas.
37. Press-Barnathan G. 2003. *Organizing the world: The United States and regional cooperation in Asia and Europe*. New York, Routledge.
38. Qiang Z. 1994. *The dragon, the lion, and the eagle: Chinese-British-American relations, 1945–1958*. Kent, Kent State University Press.
39. Sugita Y., Teo V. (eds.). 2022. *Rethinking the San Francisco System in Indo-Pacific security: Enduring legacies, structural contradictions and geopolitical rivalry*. Singapore, Palgrave Macmillan.
40. Robb T.K., Gill D.J. 2015. The ANZUS treaty during the Cold War: A re-interpretation of U.S. diplomacy in the Southwest Pacific. *Journal of Cold War Studies*, vol. 17, no. 4, pp. 109–157. DOI: 10.1162/JCWS_a_00599.
41. Kimie H. (ed.). 2015. *The San Francisco System and its legacies: Continuation, transformation, and historical reconciliation in the Asia-Pacific*. New York, Routledge.
42. Schonberger H.B. 1989. *Aftermath of war: Americans and the remaking of Japan, 1945–1952*. Kent, Kent State University Press.
43. Shin G.-W., Sneider D. 2016. *Divergent memories: Opinion leaders and the Asia-Pacific war*. Stanford, Stanford University Press.
44. Tang T. 1967. *America's failure in China, 1941–1950*. Chicago, University of Chicago Press.
45. Theeravit K. 1979. Thailand: An overview of politics and foreign relations. *Southeast Asian Affairs*, vol. 6, no. 1, pp. 299–311.
46. Thompson S. 2017. The evolution of Southeast Asian regionalism: Security, economic development, and foreign power support for regional initiatives, 1947–77. *JAS (Journal of ASEAN Studies)*, vol. 5, no. 1, pp. 1–22. DOI: 10.21512/jas.v5i1.4160.

47. Tow W.T., Anwar Z. 2020. Why has the San Francisco System survived? Historical and theoretical perspectives. *Asian Politics & Policy*, vol. 12, no. 1, pp. 8–26. DOI: 10.1111/aspp.12515.

48. Tucker N.B. 1994. *Taiwan, Hong Kong, and the United States, 1945–1992: Uncertain friendships*. New York, Twayne Publishers.

49. Vucetic S. 2011. *The Anglosphere: A genealogy of a racialized identity in international relations*. Stanford, Stanford University Press.

50. Watt A. 1967. *The evolution of Australian foreign policy, 1938–1965*. Cambridge, Cambridge University Press.

51. Welfield J. 1988. *An empire in eclipse: Japan in the postwar American alliance system*. London, The Athlone Press.

52. Xiang L. 1992. The recognition controversy: Anglo-American relations in China, 1949. *Journal of Contemporary History*, vol. 27, no. 2, pp. 319–343. DOI: 10.1177/002200949202700206.

53. Zelizer J.E. 2010. *Arsenal of democracy: The politics of national security — From World War II to the war on terrorism*. New York, Basic Books.

Статья поступила в редакцию 26.03.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2025;
принята к публикации 15.04.2025

The paper was submitted 26.03.2024;
approved after reviewing 20.03.2025;
accepted for publication 15.04.2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-203-237

Научная статья / Research paper

Д.А. Садаков*

ФАКТОР США В ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1940–1970-Е ГОДЫ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Вятский государственный университет»

610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Обычно политику США на Корейском полуострове в годы холодной войны рассматривают через призму логики биполярного противостояния и советско-американской борьбы за сферы влияния. Между тем международные взаимодействия на уровне корейской региональной подсистемы не сводились к жесткому размежеванию государств на два противоборствующих лагеря и характеризовались большей сложностью и непредсказуемостью. В настоящем исследовании предпринята попытка показать, что политика США была определяющим, но далеко не единственным фактором в становлении и развитии региональной подсистемы международных отношений на Корейском полуострове и корректировалась с учетом действий иных акторов. В первом разделе статьи выявляется тенденция к трансформации относительно мирной ситуации вокруг Кореи после окончания Второй мировой войны в сторону напряженного соперничества сверхдержав и разделения полуострова на два враждебных друг другу корейских государства. Автор отмечает, что экспорт биполярности в Корею осуществлялся тогда при активном содействии США, не желавших допустить чрезмерного усиления позиций СССР в регионе. Во втором разделе подробно рассматривается роль США в Корейской войне и ее последующем урегулировании. Подчеркивается, что уже тогда Вашингтон вопреки своим ожиданиям столкнулся с противодействием ряда региональных игроков и осознал необходимость поиска альтернативных

* Садаков Денис Андреевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет (e-mail: rstk2005@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4308-7276).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179 «Борьба сверхдержав за лидерство на периферии холодной войны в 1947–1991 гг.» (<https://rscf.ru/project/22-78-10179/>).

стратегий участия в корейских делах. В третьем разделе выявляются конкретные шаги США, направленные на сокращение своего присутствия в Южной Корее, и анализируется реакция региональных игроков на изменения в американском внешнеполитическом курсе. В частности, показано, как американо-китайское сближение в 1970-е годы повлияло на эволюцию региональной системы безопасности в сторону многополярности и разрядки международной напряженности. В заключение делается вывод, что трендом региональной политики США в 1940–1970-е годы было осознанное и постепенное снижение степени своей вовлеченности в корейские дела за счет перераспределения обязательств между союзниками и привлечения новых акторов в процесс корейского урегулирования. При этом автор отмечает, что стратегический подход к корейской политике, выбранный США еще в годы холодной войны и основанный на системе многосторонних альянсов, сохраняет актуальность по сей день, помогая американскому руководству эффективно поддерживать свое присутствие на Корейском полуострове на современном этапе развития международных отношений.

Ключевые слова: США, холодная война, Корейская война, Республика Корея, КНДР, биполярная система, КНР, Япония, Г. Трумэн, Р. Никсон, Ким Ир Сен, Ли Сын Ман

Для цитирования: Садаков Д.А. Фактор США в эволюции региональной биполярной системы на Корейском полуострове в 1940–1970-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 203–237. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-203-237.

Denis A. Sadakov

**THE U.S. FACTOR IN THE EVOLUTION
OF THE REGIONAL BIPOLAR SYSTEM
ON THE KOREAN PENINSULA IN THE 1940S–1970S**

*Vyatka State University
36, Moskovskaya St., Kirov, Russia, 610000*

The U.S. policies toward the Korean peninsula during the Cold War are usually considered within the framework of the bipolar confrontation and the Soviet-American struggle for spheres of influence. Meanwhile, international interactions at the level of the Korean regional subsystem were not limited to a strict separation of states into two opposing camps and were characterized by

greater complexity and unpredictability. This study attempts to show that U.S. policy was a determining, but by no means the only, factor in the formation and development of the regional subsystem of international relations on the Korean Peninsula and was flexible enough to adapt to the actions of other actors. The first section of the article examines how a relatively peaceful situation around Korea in the aftermath of World War II transformed into an intense superpower rivalry and division of the peninsula into two adversarial Korean states. The author notes that this export of bipolarity to Korea was actively promoted by the United States, seeking to prevent the excessive strengthening of the Soviet positions in the region. The second section examines the role of the United States in the Korean War and its subsequent settlement. It is emphasized that already then, contrary to its expectations, the United States faced opposition from a number of regional actors and realized the need to search for alternative strategies to participate in Korean affairs. The third section identifies specific steps undertaken by the United States to reduce its presence in South Korea and analyzes the response of regional actors to the changes in American foreign policy. In particular, it shows how the U.S.-Chinese rapprochement in the 1970s influenced the evolution of the regional security system toward multipolarity and détente. It is concluded that the U.S. regional policy in the 1940s and 1970s tended to be deliberately and gradually decreasing the degree of its involvement in Korean affairs due to the redistribution of commitments between allies and the engagement of new actors in the Korean settlement process. At the same time, the author notes that the strategic approach to Korean policy, chosen by the United States during the Cold War and based on a system of multilateral alliances, has remained relevant so far, helping the American leadership to effectively maintain its presence on the Korean peninsula.

Keywords: United States, Cold War, Korean War, Republic of Korea, DPRK, bipolar system, PRC, Japan, Harry Truman, Richard Nixon, Kim Il-Sung, Syngman Rhee

About the author: Denis A. Sadakov — PhD (History), Senior Research Fellow at the Department of History and Political Science, Vyatka State University (e-mail: rstk2005@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4308-7276).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10179 (<https://rscf.ru/project/22-78-10179/>).

For citation: Sadakov D.A. 2025. The U.S. factor in the evolution of the regional bipolar system on the Korean peninsula in the 1940s–1970s. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 203–237. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-203-237. (In Russ.)

Понятие «биполярный мир», несмотря на его широкое употребление, по сей день остается размытым и дискуссионным в исторической литературе. Одни исследователи интерпретируют биполярность через модель разделения международной системы на два враждующих лагеря, каждый из которых объединен вокруг одной из сверхдержав. Другие указывают на факт обладания только двумя державами экономических и технологических ресурсов для поддержания глобальной стратегии ядерного сдерживания. Третьи определяют биполярность как ситуацию, в которой две державы настолько мощны, что не нуждаются в союзниках и могут самостоятельно защищать свои интересы. Еще одна интерпретация концентрируется на понимании биполярности как системы, состоящей исключительно из двух великих держав. Наконец, существует трактовка биполярности как характеристики структуры международных отношений, которая делает систему более стабильной, так как уменьшает неопределенность: две сверхдержавы знают, кто их главный соперник, и не зависят от союзников.

Как справедливо отмечает Р.Х. Вагнер, все эти подходы не объясняют в полной мере поведение США и СССР в холодной войне, поскольку важную роль в процессе формирования политики сверхдержав играли их союзники, а неопределенность в международных отношениях, связанная с сочетанием военных, геополитических и экономических факторов, сохранялась. Р.Х. Вагнер предложил альтернативный взгляд на понятие «биполярность», согласно которому ее следует интерпретировать как результат объединения держав «свободного мира» против близкого к достижению гегемонии СССР. Конфликты на периферии холодной войны редко меняли общую стратегическую картину, но демонстрировали готовность Москвы и Вашингтона защищать своих союзников и сдерживать экспансию противника, что усиливало альянсы сверхдержав в остальных регионах мира [Wagner, 1993].

В контексте данного подхода большой интерес представляет история политики США в отношении государств Корейского полуострова, который на протяжении десятилетий остается местом переплетения интересов крупных держав и локальных акторов. В условиях усиливающейся в наши дни тенденции к установлению многополярности в международных отношениях анализ эволюции политики США становится важным для понимания того, как взаимодействие глобальных и региональных факторов может приводить

к долгосрочным геополитическим последствиям, порождая соответствующие им специфические структуры безопасности.

История Кореи и политики США в регионе в годы становления биполярной системы неоднократно рассматривалась в отечественной и зарубежной историографии [Садаков, 2017а, 2017b; Weathersby, 1993; Lee, 1995; Cumings, 2002; Cha, 2016]. Гораздо реже предпринимались попытки последовательного анализа роли этой политики с точки зрения эволюции биполярности.

В советской историографии подчеркивался конфронтационный характер политики США: южная часть Корейского полуострова, как правило, представлялась как военный плацдарм Вашингтона [Политика США..., 1964: 273], который сознательно превращался в район противоборства с миром социализма средствами, угрожавшими безопасности Азии [Кременюк, Лукин, 1978: 82].

Большой интерес представляет труд В.Д. Тихомирова «Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов)», в котором обращено внимание на существенное давление на курс Вашингтона со стороны его региональных союзников [Тихомиров, 1998: 29, 130, 141–157, 179, 204]. В работе А.В. Воронцова «Треугольник США — Япония — Южная Корея. Миф или реальность» развитие связей США с дальневосточными союзниками рассматривалось в контексте военных и экономических планов Вашингтона в отношении Японии [Воронцов, 1991: 46, 50–53]. Отдельные эпизоды из истории внешней политики США в рассматриваемый период затрагивались в работе «Корейское урегулирование и интересы России», изданной под редакцией В.И. Денисова и А.З. Жебина [Корейское урегулирование и интересы России, 2008].

За рубежом процессам строительства американской региональной системы безопасности посвящены работы В. Ча и С. Ли [Lee, 1995, 2013; Cha, 2016]. В. Ча исходил из того, что в послевоенный период США избрали лучевую архитектуру для своей системы безопасности в Восточной Азии, поскольку творцам американской политики приходилось иметь дело с уникальным регионом. Потенциальные союзники США в этой части мира были склонны к неконтролируемым односторонним шагам и могли втянуть Вашингтон в полномасштабную войну в Азии. Защитой от данной угрозы служило создание сети двусторонних союзов с Тайванем, Южной Кореей и Японией. Такая тактика позволяла более эффективно контроли-

ровать события, предотвращать односторонние акты агрессии и не допускать сговоров между партнерами Вашингтона [Cha, 2016: 193].

Одной из немногих работ, затрагивающих политику США в Корею в течение периода 1953–1970-х годов, является труд Д. Обердорфера «Две Кореи. Современная история», в котором показано, что принятая США в 1970-х годах попытка изменить степень вовлеченности в корейские дела путем вывода из страны американских войск провалилась не столько из-за ущербности самой идеи, сколько из-за «безапелляционного и разрушительного подхода», избранного для достижения этой цели [Oberdorfer, 2001: 108].

В ряде исследований рассмотрена роль КНР и советско-китайского соперничества в развитии ситуации на Корейском полуострове [Chen, 2001; Zhihua, Yafeng, 2015; Friedman, 2015]. В этом контексте интересно мнение Г. Бразинского, который указывает, что именно противостояние США и КНР на корейском направлении стало причиной укрепления Китая в статусе великой державы, что стимулировало продолжение силовых действий со стороны Вашингтона [Brazinsky, 2017: 47–48].

Цель данной статьи — выявление причин и последствий инициатив США, направленных на фактическое размывание биполярной системы в регионе Корейского полуострова. В таком ключе политика Вашингтона ранее не рассматривалась, и эта тема нуждается в дальнейшей разработке.

Формирование биполярной системы в регионе Корейского полуострова

Судьба Кореи по окончании Второй мировой войны была определена на Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г. Его итогом стала компромиссная платформа, предусматривавшая создание независимого государства при содействии Совместной советско-американской комиссии и подразумевавшая установление над Кореей опеки сроком до 5 лет как способа «помощи прогрессу корейского народа» [Ки Кван Со, 1997: 98–99]. Согласно плану сверхдержав Корея должна была превратиться в своеобразную буферную зону между двумя мирами, избежав превращения в арену конфронтации. Мнение корейского народа при этом учтено не было.

В течение последующих месяцев советско-американское взаимодействие в деле строительства единого и независимого корейского

государства разочаровало дипломатов обеих стран. Несмотря на публично декларируемую СССР и США готовность работать вместе, Корея постепенно превращалась в поле соперничества, победитель в котором получал доминирующее влияние на полуострове. Вскоре граница между Севером и Югом была фактически закрыта. Ключевое значение для будущего страны имела работа Совместной советско-американской комиссии, начало которой было намечено на весну 1946 г. США стремились использовать преимущество, которое им давал перевес в численности населения южной оккупационной зоны. На руку Вашингтону играло и то, что столица Кореи — Сеул — также находилась к югу от 38-й параллели. Советская делегация в свою очередь пыталась максимально точно следовать решениям Московского совещания, используя их для отстранения антисоветски настроенных правых партий — противников опеки [Садаков, 2018]. В итоге и СССР, и США стали применять эти решения не как конкретный план, подлежащий реализации, а как рамочный документ, оставлявший лазейки для собственных интерпретаций, вследствие чего вероятность конструктивного сотрудничества была невелика.

В течение следующих месяцев в Госдепартаменте пришли к выводу, что при инерционном сценарии развития событий СССР сможет добиться доминирования коммунистов в любом возможном коалиционном правительстве¹. Во второй половине 1947 г. ситуация стала для Вашингтона критической, особенно на фоне того, что США ранее уже сталкивались с восстаниями в своей оккупационной зоне. В одном из отчетов ЦРУ, подготовленном в начале 1947 г., отмечалось, что Южная Корея охвачена волнениями, вызванными дефицитом продуктов питания², который не получалось покрыть даже поставками из США. Проблема усугублялась тем, что из-за забастовок и серии паводков в стране была нарушена работа транспортной системы, а поставки электроэнергии из советской оккупационной зоны постоянно снижались, в результате даже с учетом собственных мощностей электричества хватало лишь на удовлетворение самых

¹ The Ambassador in the Soviet Union (Smith) to the Secretary of State, August 28, 1947 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v06/d592> (accessed: 05.03.2025).

² The situation in Korea. January 3, 1947 // Harry S. Truman Library & Museum. P. 3. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/situation-korea-office-reports-and-estimates-51?documentid=NA&pagenumber=1> (accessed: 05.03.2025).

насуточных потребностей³. Американские дипломаты опасались, что радикалы правого или левого толка смогут подогреть настроения местного населения до такой степени, что контролировать ситуацию станет невозможно. Вашингтон также беспокоили вопросы международного престижа: потеря Кореи нанесла бы по нему тяжелый удар и стала бы свидетельством бессилия США в деле защиты других стран от проникновения коммунистического влияния⁴.

В этих условиях задача США заключалась в том, чтобы минимизировать свое участие в корейских делах, при этом продемонстрировав корейцам и мировому сообществу верность предшествовавшим соглашениям и идее независимости Кореи, а также избежав подпадания всего полуострова в орбиту влияния СССР⁵.

Для достижения этой цели Вашингтон внес предложение о приглашении в состав «вершителей судеб» Кореи делегаций союзников США — Великобритании и Китайской Республики — и соответственном снижении роли СССР. Впрочем, сами американцы, включая посла США в Москве У.Б. Смита, считали, что Советский Союз вряд ли согласится на эти условия⁶. Последовавший отказ Кремля от продолжения работы в четырехстороннем формате привел к активации плана передачи вопроса о Корее на рассмотрение Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН. В этом органе США имели все основания рассчитывать на принятие практически любого нужного им решения [Halliday, 1974: 110]. Используя влияние на большинство членов ГА, Вашингтон смог придать легитимность своим планам, настояв на принятии соответствующей резолюции 14 ноября 1947 г. Она предусматривала проведение выборов в Корею на американских условиях под наблюдением Временной комиссии ООН, состоявшей из представителей Австралии, Канады, Китая, Сальвадора, Франции, Индии, Филиппин, Сирии и Украинской ССР⁷. Советский Союз отказался

³ War Department incoming classified message. January 17, 1947 // Harry S. Truman Library & Museum. P. 2. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/node/316382> (accessed: 05.03.2025).

⁴ Containment: Documents on American policy and strategy, 1945–1950 / Ed. by T.H. Etzold, J.L. Gaddis. New York: Columbia University Press, 1978. P. 78.

⁵ Report by the Ad Hoc Committee on Korea, August 4, 1947 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v06/d560> (accessed: 05.03.2025).

⁶ Ibidem.

⁷ Resolution adopted by the United Nations General Assembly on November 14 at its 112th plenary meeting // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/>

участвовать в работе этого органа, мотивировав свое решение тем, что создание такой комиссии противоречит принципу национального самоопределения корейского народа [Петухов, 1987: 132]. Этот демарш дал толчок протестам левых сил, которые требовали проведения всеобщих выборов и выступали против дальнейшего иностранного вмешательства в политические процессы на Корейском полуострове. Однако Вашингтон сумел нивелировать активность своих оппонентов — корейских партий левой ориентации — и добиться реализации нужного ему сценария.

Организованные корейскими левыми беспорядки особого впечатления на представителей США не произвели. 10 февраля 1948 г. командующий американскими войсками в Корее генерал Дж. Ходж отметил: «Коммунисты называют эти демонстрации всеобщей забастовкой <...>. Интересно отметить, что, по нашим сведениям, во всей Южной Корее бастовало лишь несколько сотен человек на небольших фабриках, притом почти во всех случаях по принуждению и под угрозами насилия со стороны агитаторов»⁸. В конце февраля 1948 г. комиссия ООН попыталась привлечь представителей левых и центристских организаций к обсуждению будущего Кореи. Вскоре выяснилось, что почти все приглашенные к участию в консультациях политические деятели находились либо в тюрьме, либо под полицейским наблюдением. Когда комиссия обеспечила им иммунитет от преследований, никто из них не пожелал принять приглашение [Deane, 1999: 65].

В итоге США добились проведения отдельных выборов на Юге Кореи, которые состоялись 10 мая 1948 г. 15 августа 1948 г. было провозглашено создание независимой Республики Корея. Это был осознанный шаг американской администрации. Фиксирование раздела Кореи по 38-й параллели дало Вашингтону возможность сформировать на юге полуострова зависимый от его помощи правонационалистический режим и сохранить свои позиции в регионе в условиях высокого уровня влияния левых сил. В ответ на провозглашение государственной самостоятельности Юга 9 сентября

historicaldocuments/frus1947v06/d660 (accessed: 05.03.2025); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/112 (II) «Вопрос о независимости Кореи», 14 ноября 1947 года // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Доступ: [https://docs.un.org/ru/A/RES/112\(II\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/112(II)) (дата обращения: 05.03.2025).

⁸Официальные отчеты. Дополнение. Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее. Т. I. [Б. м.], 1948. С. 23.

1948 г. было объявлено о создании на севере полуострова Корейской Народно-Демократической Республики.

Таким образом, формирование биполярной системы на Корейском полуострове стало результатом стремления США не допустить возможного установления советской гегемонии в Корее. При решающей роли Вашингтона, мобилизовавшего своих союзников и использовавшего свое влияние в ООН, к 1948 г. на Корейском полуострове сформировалась ситуация, при которой Север контролировался просоветским режимом, а Юг находился под доминирующим влиянием США. Это разделение стало основой для дальнейшего соперничества двух сверхдержав в регионе.

Тем не менее степень поляризации сложившейся структуры была еще ограниченной. Позиция США относительно обеспечения безопасности своего регионального клиента заключалась в том, что Южной Корее необходимо оказывать помощь для того, чтобы режим мог самостоятельно постоять за себя [Jongsuk, 2002: 141]. 30 декабря 1949 г. эта идея была закреплена в директиве Совета национальной безопасности США СНБ-48, предусматривавшей моральную и материальную поддержку Республики Корея, чтобы впоследствии она смогла стать ядром единого государства, созданного мирным путем и на демократической основе⁹. Восприятие американскими политиками ситуации на полуострове к началу 1950 г. иллюстрируют слова советника Госдепартамента Дж. Кеннана: «Обстановка в Корее на удивление хорошая, и по всем признакам с нашей помощью режим способен удержать власть в своих руках»¹⁰.

Публично позиция США по Корее была оглашена в речи госсекретаря Д. Ачесона 12 января 1950 г. в Национальном пресс-клубе. Вслед за СНБ-48 [Matray, 2002: 48] госсекретарь проводил американский оборонительный периметр через Филиппины, Рюкю, Японию и Алеутские острова. После нападения КНДР на Республику Корея, которое произошло спустя полгода после этой речи, Д. Ачесон подвергся критике за то, что своим выступлением якобы дал зеленый свет коммунистической агрессии. В то же время вопреки данному

⁹ Memorandum by the Executive Secretary of the National Security Council (Souers) to the National Security Council, December 30, 1949 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v07p2/d387> (accessed: 05.03.2025).

¹⁰ Memorandum by the Counselor (Kennan) to the Secretary of State, January 6, 1950 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v01/d52> (accessed: 05.03.2025).

мнению госсекретаря не исключал Корею из числа поддерживаемых Соединенными Штатами стран. Он лишь предупреждал, что первое время после атаки ей, как и другим второстепенным государствам, придется рассчитывать на собственные силы и помощь ООН¹¹. Сегодня известно, что планы силового объединения страны вынашивали власти и Севера, и Юга Кореи. Первым подобную попытку воссоединения корейского народа предпринял Пхеньян.

США и усиление поляризации региональной системы в 1950-х годах

25 июня 1950 г. около 6:00 по местному времени Корейская народная армия перешла 38-ю параллель и начала развивать наступление на юг. Глевший с момента образования двух независимых корейских государств конфликт вступил в горячую фазу.

На собранном в срочном порядке совещании в Госдепартаменте присутствовали главы ключевых отделов дипломатического ведомства. С самого начала базовым сценарием действий стала передача вопроса на рассмотрение в Совет Безопасности (СБ) ООН¹², где влияние США ограничивалось советским правом вето. Впрочем, советники Г. Трумэна по России Дж. Кеннан и Ч. Болен были уверены, что советская бюрократия не способна принимать быстрые решения, и ставили на то, что представитель СССР будет отсутствовать на грядущем заседании Совета Безопасности¹³.

Ключевая роль ООН в процессе легитимации решения о вмешательстве в корейские дела обуславливалась тем, что действия КНДР формально не вели к активации каких-либо обязательств США в отношении Республики Корея и Г. Трумэну нужен был повод, чтобы обойти отсутствие согласия Конгресса на участие в боевых действиях [Попов и др., 2005: 101].

Проведение через СБ ООН нужной США резолюции началось утром 25 июня по местному времени¹⁴. По итогам обсуждения

¹¹ Speech on the Far East by Dean Acheson, January 12, 1950 // Teaching American History. Available at: <https://teachingamericanhistory.org/document/speech-on-the-far-east/#doc-tabs-full> (accessed: 05.03.2025).

¹² The Secretary of State to the Embassy in Korea, June 25, 1950 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v07/d85> (accessed: 05.03.2025).

¹³ Acheson D. Present at the creation: My years in the State Department. New York: W.W. Norton & Company, 1969. P. 408.

¹⁴ Ibid. P. 404.

большинством голосов (9 «за» при воздержавшемся представителе Югославии и отсутствовавшем делегате от СССР¹⁵) была принята резолюция № 82 от 25 июня 1950 г., в которой отмечался факт вооруженного нападения КНДР. Совбез призывал власти Северной Кореи отвести войска за 38-ю параллель, а правительства государств — членов ООН — отказаться от содействия режиму северокорейского лидера Ким Ир Сена¹⁶. Резолюция № 82 позволила США заложить платформу для дальнейшей легитимации своих действий в ООН. КНДР официально была названа виновником начала боевых действий, а ее союзники автоматически становились нарушителями международного права¹⁷.

В результате попытка установления коммунистического контроля над всей Кореей была пресечена путем формирования коалиции, в которую усилиями США было вовлечено 16 стран — членов ООН. Несмотря на то что ключевую роль в ведении боевых действий играли американские и южнокорейские войска, прямое участие европейских, азиатских и африканских стран в войне играло важную роль в укреплении позиции Вашингтона на международной арене. В то же время этот шаг усилил поляризацию государств не только в Северо-Восточной Азии, но и во всём мире.

Военный успех коалиции ООН и последовавший переход антикоммунистических сил через границу КНДР спровоцировали ответные шаги коммунистов. В Москве и Пекине сочли неприемлемыми как риски полного поражения Северной Кореи, так и полномасштабное вмешательство СССР.

¹⁵ Представитель СССР бойкотировал заседания Совета Безопасности с января 1950 г. в связи с тем, что в ООН Китай представлял посланник гоминьдановского, а не коммунистического режима. Более того, согласно воспоминаниям А.А. Громько на заседании 25 июня советский представитель отсутствовал по личному указанию И.В. Сталина. См. подробнее: Громько А.А. Памятное. Кн. 1. М.: Политиздат, 1990. С. 249–250.

¹⁶ Резолюция Совета Безопасности ООН № S/RES/82 (1950) «Протест против агрессии, которой подверглась Корейская Республика», 25 июня 1950 г. // Совет Безопасности ООН. Доступ: [https://docs.un.org/ru/S/RES/82\(1950\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/82(1950)) (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁷ Memorandum of conversation, by the Ambassador at Large (Jessup), June 25, 1950 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v07/d86> (accessed: 05.03.2025). О процессе кризисного реагирования США после начала полномасштабных боевых действий на Корейском полуострове в 1950 г. см. подробнее: [Юнгблюд, Садаков, 2018].

В исторической литературе подробно освещена проблема вступления в войну Китайских народных добровольцев [Иванов, 2020, 2022; Nichols, 2000]. Начавшееся 25 октября китайское наступление развивалось в целом успешно. При этом важную роль играли советские истребители, помогавшие осуществлять прикрытие стратегических объектов и коммуникаций в тылу группировки войск КНР и КНДР. Москва проявила осторожность, отказавшись предоставлять ударные самолеты. Вашингтону было известно о действиях советских летчиков, но из-за опасений расширения конфликта они не рискнули использовать эту информацию в пропагандистских или иных целях [Стьюк, 2002: 208–209; O'Neill, 2000].

Вступление КНР в Корейскую войну означало мобилизацию коалиции коммунистов в ответ на возросшую угрозу со стороны США и их союзников. В то же время оно продемонстрировало решимость Пекина защищать свои стратегические интересы на мировой арене. Тем самым Китай заложил основы своей будущей роли в Азии как военного и политического противовеса влиянию Соединенных Штатов.

Расширение без санкции ООН театра войны на территорию Китая не входило в планы США, поскольку это неминуемо вело как минимум к частичному расколу сформировавшейся коалиции и к мобилизации значительных дополнительных сил. Более того, начало полномасштабного американо-китайского вооруженного конфликта многократно повышало риск вмешательства СССР и третьей мировой войны [Zornow, 1959: 101].

4 января 1951 г. китайско-северокорейскими войсками был занят Сеул. В этих условиях в Вашингтоне заговорили о возможности применения ядерного оружия. Впрочем, к такому радикальному шагу действующая администрация была не готова, а попытки главнокомандующего сил ООН генерала Д. Макартура добиться эскалации ситуации с помощью публичной критики своего руководства привели к негативной реакции Г. Трумэна и снятию генерала с должности в апреле 1951 г. Решение не применять ядерное оружие в Корее было следствием комплекса причин: относительной ограниченности ядерного арсенала США; преобладания в Объединенном комитете начальников штабов мнения, что использование атомного оружия эффективно только в случае стратегических бомбардировок (которые в условиях Корейской войны могли применяться лишь для

ударов по территории СССР и Маньчжурии); оппозиции союзников Соединенных Штатов, в первую очередь Великобритании; и самое важное — слишком большого риска начала новой мировой войны [Попов и др., 2005: 196–199]. К весне 1951 г. боевые действия на Корейском полуострове приняли затяжной характер.

Заинтересованность в перемирии КНР, КНДР и США в скором времени заставила противоборствующие стороны активизировать переговорный процесс. Начало зондированию почвы для переговоров о перемирии было положено в ходе встреч советских и американских представителей в ООН. Первая из них состоялась 3 мая 1951 г. На ней Я.А. Малик и его заместитель С.К. Царапкин положительно высказались о возможном обсуждении корейской проблемы представителями советского и американского правительств¹⁸. 8 июля 1951 г. в г. Кэсоне были открыты переговоры с участием представителей войск ООН, руководства КНДР и командования Китайскими народными добровольцами. К 8 ноября разногласия по вопросу о линии разграничения были в значительной степени преодолены¹⁹. 27 ноября обе делегации ратифицировали договоренность, согласно которой большая часть согласованной линии, разделявшей КНДР и Республику Корея, проходила к северу от 38-й параллели [Стьюк, 2002: 404–405]. Относительно оперативно был достигнут прогресс и по вопросу о соблюдении режима перемирия. Тем не менее переговоры затянулись из-за казавшегося второстепенным пункта о репатриации военнопленных и продолжились до середины 1953 г.

Соглашение о перемирии было подписано в Пханмунджоме 27 июля 1953 г. Оно предусматривало прекращение огня и создание демилитаризованной зоны вдоль линии соприкосновения войск ООН с силами коммунистов. Вопрос восстановления единства страны был перенесен на следующий этап урегулирования — международную политическую конференцию²⁰. Одновременно представители 16 стран —

¹⁸ Memorandum of conversation, by F.P. Corrigan and T.J. Cory of the United States Mission at the United Nations, May 3, 1951 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v07p1/d271> (accessed: 05.03.2025).

¹⁹ The Commander in Chief, United Nations Command (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff, November 8, 1951 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v07p1/d445> (accessed: 05.03.2025).

²⁰ Korean War Armistice Agreement, July 27, 1953 // National Archives. Available at: <https://www.archives.gov/milestone-documents/armistice-agreement-restoration-south-korean-state> (accessed: 05.03.2025).

членов коалиции ООН приняли Совместную декларацию, в которой выражали поддержку соглашению о перемирии и готовность вновь взяться за оружие в случае нарушения его условий²¹.

Ценой обеспечения соблюдения Сеулом согласованных Вашингтоном с коммунистами условий перемирия, включая проведение политической конференции по корейскому вопросу, стало подписание 1 октября 1953 г. Договора о взаимной обороне между США и Республикой Корея. В совместном заявлении, принятом по итогам двусторонних консультаций, специально указывалось, что вплоть до даты вступления соглашения в силу южнокорейские войска будут подчинены командованию ООН, которое будет следовать условиям перемирия²².

В то же время это соглашение вписывалось в ряд подобных договоренностей, заключенных правительством США с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности с Филиппинами и Китайской Республикой²³. В случае возникновения угрозы нападения на территории, «на законных основаниях находившиеся под административным контролем одной из сторон» в зоне Тихого океана, участники Договора брали на себя обязательства консультироваться и как индивидуально, так и совместно принимать все необходимые меры для отражения вооруженного нападения «в соответствии с действующими конституционными процедурами». Кроме того, Республика Корея предоставляла США право разместить на своей территории боевые подразделения армии, флота и авиации²⁴. Одновременно были намечены щедрые программы военной и экономической помощи²⁵.

²¹ Joint Policy Declaration Concerning the Korean Armistice, July, 27, 1953 // Gerald Ford Presidential Library & Museum. P. 4. Available at: https://www.fordlibrarymuseum.gov/sites/default/files/pdf_documents/library/document/0337/24468965.pdf (accessed: 05.03.2025).

²² Results of Secretary Dulles' consultations with President Rhee // Department of State Bulletin. 1953. Vol. 29. No. 732. P. 203. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=msu.31293008121331&seq=203> (accessed: 05.03.2025).

²³ См.: Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of China, December 2, 1954 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/chin001.asp (accessed: 05.03.2025); Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of the Philippines, August 30, 1951 // Ibidem. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/phil001.asp (accessed: 05.03.2025).

²⁴ The Cold War: Interpreting conflict through primary documents / Ed. by P. Roberts. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2019. P. 364–367.

²⁵ Results of Secretary Dulles' consultations with President Rhee. P. 203.

Таким образом, на фоне окончания прямого вооруженного противостояния с коммунистами США стали предпринимать шаги по укреплению своего контроля над Республикой Корея и предотвращению возможных односторонних действий со стороны ее властей [см. подробнее: Садаков, Юнгблюд, 2019].

Одним из приоритетов СССР в рамках постконфликтного урегулирования стало закрепление региональной роли КНР, в том числе за счет участия китайской делегации в Женевской конференции 1954 г. Москва выступала посредником между коммунистическим Китаем и западными державами, доказывала необходимость признания КНР в качестве ключевого участника региональных международных отношений. Эти усилия позволили Китаю впервые принять участие в крупном международном мероприятии, что стало важным шагом к укреплению его статуса на мировой арене, несмотря на сопротивление США [Юнгблюд, Садаков, 2020a].

Корейская фаза Женевской конференции 1954 г. прошла по выбранному США сценарию и завершилась провалом с точки зрения возрождения единства Кореи. Коммунистам не удалось добиться принятия даже максимально обтекаемой резолюции по итогам форума и извлечь значимые пропагандистские выгоды из разоблачения американского обструкционизма. Формат обсуждения имел выраженный биполярный характер. И советская, и американская делегации выступили организаторами закрытых встреч своих союзников для выработки общей позиции и оказывали большое влияние на принимаемые на этих встречах решения. При этом кажущаяся монолитность переговорных позиций оппонентов вела к взаимным подозрениям в недоговороспособности [Юнгблюд, Садаков, 2020a].

Вывод Китайских народных добровольцев из КНДР был завершен к осени 1958 г. На рубеже 1957–1958 гг. был запущен процесс нуклеаризации Корейского полуострова за счет размещения американских ядерных зарядов и их носителей [Садаков, 2021]. Кроме того, к концу 1950-х годов в подготовленных в США руководящих документах в качестве приоритета было четко закреплено включение Южной Кореи в систему военно-политических блоков Соединенных Штатов в Тихом океане²⁶.

²⁶ National Security Council report, July 1, 1959 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v18/d279> (accessed: 05.03.2025).

Несмотря на выраженный характер сформировавшейся биполярности, наметившиеся тенденции в эволюции региональной системы безопасности создавали базу для постепенного размывания биполярности в будущем. Это становилось более явным в последующие годы, по мере роста региональной роли КНР и возникновения напряженности между Москвой и Пекином. Советско-китайский конфликт создавал потенциальные возможности для США, которые могли использовать раскол внутри коммунистического лагеря в своих интересах.

Специфической чертой системы обеспечения безопасности «крепости Южная Корея» было присутствие войск США. С одной стороны, американский контингент представлял собой ценный инструмент влияния на внутреннее положение в Республике и способствовал стабилизации ситуации в регионе. С другой стороны, его содержание недешево обходилось американской казне, а присутствие в непосредственной близости от очага напряженности создавало для США риск ввязывания в новый полномасштабный конфликт на полуострове. После того как провал корейской фазы Женевской конференции 1954 г. поставил крест на альтернативных фиксированию *status quo* сценариях разрешения корейского вопроса, американцы получили возможность начать поиск способов снижения этих рисков и уровня своего прямого военного присутствия на полуострове.

Размывание биполярности в 1960–1970-е годы

Вашингтон намеревался уменьшить затраты на содержание укрепленного форпоста «свободного мира» на юге Корейского полуострова за счет вовлечения в развитие Республики Корея японского капитала. Препятствием для этого стало сложное общее историческое прошлое двух стран: до Второй мировой войны Корея была колонией Японии, которая предпринимала усилия по ее ассимиляции. Имелись у двух государств и территориальные разногласия. Значимым источником конфликтов был спор вокруг островов Лианкур, на которые и Сеул, и Токио предъявляли претензии. По этим причинам переговоры затянулись [см. подробнее: Юнгблюд, Садаков, 2020b]. Успех был достигнут только в 1965 г. — после отстранения от власти одиозного южнокорейского диктатора Ли Сын Мана. 22 июня 1965 г.

министры обеих стран подписали Базовый договор об отношениях между Японией и Кореей, а 18 декабря 1965 г. он вступил в силу²⁷.

После 1965 г. Вашингтон продолжил поощрять торгово-экономическое сотрудничество между Японией и Южной Кореей, считая его важным для поддержания коллективной безопасности. Японский капитал играл ключевую роль в развитии южнокорейской экономики. Политические проблемы, а также территориальные споры вокруг островов Лианкур²⁸ периодически обостряли двусторонние отношения, но последствия возникавших инцидентов были ограниченными. С течением времени Токио и Сеул активизировали и военно-политическое взаимодействие. Участие США в этом процессе подтверждало важность трехсторонних связей для поддержания стабильности в регионе. При этом Япония надеялась сохранить прямое военное присутствие Соединенных Штатов на полуострове.

Эффект от достижения Соглашения о нормализации был весьма высок, что позволило за счет Японии существенно снизить нагрузку на американский бюджет и решить задачу обеспечения жизнеспособности южнокорейской экономики. США, направляя процесс переговоров Токио и Сеула, последовательно проводили курс на четкое разграничение ролей своих главных союзников на Дальнем Востоке [см. подробнее: Юнгблюд, Садаков, 2020b]. Япония окончательно утвердилась в качестве центра оборонного периметра и главного стратегического партнера США. В отношении Южной Кореи политика Вашингтона была сосредоточена на вопросах безопасности²⁹. Фактически югу Корейского полуострова была уготована роль континентального плацдарма и передового оборонительного рубежа против коммунизма. После 1965 г. США продолжили поощрять экономическое сотрудничество между Японией и Южной Кореей, считая его важным для поддержания коллективной безопасности.

²⁷ Japan and Republic of Korea: Treaty on Basic Relations, 22 June, 1965 // United Nations Treaty Collection. Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8471-English.pdf> (accessed: 05.03.2025).

²⁸ Группа островов в Японском море, суверенитет над которыми оспаривается между Японией и Южной Кореей. Фактический контроль над территориями принадлежит Сеулу.

²⁹ Paper prepared by the Policy Planning Council of the Department of State, June 15, 1968 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v29p1/d201> (accessed: 05.03.2025).

Японский капитал играл ключевую роль в развитии южнокорейской экономики, что стало одной из предпосылок формирования «экономического чуда» Южной Кореи.

Новая попытка Вашингтона уменьшить свои обязательства в отношении Кореи была предпринята в конце 1960-х годов, когда к власти пришла администрация Р. Никсона. Президент впервые представил отдельные элементы своей внешнеполитической доктрины на Гуаме 25 мая 1969 г. и детализировал в речи 3 ноября того же года. Ключевым ее аспектом была постепенная «вьетнамизация»³⁰ войны в Юго-Восточной Азии. Р. Никсон подчеркивал, что США продолжают соблюдать свои военные обязательства по всему миру и обеспечат «ядерный зонтик» союзникам. Однако в конфликтах, не требовавших применения оружия массового поражения, функция американцев должна была сводиться к экономической и военной помощи, а их «клиентов» — к предоставлению живой силы³¹. В целом в отношении Азии «доктрина Никсона» означала стремление Вашингтона, с одной стороны, сократить военное присутствие на континенте, а с другой — сохранить свое влияние на дела региона.

Постепенное укрепление южнокорейской экономики во второй половине 1960-х годов, а также опасения, связанные с «Гуамской доктриной», привели к односторонним шагам Сеула по наращиванию своего военного потенциала. Серьезной попыткой изменения условий сосуществования на Корейском полуострове двух государств стали южнокорейские ракетная и ядерная программы. Соответствующие планы появились на фоне растущей неуверенности южан в надежности американской поддержки из-за положений внешнеполитической доктрины 37-го президента США. Важным аспектом этих программ было то, что Сеул уже не опирался исключительно на американскую поддержку, а пытался развивать военно-промышленную кооперацию с другими странами «свободного мира». Однако

³⁰ Речь идет о политике администрации Р. Никсона в отношении войны во Вьетнаме. Эта политика подразумевала обучение и оснащение новых южновьетнамских подразделений с постепенным снижением численности участвовавших в боевых действиях американских войск.

³¹ Nixon's 'Silent Majority' speech, November 3, 1969 // Watergate.info. Available at: <https://watergate.info/1969/11/03/nixons-silent-majority-speech.html> (accessed: 05.03.2025); Report by President Nixon to the Congress, February 18, 1970 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v01/d60> (accessed: 05.03.2025).

своевременное вмешательство³² Соединенных Штатов позволило заморозить южнокорейские разработки в рамках приемлемых для США параметров [Дьячков, 2014].

Эволюция региональной системы проявлялась и в содержании межкорейского диалога, где обе стороны стали подчеркивать свою независимость от внешних игроков. К.В. Асмолов приводит состоявшийся в 1972 г. диалог директора южнокорейского ЦРУ Ли Ху Рака и лидера КНДР Ким Ир Сена:

«Ким Ир Сен: Давайте исключим внешние силы. Давайте не будем сражаться. Давайте объединимся как нация. Давайте не будем заикливаться на коммунизме или капитализме <...>».

Ли Ху Рак: Нация с населением в 40–50 миллионов человек — это сильная страна. Сто лет назад мы были вынуждены искать покровительство сверхдержав, потому что были слабы, но в будущем великие державы будут искать покровительство у нас. Я хочу, чтобы вам было ясно, что сверхдержавы лишь на словах поддерживают нашу надежду на объединение. В действительности они этого не хотят.

Ким Ир Сен: Сверхдержавы и империализм предпочитают разделить нацию на несколько мелких наций» [Асмолов, 2008].

К концу 1960-х годов эволюция региональной системы безопасности в сторону многополярности была дополнена изменением подходов США к Китайской Народной Республике. Проблематика развития китайско-американских отношений в тот период подробно раскрыта в историографии [см., например: Goh, 2005; Caldwell, 2009; Tudda, 2012]. Переход Вашингтона от конфронтации к сближению с КНР происходил на фоне усугублявшихся сложностей США во Вьетнаме, роста международного влияния СССР, а также набравшего обороты советско-китайского конфликта. В контексте Кореи одним из индикаторов урегулирования отношений США и КНР стала реакция Пекина на уничтожение американского раз-

³² См., например: National Security Council Memorandum for Secretary Kissinger from W.R. Smyser and D.D. Elliott 'Development of U.S. policy toward South Korean development of Nuclear Weapons', February 28, 1975 // National Security Archive. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/3513496/Document-06-U-S-Embassy-Seoul-telegram-8023-to.pdf> (accessed: 05.03.2025); U.S. Embassy Seoul telegram 1239 to Department of State, 'Non-proliferation Treaty', 26 February, 1975 // Ibidem. Available at: <http://nsarchive.gwu.edu/dc.html?doc=3513498-Document-08-U-S-Embassy-Seoul-telegram-1239-to> (accessed: 05.03.2025).

ведывательного самолета ЕС-121³³. Советник президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер отметил в то время, что китайцы не одобрили действия своего союзника³⁴.

Корейский вопрос поднимался на переговорах Г. Киссинджера с главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем в 1971 г. Пекин добивался гарантий вывода американских войск из Кореи в качестве одного из условий урегулирования отношений. В ответ госсекретарь США подчеркнул зависимость дислокации войск от положения дел в регионе в целом. По его мнению, успешное завершение войны в Индокитае и развитие американо-китайских отношений позволили бы вывести из Кореи большую часть американских войск до конца второго президентского срока Р. Никсона. Г. Киссинджер также акцентировал внимание на заинтересованности США в поддержании стабильности на полуострове и подчеркнул, что выступает против любых планов нападения Южной Кореи на Северную [Yafeng, Zhihua, 2014: 1091–1092].

Президент Р. Никсон в ходе визита в КНР зимой 1972 г. заявил о недопустимости перерастания корейского конфликта в полномасштабную войну. В принятом по итогам визита Шанхайском коммюнике постулировалось, что Вашингтон продолжит поддерживать тесные связи с Республикой Корея и действия ее правительства по снижению уровня напряженности и активизации диалога на полуострове³⁵. Что касается первоначального требования китайцев о выводе американских войск, то оно быстро отошло на второй план. По мнению Пхеньяна, Пекин не прикладывал достаточных усилий в этом направлении [Yafeng, Zhihua, 2014: 1098–1099].

Соответствующее интересам США влияние КНР на ситуацию в Корее проявилось в апреле 1975 г., когда Ким Ир Сен неожиданно совершил официальный визит в Пекин, который был организован в кратчайшие сроки. Многие иностранные наблюдатели связали это

³³ 15 апреля 1969 г. пара северокорейских истребителей сбила находившийся в 167 км от побережья КНДР американский разведывательный самолет ЕС-121 [см. подробнее: Садаков, 2023].

³⁴ Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon, April 29, 1969 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d11> (accessed: 05.03.2025).

³⁵ Joint Communique between the United States and China, February 27, 1972 // Zhou Enlai Peace Institute. Available at: <http://www.zhouenlaipaceinstitute.org/wp-content/uploads/2022/03/Shanghai-Communique-Original-en.pdf> (accessed: 05.03.2025).

событие с решающими победами северовьетнамской армии в ходе Весеннего наступления, которое фактически положило конец Вьетнамской войне. Считалось весьма вероятным, что северокорейский лидер привез на согласование план нападения КНДР на Южную Корею. Среди работавших на Корейском полуострове дипломатов социалистических стран утвердилось мнение, что китайцы отговорили корейцев от наиболее авантюристических шагов, хотя и предложили им военную, политическую и дипломатическую поддержку в иных начинаниях. Сходное впечатление произвели итоги визита и на американских дипломатов³⁶.

В целом к началу 1970-х годов власти КНР всё активнее стали прибегать к прагматичному и многоплановому подходу к корейской проблематике. Большое внимание уделялось поддержанию региональной стабильности и долгосрочной безопасности. Переговоры с Вашингтоном показали готовность Пекина обеспечивать стабильность на полуострове, выступая против радикальных действий и обострения конфликта. Сближение Китая и США, подтвержденное Шанхайским коммюнике, задало новый формат отношений, в котором Пекин играл роль стабилизирующего фактора и потенциального посредника в регионе. Этот процесс также способствовал размыванию жесткой биполярной структуры, сделал возможным переход к многополярной системе, где влияние КНР как самостоятельной силы, поддерживающей баланс между мировыми державами и региональными игроками, росло.

Тем временем к 1973 г. цели США в Корею были скорректированы с учетом изменившейся ситуации. Сотрудники готовившей соответствующий меморандум межведомственной рабочей группы выражали надежду на то, что спустя два десятилетия жесткой межкорейской конфронтации на полуострове наконец-то появился шанс на полноценную разрядку напряженности. Авторы документа

³⁶ Record regarding Kim Il Sung's visit in Beijing (18–26 April 1975), April 26, 1975 // Wilson Center. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/208552> (accessed: 05.03.2025); Summarized evaluation of Kim Il Sung's visit to the PR China (18 to 26 April 1975), May 6, 1975 // Ibidem. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114125> (accessed: 05.03.2025); South Korean telegrams on visit to China by North Korean leader Kim Il Sung, May 1975 // Ibidem. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114589> (accessed: 05.03.2025); United States Liaison Office. China. Confidential, cable, April 28, 1975 // ProQuest. Available at: <https://www.proquest.com/dnsa/docview/1679061436/F834C97F53DC4A20PQ/> (accessed: 05.03.2025).

отмечали, что, несмотря на особый характер отношений, сложившихся между Соединенными Штатами и Республикой Корея, ключевой целью Вашингтона является предотвращение конфликтов между США, Японией, СССР и КНР из-за этой страны. Кроме того, американцы не желали прихода к власти на Юге враждебных им сил. Ключевые задачи Соединенных Штатов — предотвращение возобновления боевых действий и поддержание баланса интересов великих держав в регионе — впоследствии открыто декларировал и посол США в Сеуле Ф. Хабиб [Habib, 1974: 302–303]. В Вашингтоне допускали различную степень вовлеченности США в корейские дела — от передачи инициативы властям Юга до активного участия в переговорах с великими державами по корейскому вопросу³⁷. При этом в Сеуле настаивали на критическом значении сохранения военного присутствия США в Корее для поддержания регионального баланса сил³⁸.

Важно учитывать, что происходившее постепенное размывание биполярности было следствием политики США по снижению степени своего непосредственного участия в корейских делах, но не ее целью. Тем не менее кумулятивный эффект от действий Вашингтона был весьма существенным. Если формирование региональной биполярности происходило за счет складывания противостоявшей коммунистам коалиции стран «свободного мира», то ее размывание было связано с окончательным превращением в атавизм этого многостороннего союза. Значительная часть партнеров США по коалиции ООН вывели свои силы из Кореи еще в 1950-х годах, при этом неамериканское военное присутствие на полуострове сохранялось еще в течение долгого времени. В 1975 г. власти Таиланда, одного из последних государств — членов коалиции ООН, которое сохраняло присутствие военного контингента в Корее, приняли решение вывести с полуострова своих военнослужащих. Тем самым Командование силами ООН окончательно теряло свои функции за рамками американо-южнокорейских отношений [Lee, 2013: 205].

³⁷ National Security Study Memorandum 154 'United States policy concerning the Korean Peninsula', April 6, 1973 // Richard Nixon Presidential Library and Museum. P. 2–4. Available at: https://www.nixonlibrary.gov/sites/default/files/virtuallibrary/documents/nssm/nssm_154.pdf (accessed: 05.03.2025).

³⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 102. Оп. 34. П. 71. Д. 18. Л. 1.

На фоне требований коммунистов о роспуске Командования ООН и полном выводе иностранных войск из Кореи американская сторона заявила о готовности обсуждать будущее Командования ООН, но только «в конструктивном ключе». Под этим подразумевались одновременное вступление КНДР и Республики Корея в ООН и четырехсторонняя работа над условиями поддержания мира на полуострове. Таким образом, речь вновь шла о целенаправленном фиксировании сложившегося положения с одновременным снижением сопутствующих издержек США. Американские предложения не могли встретить сочувственное отношение у коммунистов, которые продолжали настаивать на роспуске Командования ООН и выводе с территории полуострова иностранных войск [The Carter chill..., 2013: 216, 233, 234, 407]. На фоне провала переговоров Объединенное командование силами США и Республики Корея начало свою работу в ноябре 1978 г.³⁹ [The Carter chill..., 2013: 427]. Командование ООН продолжило действовать параллельно, однако его сотрудники стали постепенно сосредотачиваться на дипломатических функциях и обеспечении режима перемирия, в то время как военные задачи перешли к руководству американско-корейскими объединенными силами.

К середине 1970-х годов процесс размывания региональной биполярности активизировался и за счет инициатив корейских государств. В 1975 г. Пхеньян решил одну из своих ключевых внешнеполитических задач: КНДР вступила в Движение неприсоединения [Armstrong, 2013: 179–180]. Контакты с СССР и его союзниками на этом фоне, напротив, становились менее интенсивными⁴⁰.

С точки зрения руководства США, по своему значению вступление КНДР в Движение неприсоединения было равнозначно дипломатической катастрофе и гарантировало северянам дополнительные голоса в Генеральной Ассамблее ООН по выдвигаемым ими инициативам⁴¹. Вашингтон пытался саботировать вступление

³⁹ Combined Forces Command // USFK. Available at: <https://www.usfk.mil/About/CFC/> (accessed: 05.03.2025); АВП РФ. Ф. 102. Оп. 39. П. 87. Д. 24. Л. 2.

⁴⁰ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 1867. Л. 20–21; Message from the President of the Democratic People's Republic of Korea, Kim Il Sung, to the President of the [Socialist Federal] Republic [of Yugoslavia], Josip Broz Tito, June 28, 1975 // Wilson Center. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/208686> (accessed: 05.03.2025).

⁴¹ Memorandum of conversation, Washington, March 27, 1975 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/>

КНДР в Движение неприсоединения, указать его членам на то, что Северная Корея по факту не является неприсоединившимся государством⁴², однако эти меры не дали ожидаемого эффекта⁴³ — влияние США на Движение было ограниченным. Попытка Юга вступить в данную организацию в том же году потерпела фиаско из-за непопулярности репрессивного режима южнокорейского президента Пак Чон Хи на международной арене⁴⁴. Вопреки ожиданиям США и Великобритании, пытавшихся лоббировать «нужный» взгляд на корейский вопрос⁴⁵, Конференция неприсоединившихся стран в Коломбо в августе 1976 г. стала значительным успехом северокаорейской дипломатии. В ходе этой конференции северяне подчеркнуто выступали против роли великих держав в международных отношениях. Представитель КНДР Пак Сен Чер, в частности, сделал заявление, воспринятое советскими дипломатами как двусмысленное: «Нам нельзя допустить, чтобы великие державы по своему усмотрению вершили судьбы малых стран и приносили их в жертву»⁴⁶.

По итогам конференции по корейскому вопросу было принято отдельное заявление, в основном отражавшее позицию КНДР. По оценкам советского посольства в Пхеньяне, северокаорейская дипломатия получила максимально возможную международную поддержку перед грядущей сессией ГА ООН⁴⁷. Однако, несмотря на затраченные КНДР усилия, в 1976 г. США удалось добиться снятия вопроса о Корее с рассмотрения Генеральной Ассамблеи. Многие из правительств, с которыми Вашингтон контактировал с этой целью, выразили готовность поддержать позицию США во избежание

d265 (accessed: 05.03.2025); Memorandum of conversation, Washington, March 28, 1975 // Ibidem. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d201> (accessed: 05.03.2025).

⁴² Memorandum of conversation, Washington, March 27, 1975...; Korea at Non-Aligned Conference, August 21, 1975 // WikiLeaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975LAGOS08125_b.html (accessed: 05.03.2025).

⁴³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1867. Л. 20.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 102. Оп. 36. П. 77. Д. 21. Л. 83.

⁴⁵ FonOff thoughts on Colombo summit and Korea initiative, July 28, 1976 // WikiLeaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976TOKYO11360_b.html (accessed: 05.03.2025).

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 102. Оп. 36. П. 77. Д. 21. Л. 232; Multilateral diplomacy: Korea and beyond, September 22, 1976 // WikiLeaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976STATE234389_b.html (accessed: 05.03.2025).

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 184–186, 196.

конфронтации великих держав и осложнения развивавшегося в тот период межкорейского диалога⁴⁸. В Сеуле это было воспринято как успех южнокорейской дипломатии⁴⁹.

Размывание региональной биполярности сказывалось и на позициях, и на политике СССР в регионе. В условиях обострения советско-китайских отношений в конце 1950-х годов власти КНДР балансировали между СССР и Китаем, стремясь не зависеть ни от одной из сторон. При этом Пекин поддерживал Ким Ир Сена в его политике укрепления независимости от Москвы. Сказывалось и постепенное снижение советской экономической помощи Корею в 1960-х годах. Ослабление советского военного влияния в конце 1960-х — 1970-х годах сопровождалось сокращением поставок оружия и военной техники из Москвы. Вместо этого КНДР сосредоточилась на развитии собственной военной промышленности, что укрепляло ее оборонную автономию. Нормализация отношений между КНР и США, начавшаяся с визита Р. Никсона в Китай в 1972 г., создала новые вызовы для советской региональной политики. Несмотря на сложные отношения с КНДР, СССР смог сохранить значимое влияние в регионе, однако масштаб советско-северокорейских связей значительно уступал таковому образцу 1950-х годов. В середине 1970-х годов советские дипломаты также обращали внимание на то, что Пхеньян не смущало молчаливое одобрение Пекином политики США в регионе. При этом курс Вашингтона в Азии неразрывно увязывался с динамикой американско-китайских отношений⁵⁰.

В целом постепенное размывание биполярности в 1960–1970-е годы в регионе Корейского полуострова стало результатом изменения стратегических приоритетов США, сближения Вашингтона и Пекина и возрастания самостоятельности региональных игроков. Белый дом стремился снизить экономическую и военную нагрузку, перераспределяя обязательства между своими союзниками — Японией и Южной Кореей. С течением времени стабилизирующую роль в регионе стал играть Китай, власти которого избегали односторонней поддержки действий Пхеньяна. Дипломатическое сближение

⁴⁸ Paper prepared by the National Security Council Staff // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v19p1/d152> (accessed: 05.03.2025).

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 232; Multilateral diplomacy: Korea and beyond, September 22, 1976...

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 56–58.

США и Китая, зафиксированное в Шанхайском коммюнике 1972 г., существенно изменило региональный баланс сил. Южная и Северная Корея также предпринимали попытки уменьшения зависимости от внешних игроков, развивая собственный военный потенциал и ведя активную внешнюю политику. В целом региональная система сместилась от жесткого противостояния двух блоков к более многополярной структуре, в которой США, СССР, КНР, Япония и корейские государства искали баланс между конкуренцией и сотрудничеством.

* * *

Уникальность ситуации в регионе Корейского полуострова в 1940–1970-е годы определялась тем, что Соединенные Штаты стремились к снижению степени своей вовлеченности в корейские дела, но при этом были связаны историческими обстоятельствами, соображениями престижа, а также первоначальной слабостью южнокорейского режима. В этих условиях Вашингтон сознательно решал свои задачи за счет повышения роли в региональной политике новых акторов. Ими могли быть как национальные государства (Япония и Республика Корея), так и международные структуры (ООН). При этом американскому руководству приходилось допускать своих союзников к принятию решений на корейском направлении. В частности, союзники США по коалиции ООН сыграли большую роль в подготовке и проведении Женевской конференции 1954 г., а Япония наряду с экономическими преференциями получила возможность оказывать влияние на позицию Вашингтона по вопросу о выводе войск Соединенных Штатов из Кореи.

Прямое вовлечение КНР в процесс корейского урегулирования первоначально произошло вопреки желаниям США. Однако с течением времени американцы сами стали использовать китайский фактор для оказания влияния на северокорейский режим и снижения региональной напряженности в своих интересах.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов одним из результатов политики США стало размывание биполярности, первоначально характерной для системы международных отношений вокруг Кореи. Вашингтон целенаправленно содействовал росту влияния Японии в экономическом развитии Южной Кореи и стремился к уменьшению своего прямого военного присутствия на Корейском полуострове. Дополнительным обстоятельством была высокая доля

самостоятельности властей КНДР и Республики Корея. Ключевым же фактором стало наличие третьего полюса — Китайской Народной Республики, поддерживавшей с двумя сверхдержавами сложные отношения.

СССР в условиях размывания биполярности столкнулся со снижением своего влияния на Корейском полуострове. Поддерживая КНДР как стратегического партнера, Москва не смогла предотвратить ее идеологическую и политическую автономизацию, усилившуюся на фоне советско-китайского раскола. Дополнительным вызовом стало сближение КНР и США, что также ослабило позиции СССР в регионе. В результате Москва оказалась ограничена в своих возможностях влиять на формирующуюся многополярную региональную структуру, где относительно советской усиливалась роль США.

Всё это создало уникальный политический контекст, при котором региональную стабильность гарантировало сосуществование целого ряда разнонаправленных сил, балансируемых при активном участии Соединенных Штатов. Данная стратегия позволила Вашингтону укрепить свои позиции в Южной Корее и добиться стабилизации ситуации в регионе Корейского полуострова, со временем включив Сеул в систему американоцентричных связей, союзов, институтов, позволяющих контролировать региональные (а через них и глобальные) политические процессы.

В настоящее время результаты избранных в середине XX в. подходов остаются актуальными для США. Южная Корея прочно встроена в систему союзнических отношений с Вашингтоном, что обеспечивает ей стратегическое прикрытие в условиях сохраняющейся напряженности в отношениях с КНДР. С 1970-х годов существенно возросла региональная роль Китая, сначала распался, а затем был восстановлен российско-северокорейский союз, периодически вспыхивает внутривнутриполитическая нестабильность на Юге Кореи, через несколько циклов потепления–охлаждения прошли межкорейские отношения. При этом Соединенные Штаты в своей политике на данном направлении сохраняют высокую способность к адаптации, в зависимости от ситуации и собственных интересов активизируя контакты с теми или иными странами региона, включая КНДР. Всё это подтверждает долгосрочный характер их стратегического присутствия на Корейском полуострове.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов К.В. Генерал Пак Чон Хи: Очерк политической биографии // Правоведение и политология. 21.09.2008. Доступ: <https://pravo33.wordpress.com/2008/09/21/к-асмолов-генерал-пак-чон-хи/> (дата обращения: 05.03.2025).
2. Воронцов А.В. «Треугольник» США — Япония — Южная Корея. М.: Наука, 1991.
3. Дьячков И.В. Ядерная программа Южной Кореи: генезис, развитие, влияние на регион // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 9 (137). С. 144–152.
4. Иванов В.В. Основные причины ввода КНР группировок Китайских народных добровольцев в Корейскую Народно-Демократическую Республику, октябрь 1950 г. // Восток–Запад: история и современность: Ежегодник / Отв. ред. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2022. С. 41–48.
5. Иванов В.В. Основные тактические приемы пехотных подразделений Китайских народных добровольцев на начальном этапе войны в Корею 1950–1953 гг. (по воспоминаниям участников событий) // Россия и Китай: мысли о прошлом, взгляд в будущее: Материалы международной научной конференции / Под общ. ред. А.П. Кошкина. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2020. С. 306–318.
6. Ки Кван Со. Московское совещание министров иностранных дел (декабрь 1945 г.) и раскол Кореи // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 97–108.
7. Корейское урегулирование и интересы России / Под ред. В.И. Денисова, А.З. Жебина. М.: Русская панорама, 2008.
8. Кременюк В.А., Лукин В.П. Эволюция азиатской политики США после Второй мировой войны // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 66–83.
9. Петухов В.И. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М.: Наука, 1987.
10. Политика США в странах Дальнего Востока (Япония, Южная Корея) / Отв. ред. Г.Л. Бондаревский. М.: Наука, 1964.
11. Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005.
12. Садаков Д.А. Политика США в отношении Кореи в 1941–1950 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2017.
13. Садаков Д.А. Политика США по нуклеаризации Корейского полуострова в 1956–1957 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 3. С. 110–122. DOI: 10.31857/S268667300013924-6.

14. Садаков Д.А. Принципы организации и результаты советско-американского взаимодействия в процессе корейского урегулирования в 1943–1947 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 23–37. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.2.022.

15. Садаков Д.А. Трудный выбор между сдержанностью и возмездием: американо-северокорейский инцидент с самолетом ЕС-121, 1969 г. // Кореистика. 2023. № 1 (2). С. 41–51. DOI: 10.48647/ИССА.2023.94.22.004.

16. Садаков Д.А. Фиксирование раскола Кореи американцами в 1948 г.: причины, методы и роль ООН // Корея перед новыми вызовами / Отв. ред. А.З. Жебин. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2017. С. 196–209.

17. Садаков Д.А., Юнгблюд В.Т. США и умиротворение Ли Сын Мана в преддверии Женевской конференции 1954 г. // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10. № 11 (85). Доступ: <https://history.jes.su/s207987840008095-3-1/> (дата обращения: 05.03.2025). DOI: 10.18254/S207987840008095-3.

18. Стюк У. Корейская война. М.: АСТ, 2002.

19. Тихомиров В.Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М.: Восточная литература, 1998.

20. Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну. Опыт кризисного реагирования // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 241–261. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261.

21. Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. «Усложняющий фактор»? Коалиционная дипломатия США в Корейском вопросе. Опыт Женевской конференции 1954 г. // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 4 (63). С. 81–107. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.7.

22. Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг. // Японские исследования. 2020. № 4. С. 98–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030.

23. Armstrong Ch.K. Tyranny of the weak: North Korea and the world, 1950–1992. Ithaca: Cornell University Press, 2013.

24. Brazinsky G.A. Winning the Third World: Sino-American rivalry during the Cold War. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2017.

25. Caldwell D. The legitimization of the Nixon-Kissinger grand design and grand strategy // Diplomatic History. 2009. Vol. 33. No. 4. P. 633–652. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2009.00801.x.

26. The Carter chill: US–ROK–DPRK trilateral relations, 1976–1979 / Ed. by C.F. Ostermann, J. Person, Ch. Kraus. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2013.

27. Cha V.D. Powerplay: Origins of the U.S. alliance system in Asia. Princeton: Princeton University Press, 2016.

28. Chen J. *Mao's China and the Cold War*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2001.
29. Cumings B. *The origins of the Korean war*. In 2 vols. Vol. 1. *Liberation and the emergence of separate regimes, 1945–1947*. Seoul: Yuksabipyungsa, 2002.
30. Deane H. *The Korean War, 1945–1953*. San Francisco: China Books, 1999.
31. Friedman J. *Shadow Cold War: The Sino-Soviet competition for the Third World*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2015.
32. Goh E. Nixon, Kissinger, and the «Soviet card» in the U.S. opening to China, 1971–1974 // *Diplomatic History*. 2005. Vol. 29. No. 3. P. 475–502. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2005.00500.x.
33. Habib Ph.C. US policy toward Korea // *Asian Affairs*. 1974. Vol. 1. No. 5. P. 302–305.
34. Halliday J. *The United Nations and Korea // Without parallel: The American-Korean relationship since 1945* / Ed. by F. Baldwin. New York: Pantheon books, 1974. P. 109–142.
35. Jongsuk Ch. *Unequal partners in peace and war: The Republic of Korea and the United States, 1948–1953*. Westport: Greenwood Publishing Group, 2002.
36. Lee S.H. The Korean armistice and the end of peace: The US-UN coalition and the dynamics of war-making in Korea, 1953–76 // *Journal of Korean Studies*. 2013. Vol. 18. No. 2. P. 183–224. DOI: 10.1353/jks.2013.0018.
37. Lee S.H. *Outposts of empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995.
38. Matray J.I. Dean Acheson's press club speech reexamined // *The Journal of Conflict Studies*. 2002. Vol. 22. No. 1. P. 28–55.
39. Nichols M.R. The Chinese Communist intervention in the Korean War: An exercise in analyzing document // *OAH Magazine of History*. 2000. Vol. 14. No. 3. P. 37–39.
40. Oberdorfer D. *The two Koreas: A contemporary history*. New York: Basic Books, 2001.
41. O'Neill M. Soviet involvement in the Korean War: A new view from the Soviet-era archives // *OAH Magazine of History*. 2000. Vol. 14. No. 3. P. 20–24.
42. Tudda C. *A Cold War turning point: Nixon and China, 1969–1972*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2012.
43. Wagner R.H. What was bipolarity? // *International Organization*. 1993. Vol. 47. No. 1. P. 77–106. DOI: 10.1017/S0020818300004719.
44. Weathersby K. Soviet aims in Korea and the origins of the Korean war, 1945–1950: New evidence from Russian archives. Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1993.
45. Yafeng X., Zhihua Sh. China's last ally: Beijing's policy toward North Korea during the U.S.-China rapprochement, 1970–1975 // *Diplomatic History*. 2014. Vol. 38. No. 5. P. 1083–1113. DOI: 10.1093/dh/dht120.

46. Zhihua Sh., Yafeng X. Mao and the Sino-Soviet partnership, 1945–1959: A new history. New York: Lexington Books, 2015.

47. Zornow W.F. America at mid-century: The Truman administration, the Eisenhower administration. Cleveland: H. Allen, 1959.

REFERENCES

1. Asmolov K.V. 2008. *General Pak Chon Khi: Ocherk politicheskoi biografii* [General Park Chung Hee: An outline of political biography]. *Pravovedenie i politologiya*. Available at: <https://pravo33.wordpress.com/2008/09/21/k-asmolov-general-pak-chon-khi/> (data accessed: 05.03.2025). (In Russ.)

2. Vorontsov A.V. 1991. *‘Treugol’nik’ SShA — Yaponiya — Yuzhnaya Koreya* [The USA — Japan — South Korea ‘triangle’]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

3. D'yachkov I.V. 2014. Yadernaya programma Yuzhnoi Korei: genezis, razvitie, vliyanie na region [South Korean nuclear program: Genesis, development, regional repercussions]. *Tambov University Review. Series: Humanities*, no. 9 (137), pp. 144–152. (In Russ.)

4. Ivanov V.V. 2022. Osnovnye prichiny vvoda KNR gruppirovok Kitaiskikh narodnykh dobrovol'tsev v Koreiskuyu Narodno-Demokraticheskuyu Respubliku, oktyabr' 1950 g. [The main reasons for the entry of the PRC groupings of Chinese people's volunteers to the Democratic People's Republic of Korea, October 1950]. In: Kuznetsov D.V. (ed.). *Vostok–Zapad: istoriya i sovremennost': Ezhegodnik* [East-West: History and modernity: Yearbook]. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., pp. 41–48. (In Russ.)

5. Ivanov V.V. 2020. Osnovnye takticheskie priemy pekhotnykh podrazdelenii Kitaiskikh narodnykh dobrovol'tsev na nachal'nom etape voyny v Koree 1950–1953 gg. (po vospominaniyam uchastnikov sobytii) [The basic tactical methods of the infantry units of the Chinese people's volunteers at the beginning stage of the war in Korea 1950–1953 (according to the membership of the events)]. In: Koshkin A.P. (ed.). *Rossiya i Kitai: mysli o proshlom, vzglyad v budushchee: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russia and China: Thinking about the past, looking into the future: Proceedings of the International scientific conference]. Komsomol'sk-na-Amure, Amurskii gumanitarno-pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 306–318. (In Russ.)

6. Ki Kvan So. 1997. Moskovskoe soveshchanie ministrov inostrannykh del (dekabr' 1945 g.) i raskol Korei [The Moscow meeting of foreign ministers (December 1945) and the split of Korea]. *Far Eastern Studies*, no. 5, pp. 97–108. (In Russ.)

7. Denisov V.I., Zhebin A.Z. (eds.). 2008. *Koreiskoe uregulirovanie i interesy Rossii* [The Korean settlement and the interests of Russia]. Moscow, Russkaya panorama Publ. (In Russ.)

8. Kremenyuk V.A., Lukin V.P. 1978. Evolyutsiya aziatskoi politiki SShA posle Vtoroi mirovoi voyny [The evolution of U.S.'s Asian policy after World War II]. *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 66–83. (In Russ.)

9. Petukhov V.I. 1987. *U istokov bor'by za edinstvo i nezavisimost' Korei* [At the origins of the struggle for the unity and independence of Korea]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

10. Bondarevskii G.L. (ed.). 1964. *Politika SShA v stranakh Dal'nego Vostoka (Yaponiya, Yuzhnaya Koreya)* [U.S. policy in the countries of the Far East (Japan, South Korea)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

11. Popov I.M., Lavrenov S.Ya., Bogdanov V.N. 2005. *Koreya v ogne voyny* [Korea in the flames of war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)

12. Sadakov D.A. 2017a. *Politika SShA v otnoshenii Korei v 1941–1950 gg.* [U.S. policy towards Korea in 1941–1950]. PhD Thesis. Kirov. (In Russ.)

13. Sadakov D.A. 2021. *Politika SShA po nuklearizatsii Koreiskogo poluoostrova v 1956–1957 gg.* [U.S. policy on the nuclearization of the Korean Peninsula in 1956–1957]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 51, no. 3, pp. 110–122. DOI: 10.31857/S268667300013924-6. (In Russ.)

14. Sadakov D.A. 2018. Printsipy organizatsii i rezul'taty sovetско-amerikanskogo vzaimodeistviya v protsesse koreiskogo uregulirovaniya v 1943–1947 gg. [US-Soviet dialogue on the Korean settlement in 1943–1947: Basic principles and results]. *Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, vol. 20, no. 2 (175), pp. 23–37. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.2.022. (In Russ.)

15. Sadakov D.A. 2023. Trudnyi vybor mezhdru sderzhannost'yu i vozmezdiem: amerikano-severokoreiskii intsident s samoletom EC-121, 1969 g. [The hard choice between restraint and retaliation: 1969 EC-121 shootdown incident]. *Koreanology*, no. 1 (2), pp. 41–51. DOI: 10.48647/ICCA.2023.94.22.004. (In Russ.)

16. Sadakov D.A. 2017b. Fiksirovanie raskola Korei amerikantsami v 1948 g.: prichiny, metody i rol' OON [Fixation of Korea's division in 1948: American reasons, methods and role of UN]. In: Zhebin A.Z. (ed.). *Koreya pered novymi vyzovami* [Korea facing new challenges]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN Publ., pp. 196–209. (In Russ.)

17. Sadakov D.A., Yungblyud V.T. 2019. SShA i umirotvorenie Li Syn Mana v preddverii Zhenevskoi konferentsii 1954 g. [US policy of appeasement towards Syngman Rhee in the run-up to the 1954 Geneva conference]. *Istoriya*, vol. 10, no. 11 (85). Available at: <https://history.jes.su/s207987840008095-3-1/> (accessed: 05.03.2025). DOI: 10.18254/S207987840008095-3. (In Russ.)

18. Stueck W.W. 1995. *The Korean War: An international history*. Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: St'yuk U. 2002. *Koreiskaya voina*. Moscow, AST Publ.]. (In Russ.)

19. Tikhomirov V.D. 1998. *Koreiskaya problema i mezhdunarodnye faktory (1945 — nachalo 80-kh godov)* [The Korean problem and international factors (1945 — early 80s)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. (In Russ.)

20. Yungblyud V.T., Sadakov D.A. 2018. Diplomatic support of US involvement in the Korean War June 25 — July 6 1950: Crisis response experience]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (61), pp. 241–261. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261. (In Russ.)

21. Yungblyud V.T., Sadakov D.A. 2020a. 'Uslozhnyayushchii faktor'? Koalitsionnaya diplomatiya SShA v Koreiskom voprose. Opyt Zhenevskoi konferentsii 1954 g. [US coalition diplomacy on the Korean issue: Record of the Geneva conference of 1954]. *International Trends*, vol. 18, no. 4 (63), pp. 81–107. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.7. (In Russ.)

22. Yungblyud V.T., Sadakov D.A. 2020b. Yaponno-koreiskoe uregulirovanie v politike SShA, 1953–1965 gg. [Japan-Korea settlement in US policy, 1953–1965]. *Japanese Studies in Russia*, no. 4, pp. 98–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030. (In Russ.)

23. Armstrong Ch.K. 2013. *Tyranny of the weak: North Korea and the world, 1950–1992*. Ithaca, Cornell University Press.

24. Brazinsky G.A. 2017. *Winning the Third World: Sino-American rivalry during the Cold War*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

25. Caldwell D. 2009. The legitimization of the Nixon-Kissinger grand design and grand strategy. *Diplomatic History*, vol. 33, no. 4, pp. 633–652. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2009.00801.x.

26. Ostermann C.F., Person J., Kraus Ch. (eds.). 2013. *The Carter chill: US–ROK–DPRK trilateral relations, 1976–1979*. Washington, D.C., Woodrow Wilson International Center for Scholars.

27. Cha V.D. 2016. *Powerplay: Origins of the U.S. alliance system in Asia*. Princeton, Princeton University Press.

28. Chen J. 2001. *Mao's China and the Cold War*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

29. Cumings B. 2002. *The origins of the Korean war. In 2 vols. Vol. 1. Liberation and the emergence of separate regimes, 1945–1947*. Seoul, Yuksabipyungsa.

30. Deane H. 1999. *The Korean War, 1945–1953*. San Francisco, China Books.

31. Friedman J. 2015. *Shadow Cold War: The Sino-Soviet competition for the Third World*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

32. Goh E. 2005. Nixon, Kissinger, and the 'Soviet card' in the U.S. opening to China, 1971–1974. *Diplomatic History*, vol. 29, no. 3, pp. 475–502. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2005.00500.x.

33. Habib Ph.C. 1974. US policy toward Korea. *Asian Affairs*, vol. 1, no. 5, pp. 302–305.

34. Halliday J. 1974. The United Nations and Korea. In: Baldwin F. (ed.). *Without parallel: The American-Korean relationship since 1945*. New York, Pantheon books, pp. 109–142.

35. Jongsuk Ch. 2002. *Unequal partners in peace and war: The Republic of Korea and the United States, 1948–1953*. Westport, Greenwood Publishing Group.
36. Lee S.H. 2013. The Korean armistice and the end of peace: The US-UN coalition and the dynamics of war-making in Korea, 1953–76. *Journal of Korean Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 183–224. DOI: 10.1353/jks.2013.0018.
37. Lee S.H. 1995. *Outposts of empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954*. Montreal, McGill-Queen's University Press.
38. Matray J.I. 2002. Dean Acheson's press club speech reexamined. *The Journal of Conflict Studies*, vol. 22, no. 1, pp. 28–55.
39. Nichols M.R. 2000. The Chinese Communist intervention in the Korean War: An exercise in analyzing document. *OAH Magazine of History*, vol. 14, no. 3, pp. 37–39.
40. Oberdorfer D. 2001. *The two Koreas: A contemporary history*. New York, Basic Books.
41. O'Neill M. 2000. Soviet involvement in the Korean War: A new view from the Soviet-era archives. *OAH Magazine of History*, vol. 14, no. 3, pp. 20–24.
42. Tudda C. 2012. *A Cold War turning point: Nixon and China, 1969–1972*. Baton Rouge, Louisiana State University Press.
43. Wagner R.H. 1993. What was bipolarity? *International Organization*, vol. 47, no. 1, pp. 77–106. DOI: 10.1017/S0020818300004719.
44. Weathersby K. 1993. *Soviet aims in Korea and the origins of the Korean war, 1945–1950: New evidence from Russian archives*. Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars.
45. Yafeng X., Zhihua Sh. 2014. China's last ally: Beijing's policy toward North Korea during the U.S.-China rapprochement, 1970–1975. *Diplomatic History*, vol. 38, no. 5, pp. 1083–1113. DOI: 10.1093/dh/dht120.
46. Zhihua Sh., Yafeng X. 2015. *Mao and the Sino-Soviet partnership, 1945–1959: A new history*. New York, Lexington Books.
47. Zornow W.F. 1959. *America at mid-century: The Truman administration, the Eisenhower administration*. Cleveland, H. Allen.

Статья поступила в редакцию 16.11.2024;
одобрена после рецензирования 03.03.2025;
принята к публикации 25.03.2025

The paper was submitted 16.11.2024;
approved after reviewing 03.03.2025;
accepted for publication 25.03.2025

DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-238-256

Рецензия / Book Review

А.А. Вершинин*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НА СЛОМЕ ЭПОХ

***Размышления на полях книги О.Р. Айрапетова
«История внешней политики Советского государства
в 1918–1941 годы»*****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензии рассматривается опубликованная в 2024 г. монография О.Р. Айрапетова «История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы», которая представляет одно из наиболее детальных на сегодняшний день исследований внешнеполитической деятельности СССР в межвоенный период. Опираясь на богатую историографию, как отечественную, так и зарубежную, и привлекая разнообразные источники, автор представляет читателю широкую палитру событий, сопровождавших появление на политической карте мира Советского Союза и его превращение в важного международного игрока. В этом процессе автор выделяет четыре этапа: 1917–1922 гг. (период Гражданской войны и интервенции), 1920-е — начало 1930-х годов (период становления советской внешней политики, отмеченный рядом международных кризисов), начало 1930-х — 1939 г. (борьба СССР против военной опасности в Европе и его участие в системе коллективной безопасности), 1939–1941 гг. (подготовка СССР к военному столкновению с Германией). Отличительной чертой рассматриваемой работы является глубокая контекстуализация реконструируемых явлений и событий. В связи с этим рецензент отмечает, что предметом исследования выступает не столько внешняя политика СССР, реализуемая Наркоматом иностранных дел, сколько его «большая стратегия», в рамках которой дипломатия играет роль лишь одного из инструментов наряду с эконо-

* Вершинин Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: averchinine@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5206-8013).

** Айрапетов О.Р. История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы: В 2 т. М.: Кучково поле, 2024.

мическим строительством, военным планированием и разведывательной работой. В своем труде автор выдвигает ряд новых для отечественной историографии идей, утверждая, в частности, что СССР в 1920–1930-е годы находился лишь на пути превращения в великую державу, не будучи признанным таковой на международном уровне и не имея соответствующего влияния на события в мире. Другой важной идеей является критическая оценка деятельности М.М. Литвинова на посту наркома иностранных дел. Автор рецензии солидаризируется с этим тезисом и полагает, что в течение предвоенного десятилетия советский НКВД неверно оценивал потенциал политики коллективной безопасности и возможности ее согласования с национальными интересами СССР. По мере того как это противоречие становилось очевидным, политические и аппаратные позиции М.М. Литвинова ослабевали, что в итоге привело к его отставке в 1939 г. В заключение автор рецензии отмечает, что рассматриваемый в монографии период имел определяющее значение для оформления новой российской/советской внешнеполитической стратегии, а потому заслуживает дальнейшего осмысления в рамках отечественной науки.

Ключевые слова: внешняя политика СССР, межвоенный период, Версальско-Вашингтонская система международных отношений, коллективная безопасность, М.М. Литвинов, И.В. Сталин

Для цитирования: Вершинин А.А. Внешняя политика на сломе эпох. *Размышления на полях книги О.Р. Айрапетова «История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы»* // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 238–256. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-238-256.

Aleksandr A. Vershinin

FOREIGN POLICY AT THE TURN OF THE EPOCHS

Book review of ‘History of the Soviet foreign policy in 1918–1941’ by O.R. Airapetov

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

This review examines ‘History of the Soviet foreign policy in 1918–1941’, the monograph by O.R. Airapetov, published in 2024. To date, it represents one of the most detailed studies of Soviet foreign policy during the interwar period.

Building on a vast historiography, both domestic and foreign, and using a variety of sources, the author covers a wide range of issues, accompanying the emergence of the Soviet Union on the world map and its transformation into a key international actor. The author identifies four stages in this process: 1917–1922 (the period of the Civil War and Allied Intervention), 1920s — early 1930s (the formation of the Soviet foreign policy, marked by a series of international crises), early 1930s — 1939 (the USSR's struggle against the military danger in Europe and its participation in the collective security system), 1939–1941 (the preparation of the USSR for a military clash with Germany). A distinctive feature of the monograph under review is its deep contextualization of the considered phenomena and events. In this regard, the reviewer notes that the subject matter is not so much the foreign policy activities of the People's Commissariat for Foreign Affairs as the Soviet Union's 'grand strategy', embracing diplomacy as only one of the tools along with economy, military planning and intelligence work. In his work, the author airs a number of views unconventional for Russian historiography, arguing, in particular, that the USSR in the 1920s and 1930s was only underway to claim the great power status, without being recognized as such at the international level and without having a corresponding leverage on global developments. Another important idea is a critical assessment of M.M. Litvinov's activities as the People's Commissar for Foreign Affairs. The reviewer shares this opinion and argues that during the pre-war decade, the People's Commissariat for Foreign Affairs overrated the potential of the collective security policy and the possibility of its alignment with the Soviet national interests. As this contradiction became evident, M.M. Litvinov's political and administrative positions shed, which eventually led to his resignation in 1939. In conclusion, the reviewer notes that the period considered in the monograph was crucial for establishing a new Russian/Soviet foreign policy strategy, and therefore deserves further reflection within academic community.

Keywords: Soviet foreign policy, interwar period, Versailles-Washington system of international relations, collective security, Maxim Litvinov, Joseph Stalin

About the author: *Aleksandr A. Vershinin* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of History of Russia of the XX–XXI centuries, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: averchinine@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5206-8013).

For citation: Vershinin A.A. 2025. Foreign policy at the turn of the epochs. Book review of 'History of the Soviet foreign policy in 1918–1941' by O.R. Airapetov. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 238–256. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-238-256. (In Russ.)

Период между Октябрьской революцией и Великой Отечественной войной стал временем складывания в России новой модели общественно-политического и экономического устройства. Проблема специфики советской государственности с точки зрения ее отношения к традиционным политическим формам и наступавшему «веку масс», ее связи с практиками зрелого модерна и их адаптации к российским условиям давно является предметом внимания историков и даже вызвала активную научную дискуссию, не закрытую по сей день¹. То же можно сказать о комплексе вопросов, связанных с формированием в Советском Союзе плановой командно-административной экономической системы, новой социальной структуры, особого культурного типа. На этом фоне природа внешней политики СССР на этапе становления советской государственности долгое время не получала достаточного осмысления.

Причина этого в целом понятна. Сюжеты, связанные с международным позиционированием Советского государства в первые 23 года его существования, в историографии и публичном дискурсе ретроспективно, как правило, рассматривались через призму Великой Отечественной войны. Событие эпических масштабов, основополагающее для всей российской истории XX в., придавало им внутреннюю связанность, выступая своего рода лейтмотивом для выстраивания объяснительных и логических цепочек. В этом духе работали и советские историки², и многие современные исследователи³. Признавая известную обоснованность подобного подхода, отметим, что он имеет свой изъян: историки не всегда проговаривают вопрос об истоках внешнеполитического целеполагания тогдашнего советского руководства, его связи с традициями *Realpolitik* и воздействия на него явлений, вызванных к жизни эпохой тотальных войн и революций.

Выход переработанного и дополненного двухтомного издания зарубежной монографии О.Р. Айрапетова, посвященной истории меж-

¹ Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

² Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. М.: Политиздат, 1971; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989.

³ Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. М.: Вече, 2009; McMeekin S. Stalin's war: A new history of World War II. New York: Basic Books, 2021.

дународной деятельности Советского государства в 1918–1941 гг., возвращает историков к этой важной теме. Сам факт обращения известного специалиста по истории внешней политики Российской империи⁴ к данному сюжету говорит об авторском замысле: показать внешнюю политику СССР как часть большого нарратива, в рамках которого существует представление о фундаментальном единстве вызовов для России (независимо от характера ее социально-политического режима) во взаимоотношениях с другими государствами. Реализуя этот замысел, О.Р. Айрапетов создает масштабную панораму событий и процессов, сопровождавших появление на политической карте мира Советского государства и его первые попытки заявить о себе как о новом факторе международной жизни. По охвату событий и степени их детализации созданный труд превосходит любое из современных исследований по схожей тематике⁵.

Внешняя политика Российской империи в последние годы ее существования представляла собой политику воюющего государства, подчиненную задачам достижения победы. Революция 1917 г. в конечном счете привела к широкомасштабной Гражданской войне, в которой приняли активное участие иностранные государства и «уже не было или почти не было места для внешней политики» (т. 1, с. 14). Основная часть первого тома исследования О.Р. Айрапетова посвящена борьбе молодого Советского государства за выживание, в ходе которой международная политика была неотделима от стратегии противоборства с внешними и внутренними врагами. Важной точкой отсчета для нее стали переговоры в Брест-Литовске, завершившиеся подписанием сепаратного мира между Россией и Центральными державами 3 марта 1918 г. Их анализу автор уделяет особое внимание (т. 1, с. 48–87). Перед читателем предстает сложная

⁴ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: В 4 т. М.: Кучково поле, 2017–2018.

⁵ Хормач И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой Наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011; Ее же. СССР в Лиге Наций, 1934–1939 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017; Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект-пресс, 2021; Карлей М.Дж. Рискованная игра Сталина: в поисках союзников против Гитлера, 1930–1936 гг. М.: Кучково поле, 2023; Dessberg F. Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2009; Carley M.J. Stalin's failed alliance: The struggle for collective security, 1936–1939. Toronto: University of Toronto Press, 2024.

картина реальных целей, интересов и озабоченностей договаривавшихся сторон.

Стремление немцев и их союзников навязать России мир на своих условиях было очевидно, но они испытывали на себе постоянное давление уставшего от мировой войны, голодавшего тыла. Повышая ставки на переговорах, немцы и австрийцы шли на определенный риск. Автор приводит слова фельдмаршала П. фон Гинденбурга о том, что избранная большевиками тактика затягивания переговоров в надежде на обострение социально-политической ситуации в Берлине и Вене имела свои резоны (т. 1, с. 72). В то же время советская делегация также не могла не учитывать внутренние обстоятельства. Брестские переговоры автор погружает в контекст углублявшегося в России политического кризиса: разгона Учредительного собрания, появления первых очагов антибольшевистской борьбы на юге страны, обособления Украины. Автор справедливо акцентирует украинский вопрос как ключевой для узла противоречий, связанных с Брестскими переговорами, и в известном смысле показательный с точки зрения всей истории борьбы великих держав за контроль над восточноевропейским пространством в XX в. (т. 1, с. 84, 88–94).

Брестский мир стал результатом распада старого государства и его армии. Он поставил перед большевиками проблему выработки новой модели взаимоотношений с великими державами в ситуации уже начавшейся Гражданской войны. Исследование О.Р. Айрапетова включает ее подробный очерк, где события на фронтах показаны через призму внешнего фактора, который был ключевым как для большевиков, так и для их противников из белого лагеря. Как отмечает автор, «стратегия Ленина», предполагавшая использование мировой войны между двумя империалистическими лагерями для консолидации советской власти внутри России, в конечном счете подтвердилась, но при этом «ускорила вмешательство в дела русской революции бывших уже союзников» (т. 1, с. 132).

Начиная с лета 1918 г. Советское государство находилось в фактическом состоянии войны с Антантой (т. 1, с. 153–168). «Союзники императорской России в мировой войне, — поясняет автор, — не ставили задачу ее восстановления. Вслед за победой над большевиками должно было последовать политическое переустройство пространства бывшей империи» (т. 1, с. 14) в интересах стран Запада

и их союзников. Гражданская война, во многом спровоцированная интервентами (т. 1, с. 13), обрела черты борьбы за сохранение Российского государства, где красные, носители интернационалистской идеологии, ожидавшие мировой революции, для многих неожиданно стали защитниками национальных интересов в противоположность белым, которые, желая того или нет, оказались по одну сторону баррикад с внешним врагом. Автор подробно развивает этот тезис, реконструируя историю столкновения Советской России с Польшей в 1919–1920 гг. (т. 1, с. 203–209, 319–358), в ходе которого большевики противостояли польским националистам, стремившимся при деятельной поддержке Антанты к восстановлению границ XVIII в. (т. 1, с. 16). Итогом советско-польской войны стало оформление восточных рубежей Второй Речи Посполитой, «уродливого детища Версаля» (т. 1, с. 368), политика которой «в межвоенный период продемонстрировала все слабые стороны традиционной польской фанабрии» (т. 1, с. 24).

Если на западном направлении внешняя политика Советского государства носила в основном оборонительный характер, то на юге и востоке Москва наступала. После Первой мировой войны колонии, очевидно, становились «слабым звеном империалистических держав» (т. 1, с. 27), чем не могло не воспользоваться Советское государство, вооруженное освободительной идеологией. На начало 1920-х годов пришлось время активного проникновения советской внешней политики в Азию путем сближения с Турцией, Персией, Афганистаном, налаживания связей с революционным движением в Китае (т. 1, с. 375–458). В отличие от Российской империи, которая, являясь великой державой, всё же оставалась преимущественно европейским игроком (о неудачных попытках Петербурга установить свое доминирование на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. О.Р. Айрапетов подробно пишет в другой своей работе⁶), Советское государство быстро и решительно заявило о себе как о глобальной силе.

Период становления советской внешней политики, когда она была неотделима от борьбы нового государства за выживание, завершился в начале 1920-х годов с победным для большевиков окончанием Гражданской войны. «Начинался новый период — от

⁶ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2015.

военно-политического бессилия страны во враждебном окружении до резкого усиления СССР и превращения его в важнейшего игрока на политическом поле Европы» (т. 1, с. 18). Продлившийся до начала 1930-х годов, этот период стал временем турбулентности, несмотря на «полосу признаний» советской власти со стороны ведущих европейских стран в 1924 г. Понятного формата взаимоотношений между Москвой и ее внешним окружением, прежде всего великими державами, создавшими и поддерживавшими послевоенный Версальский порядок, не возникло. О.Р. Айрапетов иллюстрирует этот тезис, рассматривая ход переговоров на Генуэзской конференции 1922 г.: несмотря на принципиальное согласие ключевых игроков совместно работать над восстановлением европейской экономики, выработка реальных модальностей подобного сотрудничества сталкивалась с неразрешимыми противоречиями. Даже советско-германское сближение после заключения Рапалльского договора имело ряд объективных ограничений, а сами отношения между СССР и Веймарской республикой никогда «не были идиллическими» (т. 1, с. 483).

В 1920-е годы СССР регулярно сталкивался с международными кризисами. В 1923 г. резко ухудшились советско-британские отношения (т. 1, с. 499–504), и хотя конфликт по поводу «ноты Керзона» был улажен, его первопричины сохранялись и постоянно давали о себе знать. В 1927 г. дело дошло до разрыва дипломатических отношений между Москвой и Лондоном, в советском руководстве опасались войны на два фронта: против западных соседей, поддержанных великими державами, а также на Дальнем Востоке (т. 1, с. 549–560). В 1929 г. напряженность вылилась в прямое вооруженное противостояние Красной армии и сил гоминьдановского правительства Китая вокруг Китайско-Восточной железной дороги (т. 1, с. 574–587). После возвращения к власти в Польше Ю. Пилсудского в 1926 г. обострились советско-польские отношения. Как убедительно показывает автор, свой значительный вклад в поддержание антисоветских настроений за рубежом вносила белая эмиграция (т. 1, с. 568–573). Проблема ее реального влияния на политику иностранных государств в отношении СССР еще ждет своего специального исследования.

Стабилизация на южном направлении, где укреплялись связи с Турцией, Персией и Афганистаном, ликвидировалось басмачество, в целом не позволяла нормализовать положение Советского Союза в мире и снять главные угрозы его безопасности, что ярко проде-

монстрировало начало 1930-х годов. Приход к власти в Германии нацистов и активизация японского милитаризма создали очаги военной опасности в Европе и на Дальнем Востоке. Начиная с этого момента «Версальская система была обречена, но неизвестностью оставалось то, каким станет мир после ревизии послевоенного устройства Европы» (т. 1, с. 29).

Третьему этапу развития советской внешней политики, пришедшему на 1931–1939 гг., в работе О.Р. Айрапетова уделяется особое внимание. Этот период прошел под знаком быстрого роста германского реваншизма и поисков путей противодействия ему. Проблема для Советского Союза, полагает автор, заключалась в том, что он был единственной страной, реально заинтересованной в мире и работавшей на его сохранение: «Англия и Франция склонялись к сотрудничеству с Германией, которая к тому же так явно демонстрировала свою готовность к борьбе с коммунизмом и Советской Россией» (т. 1, с. 29). При этом появление на пространстве Центральной и Восточной Европы «уродливых детищ» Версаля, к числу которых помимо Польши автор относит Румынию и Чехословакию, создавало в регионе обширную зону нестабильности, куда и были направлены агрессивные импульсы германского экспансионизма. Осознав, что поворот германской политики открывает окно возможностей для пересмотра существовавшего статус-кво, резко активизировалась на международной арене Италия, считавшая себя обделенной при дележе трофеев по итогам Первой мировой войны.

Основное внимание автора уделено ключевым международным кризисам предвоенного десятилетия. Захват Маньчжурии Японией в 1931 г. был первым актом прямого попрания принципов Лиги Наций одной из ведущих держав. Новая стратегическая ситуация на Дальнем Востоке потребовала от СССР значительного усиления своих военных возможностей в регионе, что, однако, не привело к нормализации отношений с Токио: японцы последовательно ужесточали свою политику в отношении Советского Союза (т. 1, с. 652–654). Попытка использовать механизм Лиги Наций для приостановки итальянской агрессии против Эфиопии в 1935–1936 гг. также оказалась бесплодной. В Лондоне и Париже решили канализировать итальянский реваншизм на периферию, чем фактически развязали руки Риму для разгрома эфиопской армии и оккупации страны (т. 2, с. 149–159). Их пассивность в марте 1936 г., за которой скрывалась

то ли слабость, то ли осознанное решение, позволила А. Гитлеру без противодействия занять демилитаризованную Рейнскую зону. Как показывает О.Р. Айрапетов, Великобритания в значительной степени симпатизировала курсу А. Гитлера на международной арене, что проявилось в характере той политики умиротворения, которую с 1937 г. реализовывал кабинет Н. Чемберлена. Набирал популярность и британский фашизм (т. 2, с. 236–255).

Особый интерес автора связан с историей гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.: соответствующие главы монографии представляют собой полноценный обзор конфликта, реконструируют его причины, цели сторон и детально описывают ход боевых действий на важнейших этапах борьбы (т. 2, с. 156–215). Как отмечается в работе, франкистский мятеж стал возможен именно благодаря внешнеполитическим успехам Германии и Италии: путчисты не скрывали, что ориентируются на фашистскую общественно-политическую модель и собираются выступать единым фронтом с А. Гитлером и Б. Муссолини (т. 1, с. 29–30). Как и в случае с Эфиопией, их победа оказалась результатом невмешательства западных держав в конфликт. Паралич Лиги Наций и бездействие гарантов международного статус-кво открыли путь для прямой агрессии Японии против Китая летом 1937 г. (т. 2, с. 328–334) и аншлюса Австрии в марте 1938 г. (т. 2, с. 255–271). Европа быстрыми темпами фашизировалась, а государства второго эшелона всё увереннее включались в германскую игру. Наиболее амбициозные планы в этой связи вынашивала Польша, которая, как показывает О.Р. Айрапетов, начиная с заключения двустороннего соглашения о ненападении в январе 1934 г. выступала как фактический партнер Берлина (т. 2, с. 267–268).

Венцом политики умиротворения, суть которой автор видит в попытке объединить Европу на антисоветской основе за счет крупных уступок А. Гитлеру, стал Чехословацкий кризис 1938 г. Анализ его предпосылок, хода и последствий во втором томе монографии посвящено почти 100 страниц (т. 2, с. 271–302, 366–434). Автор подробно описывает суть Судетского вопроса как внутривосточной проблемы межвоенной Чехословакии, обосновывая свой тезис о том, что предпосылки его перерастания в международный кризис были созданы самой Прагой, которая в течение многих лет проводила дискриминационную политику в отношении немецкого этнического меньшинства (т. 2, с. 120–135) и при этом имела откровенно враждеб-

ные или недоброжелательные отношения со всеми соседями. А. Гитлер фактически воспользовался сложившейся ситуацией, увидев в Чехословакии слабое звено в цепи новых государств Центральной и Восточной Европы и догадавшись, что державы — хранительницы Версальского статус-кво не решатся на прямую поддержку Праги. Его расчет оказался точным.

Как отмечает О.Р. Айрапетов, «семь месяцев между сентябрем 1938 г. и мартом 1939 г. <...> почти окончательно уверили руководство СССР в бессмысленности надежд на создание системы коллективной безопасности в Европе» (т. 1, с. 31). Лондон и Париж, испытав шок от захвата остатков Чехословакии в марте 1939 г., начинали с растущей озабоченностью наблюдать за действиями А. Гитлера на польском направлении, но при этом по-прежнему проводили явно двусмысленную политику в отношении Советского Союза. Англо-франко-советские политические и военные переговоры апреля–августа 1939 г. вскрыли все противоречия, накопившиеся между Москвой и западными столицами за предвоенное десятилетие. «Предложения, которые делались Лондоном, не были прозрачны»: речь шла о том, чтобы выступить с рядом публичных заявлений и подписать соглашение, не предусматривавшее реального военно-политического сотрудничества. Всё говорило о том, что британцы и французы не собирались «отказаться от мюнхенского курса и сотрудничать с СССР» (т. 2, с. 437). В то же время Берлин в попытках изолировать Польшу начал активно искать взаимопонимания с Москвой, чему немало способствовала «постоянно враждебная по отношению к Советскому Союзу политика самой Польши» (т. 2, с. 460). На этом фоне эскалация на Дальнем Востоке, где в мае–августе 1939 г. развернулись масштабные сражения между Красной армией и японскими войсками, заставляла Кремль окончательно отбросить химеры коллективной безопасности в пользу стратегического решения «принять предложение немцев заключить договор о ненападении», сняв угрозу вооруженного конфликта на два фронта и направив «огонь войны в сторону ее разжигателей» (т. 1, с. 33).

Последний период, исследуемый в монографии О.Р. Айрапетова, совпадает с началом Второй мировой войны до нападения Германии на Советский Союз (1939–1941). Главной целью советской внешней политики в то время было сохранение нейтралитета страны в начавшейся войне, а также укрепление ее стратегического положения.

Решить эти задачи было нелегко. Берлин, с одной стороны, рассматривал возможность превращения Москвы в своего младшего союзника, а с другой — с июля 1940 г. планировал широкомасштабное нападение на СССР в целях установления своего контроля над Европой, что должно было открыть путь к примирению Германии и Великобритании на условиях А. Гитлера (т. 2, с. 660–667). В то же время в Париже и Лондоне вынашивали планы нанесения удара по Советскому Союзу. В Кремле осознавали неизбежность скорого столкновения с внешним врагом: опережающими темпами укреплялась Красная армия, по периметру границ ликвидировались плацдармы для потенциального вторжения, дипломатия активно зондировала германские намерения и обеспечивала японский нейтралитет. Как отмечает автор, «весной 1941 г. советская сторона надеялась, что ей удастся оттянуть начало войны на более поздний срок и максимально использовать оттяжку для перевооружения армии и подготовки» (т. 2, с. 43). Однако начавшаяся Великая Отечественная война вновь привела к тому, что внешняя политика Советского государства совпала с его стратегией: всё было подчинено главной задаче достижения победы.

Верный базовому принципу своей исследовательской работы — «исторический факт должен анализироваться в его контексте» (т. 1, с. 43), О.Р. Айрапетов предлагает читателю подробный нарратив с высокой степенью плотности конкретного фактического материала. Речь идет не просто о реконструкции деятельности Наркомата иностранных дел как инстанции, ответственной за реализацию курса страны на международной арене. Автор исходит из того, что дипломатия — это лишь один из аспектов внешнеполитического позиционирования Советского Союза. Не менее важны для него экономическое строительство и военное планирование. Следование этой установке отличает рассматриваемую монографию от других трудов, которые при всей своей фундированности не содержат комплексного взгляда на проблему формирования советской стратегии⁷. Между тем применительно к анализируемому периоду необходимо говорить именно о стратегическом целеполагании военно-политического руководства СССР, которое, как справедливо утверждается в исследовании, всегда трактовало внешнюю политику с точки зре-

⁷ Карлей М.Дж. Указ. соч.

ния перспективы войны — идущей или неизбежной в ближайшем будущем.

Контекстуализация важна для автора и еще в одном смысле: его внимание обращено на место Советского государства в мире, что делает необходимым глубокое изучение общего событийного фона эпохи. Монография О.Р. Айрапетова представляет собой попытку глубокого анализа Версальско-Вашингтонской системы международных отношений с выделением ее основных центров, узловых проблем и противоречий. Отдельное повествование посвящено ее периферии, которая для историков часто остается в тени взаимоотношений «грандов», не переставая при этом играть важнейшую роль в формировании общей структуры мирового порядка. Автор наглядно иллюстрирует последний тезис, разбирая перипетии становления новых государств Ближнего Востока, вникая в процесс реформирования политического пространства Центральной Азии, детально рассматривая особенности дальневосточной политики. О.Р. Айрапетов убедительно доказывает, что без понимания генезиса государственности народов Центральной и Восточной Европы остается неясной суть их взаимоотношений с соседями вообще и с Советским Союзом в частности. Тот факт, что внешняя политика неотделима от внутренней, иллюстрируется и на примере великих держав: Великобритании, Франции, Японии.

В своей работе О.Р. Айрапетов опирается на ряд новых для отечественной историографии идей. Центральная из них — тезис о том, что «вплоть до осени 1939 г. СССР не был решающей силой для политических процессов, которые шли в мире, созданном после окончания Первой мировой войны в Версале» (т. 1, с. 18), иными словами, не являлся великой державой. Несмотря на то что российскому читателю подобное утверждение может показаться спорным, многие современники событий придерживались именно этой точки зрения. В 1925 г. в меморандуме для главы Форин Офис британский дипломат Г. Николсон писал: «Правда заключается в том, что чувство неуверенности, подрывающее благополучие Западной Европы, в немалой степени вызвано исчезновением России в качестве державы, участвующей в Европейском концерте»⁸. Взгляд на проблему с этого ракурса объясняет многое: отношение Запада к Советскому

⁸Цит. по: Haslam J. The spectre of war: International communism and the origins of World War II. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 79.

государству как к сугубо деструктивной силе на международной арене, невозможность вписать его в рамки понятных европейцам и американцам форматов межгосударственного взаимодействия, характер внешнеполитического поведения самой Москвы, которой приходилось действовать в исключительно неблагоприятной, непредсказуемой среде, а потому — сохранять особую осторожность и страховать все возможные риски.

В этой связи встает вопрос о сути того курса, который с начала 1930-х годов проводил нарком иностранных дел М.М. Литвинов. Рассматривая его, автор делает важный вывод: «Политика, осуществляемая Литвиновым, завершилась внешнеполитической изоляцией и угрозой войны на два фронта против коалиции держав во главе с Германией и Японией» (т. 1, с. 31). Подобное утверждение также идет вразрез с традицией, устоявшейся в отечественной историографии, где литвиновскую политику, как правило, оценивают положительно, возлагая ответственность за итоговую неудачу проекта коллективной безопасности на западные державы⁹. Зарубежные историки зачастую склоняются к точке зрения, что последовательной реализации предложений М.М. Литвинова препятствовала двусмысленная позиция политического руководства СССР во главе со И.В. Сталиным, и в этой связи пытаются возложить на Москву ответственность за провал попыток сдерживания германского реваншизма¹⁰. Тезис о том, что сама идея коллективной безопасности, воспринятая М.М. Литвиновым, была изначально нереализуемой, и следование ей водило советскую дипломатию по замкнутому кругу, до сих пор не получил развития в литературе. Выводы, к которым приходит О.Р. Айрапетов, порождают рефлексии, на которой хотелось бы специально остановиться.

Сталинское восприятие международных отношений формировалось под воздействием двух факторов: влияния марксистско-ленинского идеологического канона, который постулировал имманентную конфликтность мировой политики и непримиримость противоречий между социализмом и империализмом, а также собственного опыта большевиков, сразу после прихода к власти столкнувшихся с консолидированным вооруженным противодействием всех вели-

⁹ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 304–305.

¹⁰ См. подробнее: Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа. 1930–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 231–276.

ких держав и их клиентов по периметру границ бывшей Российской империи. Подобный взгляд на мир логически предполагал новую войну в качестве неизбежного исхода развития международного процесса¹¹.

В то же время войну как магистральную перспективу не следует отождествлять с войной как конкретной угрозой. Лишь во втором случае внешняя политика подчиняется задачам военной стратегии, как это могли видеть сами большевики в годы Гражданской войны. Вне контекста непосредственного военного планирования, когда дипломаты замолкают и начинают говорить пушки, внешнеполитическая деятельность обладает определенной ведомственной и даже политической автономией. При том что в советской системе принятия решений высшее руководство страны традиционно сохраняло за собой последнее слово в международных делах, даже при В.И. Ленине НКВД пытался формулировать собственную повестку в весьма важных вопросах. И.В. Сталин, занявшись в начале 1930-х годов вопросами социально-экономической реконструкции страны и консолидации своей власти, вероятно, осознанно поручил внешнеполитический фронт М.М. Литвинову — человеку, во многом не схожему с вождем по мировоззрению, но хорошему дипломату и эффективному администратору¹².

При этом М.М. Литвинов действовал в определенных рамках. Уроки первых лет советской власти, подкрепленные ленинской теорией империализма, говорили о том, что капиталистический лагерь консолидирован, когда речь заходит о прямом противостоянии социализму, но в остальном, как правило, хронически разобщен, разделен неразрешимыми внутренними противоречиями. Самым неблагоприятным сценарием для Москвы оставалось повторение ситуации 1919–1920 гг., когда объединенный Запад, опираясь на лимитрофные государства и внутрироссийскую вооруженную оппозицию большевикам, поставил под угрозу будущее советской власти. Из этих опасений вытекала главная задача для НКВД — маневрировать между основными международными игроками и блоками, не допуская их объединения, которое не могло не вы-

¹¹ Pons S. Stalin and the inevitable war, 1936–1941. London; Portland: Frank Cass Publishers, 2002. P. 1–4.

¹² Haslam J. Litvinov, Stalin and the road not taken // Soviet foreign policy, 1917–1991: A retrospective / Ed. by G. Gorodetsky. London; Portland: Cass, 1994. P. 55–61.

ступать как антисоветское. На протяжении 1920-х годов эта задача реализовывалась за счет советско-германского сотрудничества. С изменением политики Берлина в начале 1930-х годов на повестку дня вышла другая задача — контролируемое сближение с Западом и созданными под его эгидой институтами.

Иными словами, интеграция СССР в систему коллективной безопасности никогда не мыслилась в Кремле как самоцель. Следует учитывать и то обстоятельство, что у советского руководства не было оснований доверять британцам и французам больше, чем немцам. Антикоммунизм А. Гитлера вполне соответствовал настроениям британских и французских элит, причем первые, как показывает О.Р. Айрапетов, разделяли ряд положений нацистской идеологии. И.В. Сталин, как точно отметил российский историк М.М. Наринский, исходил «не из приверженности идее коллективной безопасности как таковой, а из национально-государственных интересов СССР»¹³. Задачей М.М. Литвинова было сохранение баланса между сближением с Западом, актуализированным международной конъюнктурой, и базовыми установками советской внешней политики, которые предполагали прежде всего сохранение у Москвы свободы рук.

Основным противоречием советской внешней политики 1930-х годов, вероятно, было стремление НКВД развить это движение навстречу Западу за пределы обозначенных рамок, пойдя на качественную перестройку взаимоотношений с Великобританией, Францией и США. Политика коллективной безопасности, которую И.В. Сталин за глаза называл «лигонацовским навозом»¹⁴, для М.М. Литвинова и его сотрудников представляла собой суть самого международного позиционирования СССР. Достигнутый на сегодня в историографии уровень представлений о роли НКВД и лично его руководителя в системе принятия внешнеполитических решений в Советском Союзе в предвоенное десятилетие не позволяет утверждать это с точностью, но стойкая приверженность наркома линии на соглашение с западными великими державами вопреки всем ограничениям не вызывает сомнений.

¹³ Цит. по: Наринский М.М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы: Сборник научных статей / Отв. ред. М.М. Наринский. М.: МГИМО(У) МИД России, 2003. С. 70–71.

¹⁴ Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001. С. 564.

Историкам еще предстоит выяснить, чем для самого М.М. Литвинова являлась коллективная безопасность. Можно предположить, что ее философия, в основе своей универалистская и пацифистская, стояла для него не на первом плане. Как показал Эфиопский кризис 1935–1936 гг., приоритетом для наркома оставалось сохранение взаимопонимания с «грандами» в лице Великобритании и Франции, ради чего он был готов формально соблюсти процедуру Лиги Наций, фактически поступившись ее духом¹⁵. Уже тогда подобная позиция вызывала нарекания со стороны И.В. Сталина. М.М. Литвинов, очевидно, стремился к полноправному участию СССР в мировой «директории» великих держав вопреки явно выраженному отказу западников не только считать Москву потенциальным членом мирового клуба, но даже учитывать ее национальные интересы в ходе переговоров о недопущении войны в Европе. В тех случаях, когда подобное их отношение наглядно проявлялось, как, например, в ходе Чехословацкого кризиса 1938 г., нарком мог реагировать достаточно жестко, однако его магистральный курс оставался неизменным.

М.М. Литвинов во главе НКВД был ценен как специалист по взаимодействию с западными странами, человек, пользовавшийся авторитетом в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Женеве¹⁶. Но реализуемая им политика интеграции в систему коллективной безопасности получала одобрение руководства страны ровно до тех пор, пока в Кремле не убедились, что она не только не позволяет контролировать военные угрозы в Европе, но и ведет к изоляции СССР: уже Мюнхен представлял собой новый формат решения международных проблем путем прямой сделки между великими державами без учета Устава Лиги Наций. Мировая «директория» действительно складывалась, но Москву не собирались включать в ее состав. И.В. Сталин мог истолковать это единственным образом: на горизонте возникала перспектива новой антисоветской коалиции, и литвиновская политика открытости лишь обезоруживала Советский Союз перед ее лицом.

Судьба наркома оказалась в прямой зависимости от того, насколько уверенно Великобритания и Франция пересматривали свои установки на фоне открытой агрессии А. Гитлера с марта 1939 г. В се-

¹⁵ См. подробнее: Haslam J. The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933–39. New York: St. Martin's Press, 1984. P. 60–79.

¹⁶ Дюллен С. Указ. соч. С. 17–26.

редине апреля, отдавая себе полный отчет в том, что стоит на кону, М.М. Литвинов предложил И.В. Сталину проект трехстороннего соглашения, которое представляло собой очередную гарантийную комбинацию в духе Восточного пакта 1934–1935 гг. Судя по всему, нарком был склонен согласиться с мнением западных дипломатов (ошибочным, как вполне понятно сегодня) о том, что остановить А. Гитлера способна демонстрация реальной готовности «миролюбивых государств» противостоять ему силой оружия. И.В. Сталин уже не разделял подобных иллюзий. Его отказ рассматривать поданную НКВД схему недвусмысленно говорил о том, что в коллективную безопасность в Москве больше не верили. Под пером советского лидера литвиновский проект превратился в эскиз полноценного военного союза, который и был направлен в Лондон¹⁷. Форин Офис ушел от практического обсуждения советского плана, чем решил участь М.М. Литвинова, который 3 мая 1939 г. был отправлен в отставку. Сам факт замены руководства НКВД и появления во главе советской дипломатии В.М. Молотова — человека, который не собирался вести переговоры в духе женеvских ассамблей, должен был отрезвляюще подействовать на британцев и французов. Однако Запад упорно отказывался от разговора на языке стратегии — единственно целесообразном в ситуации уже неизбежной войны. Последствия этого хорошо известны.

Рассматриваемый О.Р. Айрапетовым временной отрезок — это период «расплавленной государственности»¹⁸. В своей истории Россия уже проходила через подобные этапы. Каждый раз они сопровождались формированием не только новой внешнеполитической повестки, но и выработкой особого стратегического стиля. Пришедшие в 1917 г. к власти большевики не были носителями какой-либо управленческой традиции. Аппарат ведомств, ответственных за международное направление, конкретные практики работы, восприятие отдельных стран и мирового пейзажа как такового складывались не в одночасье. К тому же сам мир эпохи «восставших масс» быстро менялся. Прежняя *Realpolitik* не отражала всех его метаморфоз. Как по другому поводу замечает автор, цитируя В.В. Шульгина, «реальная политика», конечно, вещь хорошая, но

¹⁷ См. подробнее: Resis A. The fall of Litvinov: Harbinger of the German-Soviet non-aggression pact // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 1. P. 33–56.

¹⁸ Борисов Н.С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 47.

какая она обманчивая: никогда не знаешь, что же на самом деле реально» (т. 1, с. 179).

В ситуации смещения всех ориентиров идеология играла роль компаса. У большевиков при всем их догматизме он был настроен точнее, чем у лидеров западных держав. Высшее руководство Советского государства, переняв ключевые элементы традиционного российского стратегического целеполагания, адаптировало их к условиям новой эпохи. Горизонты его внешней политики становились в полном смысле слова глобальными. «Москва, — писал в 1924 г. тогдашний нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, — имеет все-таки маленькое достоинство. Она не теряет из виду историческую перспективу»¹⁹. Именно эту перспективу, очерчивая ранние контуры советской *Weltpolitik*, и представляет нам О.Р. Айрапетов, чье исследование, без сомнения, намечает пути дальнейшего развития одной из ключевых тем отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 02.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.02.2025;
принята к публикации 19.03.2025

The paper was submitted 02.01.2025;
approved after reviewing 20.02.2025;
accepted for publication 19.03.2025

¹⁹ Цит. по: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. / Гл. ред. И.С. Иванов. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 333.